

**Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова**

Филологический факультет

На правах рукописи

НОВИКОВА

Мария Валерьевна

**Особенности нарративных функций видо-временных форм в
севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками
русской письменности XII – XVII вв.**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук
доцент М. Н. Шевелева

Москва
2016

Оглавление

Оглавление.....	2
Введение	4
Глава I. Настоящее историческое	40
I. 1. История вопроса.....	40
I. 1. 1. Настоящее историческое в современном литературном языке	40
I. 1. 2. Настоящее историческое в древнерусских и старорусских памятниках.....	46
I. 2. Настоящее историческое в Онежских былинах	49
I. 2. 1. Настоящее историческое НСВ	50
I. 2. 1. 1. Настоящее историческое НСВ с событийным значением	50
I. 2. 1. 2. Настоящее историческое НСВ с процессным значением	60
I. 2. 2. Настоящее историческое СВ	64
I. 3. Настоящее историческое в памятниках XII – XVII вв.	96
I. 3. 1. Настоящее историческое в памятниках XII – XIII вв.	96
I. 3. 2. Настоящее историческое в памятниках последней трети XIV – XVI вв.	106
I. 3. 3. Настоящее историческое в памятниках XVII в.	130
I. 4. Итоги	143
Глава II. Прошедшее НСВ в событийном значении	148
II. 1. История вопроса	148
II. 2. Прошедшее НСВ в событийном значении в Онежских былинах	159
II. 3. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках XII – XVII вв.	174
II. 3. 1. Имперфект в событийном значении в памятниках XII – XIII вв.	174
II. 3. 2. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках второй половины XIV – XVI вв.	190
II. 3. 3. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках XVII в.	199
II. 4. Итоги	208

Глава III. Имперфективы, образованные от основ НСВ (глаголы типа <i>хаживал, нашивал, приезживал</i> и т. п.)	212
III. 1. История вопроса	213
III. 1. 1. Глаголы типа <i>хаживал</i> в современном литературном языке	213
III. 1. 2. Глаголы типа <i>хаживал</i> в памятниках XV – XVII вв.	216
III. 1. 3. Глаголы типа <i>хаживал</i> в современных русских говорах	223
III. 2. Глаголы типа <i>хаживал</i> в фольклорных текстах	228
III. 2. 1. Глаголы типа <i>хаживал</i> в севернорусских фольклорных текстах ...	228
III. 2. 2. Глаголы типа <i>хаживал</i> в фольклорных текстах из разных регионов	263
III. 3. Глаголы типа <i>хаживал</i> в памятниках XV – XVII вв.	272
III. 3. 1. Глаголы типа <i>хаживал</i> в памятниках XV – XVI вв.	272
III. 3. 2. Глаголы типа <i>хаживал</i> в памятниках XVII в.	287
III. 4. Итоги	301
Заключение	303
Список источников	309
Литература	313

Введение

Известно, что былинный нарратив характеризуется рядом особенностей, составляющих его специфические отличительные черты и не свойственных литературному художественному или разговорному нарративу. К их числу относится нетипичное видовое распределение в обоих повествовательных временных планах (более широкое употребление глаголов совершенного вида в плане настоящего исторического и, напротив, более широкое употребление глаголов несовершенного вида в плане прошедшего для обозначения завершенных однократных событий в прошлом), а также более широкое по сравнению с литературным языком функционирование имперфективов, производных от основ НСВ (*хаживал, сиживал, приезживал* и под.). Эти явления регулярно привлекают внимание историков языка, но до сих пор не становились предметом специального комплексного изучения.

Целью настоящей работы является описание специфических, не соответствующих литературной норме особенностей употребления видовременных форм в планах прошедшего и настоящего исторического в текстах Онежских былин, а также исследование их происхождения и функционирования на более ранних этапах развития русского языка.

При анализе функционирования форм прошедшего времени основное внимание уделено особому употреблению глаголов НСВ для обозначения событий в претеритальной цепи и глаголов типа *хаживал*, в плане настоящего исторического рассматриваются особенности употребления глаголов обоих видов.

Диахроническое исследование функционирования указанных форм предполагает обращение к древнерусским и церковнославянским текстам в рамках трех хронологических срезов – древнерусского периода (XII – XIII вв.), периода второго южнославянского влияния (последняя треть XIV – XVI вв.) и периода, приближенного ко времени записи былин (XVII в.).

Поставленные цели предполагают решение следующих **задач**:

- описание особенностей семантики и функционирования прошедшего НСВ, настоящего исторического обоих видов и имперфективов, мотивированных основами НСВ, в текстах былин;

- анализ употребления указанных форм в восточнославянских литературных текстах разной степени книжности в рамках трех указанных хронологических срезов;

- выявление возможных этапов развития и механизмов эволюции и/или утраты названных форм.

Соответственно цели исследования и поставленным задачам определяется и **структура работы**. Первая из трех глав посвящена употреблению настоящего исторического, вторая – употреблению прошедшего НСВ, третья – имперфективам, образованным от основ НСВ.

Главы построены однотипно. Каждая из них предваряется отдельной вступительной частью, содержащей историю вопроса и соответствующий обзор литературы. Далее обсуждаются особенности семантики и функционирования соответствующих форм в текстах былин, анализируются аналогичные употребления в текстах других фольклорных жанров и материалах русских говоров. Последующие части посвящены анализу аналогичных употреблений в более ранние периоды развития русского языка по данным исследованных памятников с последующим обобщением полученных данных.

Характеристика источников

Материалом для исследования послужили севернорусские былины, а также древнерусские и старорусские памятники различной территориальной локализации и хронологической отнесенности.

1. Фольклорные тексты

1. Основным источником настоящего исследования являются Онежские былины (Онеж.), записанные А. Ф. Гильфердингом в

1871 г. на территории, охватывающей юго-восточную часть Карелии и юго-запад Архангельской области [Гильфердинг 1949]. Как сообщает сам А. Ф. Гильфердинг, былины он записывал именно в процессе их исполнения – такой метод записи обусловил максимально подробное отражение как особенностей размера стиха, так и языка былины. В этом отношении тексты, записанные А. Ф. Гильфердингом, отличаются от материала других собирателей того времени, и высокая точность его записей позволяет рассматривать их как источник для лингвистических исследований.

К Онежским былинам обращались многие лингвисты, в том числе сам А. Ф. Гильфердинг, первым прокомментировавший собранные тексты. На материале былин исследовал некоторые вопросы истории русского языка и диалектологии А. А. Потебня [Потебня 1941]. В. И. Чернышев, И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко привлекали данные былин в связи с проблемой аналитических глагольных форм и конструкций [Чернышев 1970; Кузьмина, Немченко 1968], Б. А. Успенский, Д. С. Лихачев – по вопросу значения и функционирования форм несовершенного вида прошедшего времени [Успенский 2005; Лихачев 1979]. П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон обсуждали проблему появления в былинах элементов, чуждых родному диалекту исполнителя. В частности, П. Г. Богатырев считает, что специфическое содержание былин (идеализированное эпическое время, особые социальные отношения и быт, особые условные мотивировки действий персонажей) обуславливает стремление сказителя к сохранению особого архаичного стиля исполнения былины [Богатырев 1962: 75 – 86]. Р. О. Якобсон добавляет, что сохранение архаизмов и чуждых элементов может быть связано с требованиями устойчивой метрической системы былин, поэтому язык эпических текстов, по его мнению, наиболее архаичен там, где «языковой пережиток поддерживается просодическими требованиями стиха» [Якобсон 1962: 89].

Внимание к эпическим текстам не только специалистов по фольклористике и литературоведению, но и лингвистов во многом

объясняется тем, что былина, являясь одним из наиболее древних фольклорных жанров, представляет собой произведение устного творчества, что позволяет рассматривать ее как один из источников, отражающих особенности не книжной языковой традиции, опирающейся отчасти и на живую речь исполнителей. При этом былина обладает определенными устойчивыми чертами, в том числе и на языковом уровне, характерными именно для этого жанра и сохраняющимися на протяжении долгого времени. Именно поэтому данные былины оказываются ценным источником для исторической русистики.

2. В качестве дополнительного источника мы привлекаем южнорусские былины (ЮжнБ), записанные примерно в то же время – в начале XX в. Они представляют совершенно иную традицию, отличаясь от севернорусских былин как организацией сюжета и собственно нарратива, так и манерой исполнения. Фактически былины существуют здесь «в развитой форме протяжной песни» [Кондратьев 1949: 5], предполагающей не индивидуальное, а хоровое исполнение¹. Это в значительной степени обусловило сильное сокращение исходного текста былины: в качестве самостоятельных произведений поются достаточно короткие эпизоды, которые на Севере составляют лишь отдельные фрагменты большого текста. Несмотря на то что эпическая традиция на Юге фактически уступила место песенной, в рассмотренных нами текстах отмечаются те же особенности употребления видо-временных форм, которые характерны для жанра былин (прежде всего, конечно, прошедшее НСВ для обозначения завершенных действий в цепочке).

Дополнительно для анализа привлекаются русские народные сказки.

3. Олонецкие сказки (ССк) – тексты, записанные А. А. Шахматовым в Олонецкой губернии в 1884 г. и опубликованные в сборнике Н. Е. Ончукова, для нас наиболее интересны. Сам Н. Е. Ончуков подчеркивает тщательное

¹ Рифмованные тексты мы, разумеется, не рассматриваем.

сохранение А. А. Шахматовым фонетических и морфологических диалектных особенностей речи информантов, отмечая, что другие тексты, опубликованные в том же сборнике (в том числе и записанные им самим), не только не отличаются такой точностью, но в ряде случаев даже подвергнуты литературной обработке [Ончуков 1909: XIV]. Этим и объясняется тот факт, что из всего сборника сказок Н. Е. Ончукова исследованы только тексты, записанные А. А. Шахматовым.

4. Сказки пушкинских мест (СкПушк), записанные в 1920-е гг. на территории современных Псковской и Нижегородской областей, мы привлекаем, с тем чтобы несколько расширить исследуемый фольклорный материал с географической точки зрения, не ограничиваясь только севернорусским регионом.

5. Сборник сказок Азадовского (СкАз) рассматривается с той же целью. М. К. Азадовский переиздал ранее уже публиковавшиеся тексты, распределив их «не по отдельным видам или типам сказок, не по сюжетам и темам, но исключительно по их носителям» [Азадовский 1932: 7] и представив, таким образом, в одном издании тексты, записанные на территориях современных Самарской, Воронежской, Вологодской и Архангельской областей, на Урале и в разных районах Сибири.

Нельзя не отметить, что регионы, присутствующие в нашей выборке, представлены крайне неравномерно. В частности, помимо севернорусских регионов, значительный корпус сказок записан в Псковской области и Нижегородской областях. В остальных же случаях объем текстов, приходящихся на каждый регион, очень невелик. В этой связи сразу оговоримся, что составить сколько-нибудь полную картину о диалектном распределении тех или иных форм, а также о специфике их употребления в разных говорах на материале перечисленных сказок не удастся (и не входит в число задач настоящего исследования) – мы можем наметить лишь самые общие тенденции и особенности, характеризующие не-севернорусские говоры.

II. Памятники древнерусского периода

В число исследованных памятников XII – XIII вв. входят тексты гибридного регистра книжного языка [Живов 2004] и стандартные церковнославянские тексты. Первые представлены преимущественно древнерусскими летописями, вторые – житиями, как оригинальными, так и переводными.

6. Киевская летопись (КЛ) входит в состав Ипатьевского летописного свода конца XIII – начала XIV вв. Составленная на рубеже XII – XIII вв. в Киеве [Приселков 1996: 87], она охватывает период от 1119 до 1200 гг.

КЛ принадлежит к числу великокняжеских летописных сводов, в качестве источников при составлении ее привлекались семейная хроника Ростиславичей, Черниговский летописец князя Игоря Святославича, летописец Переяславля Южного князя Владимира Глебовича [Приселков 1996: 88], памятники ростово-суздальского летописания и Галицко-Волынская летопись («начиная с 40-х годов XII столетия») [Шахматов 1908: IV – V].

Древнейшим списком летописи является Ипатьевский, составленный на северо-западе Руси в начале XV в. Он исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 2). М., 2001*, разночтения даются по Хлебниковскому и Погодинскому спискам XVI и начала XVII вв. соответственно [Шахматов 1908: IV, V].

7. Галицко-Волынская летопись (ГВЛ) продолжает Киевскую в составе Ипатьевского свода, заканчиваясь 1292 г. Отмечается значительное число источников в ее составе, среди которых «княжеские летописцы, различные документы (акты, грамоты, военные донесения, дипломатические отчеты), рассказы очевидцев о битвах и походах, воинские повести, фрагменты из других летописей, местное летописание», а также частые обращения к книжным источникам – к переводным историческим сочинениям (греческим хроникам, к «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия) и «большие цитаты из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона» [СКК 1987: 239].

Исследователи сходятся во мнении, что летопись состоит из двух крупных частей – Галицкой и Волынской, дискуссионным остается только вопрос о том, где именно проходит граница между двумя частями. Галицкая летопись оказывается более «книжной» по своему характеру: она отличается обилием церковнославянизмов, частым обращением к книжным конструкциям, отражая явную ориентацию на церковнославянские образцы. Волынская же часть летописи по ряду синтаксических и морфологических параметров оказывается гораздо ближе к КЛ, в ней «достаточно свободно отражаются явления, свойственные живому языку» [Юрьева 2013: 146; ранее также: Орлов 1926: 103 – 119; Шевелева 2010]. Исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 2). М., 2001.*

8. Новгородская I летопись старшего извода (НПЛ) представлена дефектным Синодальным списком 1-й половины XIV в., охватывающим период с 1016 по 1352 гг. Протографом ее является новгородская владычная летопись, «возникшая около 1115 г. и с тех пор на протяжении нескольких столетий из года в год пополнявшаяся новыми записями» [Гиппиус 2006: 122 – 123]. Часть текста в записях 1196 – 1330 гг. была списана с самого протографа, в более ранних записях имеющаяся рукопись отделяется от него «одним промежуточным списком», которым могла быть копия владычной летописи, дополненная местными записями [Гиппиус 2006: 123]. Сам протограф подвергался лишь частичной редактуре; в частности, в конце 1160-х гг. была заменена начальная часть, содержащая текст киевского Начального свода (она восстанавливается по младшему списку НПЛ), а в первой четверти XIII в. летопись была дополнена рядом вставных повестей и рассказов [Гиппиус 2006: 123 – 124]. Рукопись делится на две части: записи 1016 – 1234 гг. написаны почерком XIII в., до 1330 г. – почерком первой половины XIV в., до 1352 г. следуют приписки, сделанные разными почерками [Гиппиус 2006: 122]. Рассматривается по изданию *ПСРЛ (т. 3). М.-Л., 1950.*

9. Слово о полку Игореве (СПИ) в жанрово-стилистическом отношении выделяется на фоне других гибридных памятников раннего периода своей очевидной связью с устной народной традицией [Адрианова-Перетц 1968: 9, 21 – 27, 40; Лихачев 1985: 20; Зализняк 2007: 118 – 120; Николаев 2014: 30 и др.] и, в частности, с эпической традицией, что, безусловно, делает этот текст принципиально важным для нашего исследования. Так, по наблюдениям Д. С. Лихачева, стилистика СПИ отражает принадлежность его «к числу книжных отражений раннефеодального эпоса» [Лихачев 1985: 17]; аналогии с поздними текстами былины обнаруживает А. А. Зализняк [Зализняк 2007: 120]; С. Л. Николаев замечает, что автор, по-видимому, «вплел в нее (поэму) обширные фрагменты из дружинного эпоса или авторского текста староукраинского происхождения» [Николаев 2012: 30].

Самая широкая датировка памятника охватывает период не ранее 1185 г., когда состоялся поход Игоря, и не позднее XIII в. А. А. Зализняк датирует текст концом XII – началом XIII вв. [Зализняк 2007: 31]. С. Л. Николаев на основании ряда грамматических признаков относит создание памятника к середине – концу XIII в. При этом целый ряд «системных архаизмов», нехарактерных для разговорного древнерусского языка не только в XIII, но в отдельных случаях уже и в XI в., позволил С. Л. Николаеву предполагать, что «автор следовал гипотетическому стандарту “эпического языка”, в котором искусственно поддерживалась древняя форма» [Николаев 2012: 35]. Текст рассматривается в чтении А. А. Зализняка, приведенном в работе *СПИ: взгляд лингвиста. М., 2007.*

10. Среди рассмотренных нами стандартных церковнославянских текстов наиболее ранним оказывается Житие Феодосия Печерского (ЖФП), вообще являющееся одним из древнейших оригинальных восточнославянских житий. Автором текста принято считать Нестора. Относительно времени его создания существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи датируют памятник 80-ми годами XI в., другие –

началом XII в. [СКК 1987: 275 – 276]. Старший отдельный список жития находится в составе Успенского сборника – рукописи южнорусского происхождения XII – XIII вв.

11. Сказание о Борисе и Глебе (СкБГ) также принадлежит к числу древнейших оригинальных агиографических текстов. Точная датировка сказания зависит от того, включалась ли в первоначальный текст памятника часть, рассказывающая о чудесах, совершенных Борисом и Глебом, и перенесении их мощей, или же она была составлена позднее. Если вторая часть была составлена одновременно с основным рассказом о гибели Бориса и Глеба, борьбе Ярослава со Святополком, перенесении тела Глеба в Вышгород и его погребении, то всё сказание не может датироваться временем ранее 1115 г., поскольку именно в этом году состоялось перенесение мощей святых, которым заканчивается сказание о чудесах. Если же вторая часть была присоединена позднее, то памятник может быть датирован более ранним периодом. В любом случае самые широкие хронологические рамки включают последнюю треть XI в. – первую треть XII в. [СКК 1987: 398, 400 – 404]. Текст исследуется по самому раннему дошедшему до нас списку в составе Успенского сборника XII – XIII вв.

12. Житие Авраамия Смоленского (ЖАС) составлено в первой половине XIII в., но, по-видимому, уже после начала монголо-татарского нашествия. Хотя житие относится к числу произведений областной литературы, при составлении его был использован значительный корпус оригинальных и переводных источников [Буланин 2005: 456].

Как пишет в предисловии к изданию жития С. П. Розанов, все сохранившиеся списки относятся к XVI – XVII вв. и «представляют собою в общем одну редакцию, восходящую несомненно к Ефремовской» [Розанов 1912: II]. Мы рассматриваем только текст, названный С. П. Розановым «основным, полным житием», который, по его словам, является наиболее древней редакцией жития [Розанов 1912: II], списки проложного, сокращенного типа в работе не рассматриваются. Текст исследован по

изданию *Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. СПб, 1912*, подготовленному С. П. Розановым.

13. Житие Алексея человека Божия (ЖАЧБ) – переводной агиографический памятник. Оно стало известно в древнерусской книжности не позднее XII в. Мы рассматриваем только одну – древнейшую – редакцию жития, которая известна по списку XII в. в составе сборника «Златоструй», а также сохранилась в ряде позднейших списков. Как как полагает В. П. Адрианова-Перетц, этот перевод «пришел на Русь не прямо из Византии, а через южнославянскую письменность», хотя и остался «близок к греческому оригиналу» [Адрианова-Перетц 2004: 534; СКК 1987: 129]. Текст исследован по изданию *И. И. Срезневского в ИОРЯС, 1863, т. 10*.

14. Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) также относится к числу переводных произведений и было очень широко распространено на Руси. Текст, который мы рассматриваем, относится к числу древнейших переводов жития – он датируется рубежом XI – XII вв. и происходит с территории Северо-Западной Руси [Молдован 2000: 17, 27]. В отличие от всех перечисленных агиографических памятников, ЖАЮ, строго говоря, не может быть названо стандартным церковнославянским текстом и оказывается близким к текстам гибридного регистра, поскольку широко отражает новгородские диалектные особенности. Житие рассматривается по тексту, опубликованному А. М. Молдованом; в качестве основного выбран список конца XIV в., ближайший к протографу и древнейший из дошедших списков древнерусского перевода [Молдован 2000: 149]; утраченные фрагменты восполняются по «древней копии с него» 1494 г. [Молдован 2000: 149, 19].

III. Памятники последней трети XIV – XVI вв.

Памятники последней трети XIV – XVI вв. представлены летописными сводами московского и севернорусского происхождения. Являясь текстами

гибридного регистра, они включают в свой состав вставные произведения, в числе которых оказываются и стандартные церковнославянские жития, и гибридные повести и сказания.

15. Московский летописный свод конца XV в. (МЛС) представляет собой общерусский свод, московский по происхождению, составленный в первой половине 1490-х гг. [СКК 1989: 34]. В основной своей части (до 1479 г.) он совпадает с Московским великокняжеским сводом 1479 г., который стал основой для всего великокняжеского летописания конца XV – начала XVI в., излагающего «официальную» точку зрения на политическую историю государства. Мы рассматриваем самый ранний список МЛС – Уваровский, относящийся к первой половине XVI в. [Лурье 1955: 167; Клосс 1980: 149; СКК 1989: 32], по изданию *ПСРЛ (т. 25). М., 1949.*

Хотя МЛС начинается Повестью временных лет (записью под 1072 г.), в работе исследуются только записи начиная с 1380 г. и вставные тексты, включенные в состав более ранних записей, но созданные в конце XIV – XV вв. Кроме того, при анализе употребления отдельных форм в древнерусский период мы рассматриваем также записи МЛС до 1300 г., однако, поскольку нельзя не учитывать возможность позднейшей переработки текста, обращение к этим записям всякий раз оговаривается особо.

16. Никоновская летопись (НЛ) представляет собой крупнейший памятник русского летописания XVI в. [Клосс 1980: 7], начинающийся Повестью временных лет. НЛ содержит ряд уникальных записей, не сохранившиеся в каких-либо других источниках, но в целом является компиляцией, в которой «использованы различные местные летописцы, древние повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы» [Клосс 2000: V]. Задействованный материал последовательно отредактирован и приведен в соответствие с установкой на защиту интересов церкви и великого князя и поддержку его политики [СКК 1989: 49; Клосс 2000: V].

Первоначальная редакция свода была составлена при кафедре митрополита Даниила в 1520-1530-х гг. и доводила изложение до 1520 г.; эта редакция составила первую часть (л. 1 – 939) списка Оболенского, позднейшие записи были добавлены в него уже во второй половине XVI в. [Клосс 1980: 43 – 51]. Составление второй редакции, отраженной в Патриаршем списке, относится к концу 1550-х гг., когда свод митрополита Даниила был скопирован и дополнен по Воскресенской летописи и Летописцу начала царства до 1556 г. [Клосс 2000: VI]. Патриарший список стал основным при публикации свода в издании *ПСРЛ (тт. IX – XIII)*, по которому исследован памятник, учитываются также разночтения, имеющиеся в других списках. Рассматриваются только записи последней трети XIV – XVI вв. (1380 – 1556 гг.)

17. Царственная книга (ЦКн) – это часть Лицевого летописного свода, составленного по заказу Ивана Грозного и включавшего в качестве одного из основных источников НЛ [Клосс 1980: 206]. Текст содержит изложение событий 1533 – 1568 гг., последний этап работы на нем предположительно относят к 1570-м гг. Составление Лицевого свода было продиктовано необходимостью составления официальной истории государства, и повествование, соответственно, «подчинено идее прославления царской династии, утверждения самодержавной власти царя» [СКК 1989: 506]. Хотя ЦКн во многом совпадает с соответствующими записями НЛ (прежде всего в частях включенного в состав обоих памятников Летописца начала царства), она может быть привлечена в качестве дополнительного источника XVI в. Рассматривается по изданию *ПСРЛ (т. 13). СПб., 1906.*

18. Холмогорская летопись (ХЛ), начинающаяся Повестью временных лет, доведена до 1558 г., ориентировочно к этому периоду относят и время ее создания. Она содержит как общерусские известия, совпадающие с целым рядом общерусских сводов, так и известия, относящиеся к Русскому Северу – прежде всего Двинской земле и Холмогорам (в особенности в

заключительной своей части); по-видимому, в этом районе ХЛ и была составлена.

Из двух сохранившихся списков в настоящее время опубликован один – Погодинский, составленный во второй половине XVII в. [СКК 1989: 68]. Мы рассматриваем записи 1380 – 1558 гг., а также вставные тексты, создание которых относится к этому времени. Кроме того, в отдельных специально оговоренных случаях обращаемся к записям раннего периода. Текст исследован по изданию *ПСРЛ (т. 33). М., 1977.*

19. Устюжская летопись (УЛ) составлена в первой четверти XVI в. и является первой общерусской летописью, составленной в Устюге [ПСРЛ, 37: 3]. Наряду с общерусскими известиями уже с XII в. в ней читаются и местные устюжские записи, которые «становятся особенно обильными» с последней четверти XV в. [СКК 1989: 67].

Летопись известна в двух редакциях (мы рассматриваем обе), начинающихся с Повести временных лет. Одна из них представлена списком Мациевича конца XVII в. и доводит изложение до 1517 г. (после УЛ в рукописи следуют еще несколько позднейших записей – они здесь не рассматриваются). Вторая редакция продолжена до конца XVI в. и известна в трех списках XVII – XVIII вв., за которыми закрепилось название Архангелогородского летописца [ПСРЛ, 37: 4]. Все записи УЛ несут явные следы позднейшей переработки, поэтому для исследования древнерусского периода в данном случае неинформативны. Текст исследован по изданию *ПСРЛ (т. 37). Л., 1982.*

20. Задонщина (Задон.), как полагают исследователи, была создана в 1380-х гг., еще при жизни Дмитрия Донского [Дмитриева 1995: 202; Дмитриев 2005: 531]. Этот текст интересен для нас прежде всего своей связью с фольклорной традицией и использованием в качестве литературного образца Слова о полку Игореве.

Известно шесть списков «Задонщины» XV – XVII вв., которые представляют два варианта текста, восходящие к одной, общей для них

редакции, не сохранившейся в своем первоначальном виде [Адрианова-Перетц 1948]. Опираясь преимущественно на списки Ундольского XVII в. и Исторический первый конца XVI в., мы обращаемся также и к другим спискам, опубликованным В. П. Адриановой-Перетц в *ТОДЛ, т. IV. М.-Л., 1948.*

IV. Памятники XVII в.

Число рассмотренных памятников XVII в. составляют в основном гибридные тексты – летописи, повести, сказания, «видения», но представлены и отдельные тексты высокой степени книжности.

21. Мазуринский летописец (МЛ) составлен в Москве в конце XVII в., в настоящее время известен один список конца XVII в. [Буганов 1968: 3].

МЛ начинается с легендарных известий и рассказов о первых христианских мучениках и заканчивается повестью о Московском восстании 1682 г. Таким образом, помимо событий русской истории (удельный вес которых возрастает ближе к концу текста) он содержит также фрагменты, посвященные истории Византии, западных славян, русской (и вообще христианской) церкви. Основой изложения событий до конца XVI в. стали Степенная книга и Никоновская летопись, дополненные другими источниками; при составлении позднейших записей были использованы в том числе отдельные оригинальные сочинения и источники, сохранившиеся только в составе МЛ [Корецкий 1968: 282 – 283]. Однако, как показал В. М. Живов, составитель летописи «был в лингвистическом отношении очень неизощренным книжником» и не вполне уверенно обращался с книжными формами прошедшего времени [Живов 1995: 52 и далее]. Текст исследован по изданию *ПСРЛ (т. 31). М., 1968.*

22. Летописец 1619 – 1691 гг. (Лет. 1619 – 1691), строго говоря, не является летописью, хотя и имеет летописную форму изложения. Летописец относится к числу оригинальных произведений, его записи неизвестны в составе каких-либо других источников. Текст рассказывает о московских

событиях, связанных «с жизнью царского и патриаршего дворов» и города вообще (пожары, эпидемии, бунты и др.) [Буганов 1968: 4]. Характер изложения событий 1650-1660-х гг. позволяет предполагать, что автор был их очевидцем, особенно же подробными становятся записи о событиях начиная с 1670-х гг.: «часто называются не только месяцы и дни, но и часы тех или иных событий» [Буганов 1968: 4]. Исключительно подробно рассказаны события Московского восстания 1682 г. – оно составляет большую часть объема всего памятника. Но, будучи фактически самостоятельным произведением, Повесть о Московском восстании тем не менее «не является чужеродным, вставным в текст записей памятником, а, наоборот, тесно связана с их содержанием» [Буганов 1968: 5]. Памятник известен в двух редакциях – краткой и пространной; мы рассматриваем более раннюю из них – пространную, законченную в конце 1691 г. – начале 1692 г. и представленную единственным Соловецким списком конца XVII в. [Богданов 1985: 111], по изданию *ПСРЛ (т. 31), М.-Л., 1968.*

23. Золотаревский летописец (ЗЛ) посвящен взятию Астрахани войском Степана Разина в 1670 г. и содержит подробную историю событий 1667 – 1671 гг. Автор летописца Петр Золотарев был очевидцем взятия города и убийства митрополита, записывал показания других свидетелей и в 1679 г. завершил подробный рассказ о произошедшем [СКК 1992: 405].

Так называемое Краткое сказание о взятии Астрахани представляет собой собственно запись расспросных речей, мы же рассматриваем только Пространное сказание, которое и принято называть Золотаревским (или Астраханским) летописцем. Этот вариант ЗЛ представляет собой «сочетание летописных погодных статей, включающих памятники деловой письменности, и агиографических приемов изложения с включением в текст “видений”, “знамений” и проч.» [СКК 1992: 406].

ЗЛ известен в четырех редакциях, издана, однако, только одна – она представлена тремя списками, старший из которых датируется XVII в. [СКК

1992: 405; Буганов 1968: 7; Мильготина 1974: 317; Киянова 2007: 43].
Исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 31), М.-Л., 1968.*

24. Двинской летописец (ДЛ) – памятник провинциального летописания, отражающий политическую историю Поморья. Он содержит в основном оригинальные известия и «немало уникальных, неизвестных по другим источникам фактов», касающихся местных событий [Богданов, Зиборов 1985: 100].

ДЛ известен в трех редакциях, которые сохранились в 15 списках XVII – XIX вв. Мы рассматриваем две из них – краткую, самый ранний список которой доведен до 1682 г., и пространную, продолженную до 1750 г. Обе редакции начинаются записями XIV в. – краткими и редкими, с конца XVI – начала XVII вв. сообщения становятся уже подробными и регулярными – именно этот период нас интересует. Текст исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 33), М., 1977.*

25. Устюжский летописец (УЛет) – первый местный устюжский летописец, наряду с указанной выше УЛ послуживший основой для последующего устюжского летописания.

Обе сохранившиеся редакции памятника начинают изложение с 1192 г., записи XII – XV вв. очень нерегулярны и несут следы позднейшей редактуры. Первая редакция относится ко второй половине XVII в. (дошла в списках XVIII в.) и кончается сообщением о пожаре в Устюге 1677 г., однако записи XVII в., которые нас и интересуют, в ней буквально единичны. Вторая редакция продолжена до 1745 г. и отражает события XVII в. более подробно (известна в списках XVIII в.) [ПСРЛ, 37: 6, 7], поэтому и оказывается для нас основной. Исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 31), М.-Л., 1968.*

26. Вологодская летопись (ВЛ) – общерусская провинциальная летопись, содержащая, соответственно, и общерусские, и местные известия. ВЛ составлена в конце XVII – начале XVIII вв. и известна в списке этого же времени (еще два списка были частично опубликованы в 1851 и 1857 гг., но рукописи неизвестны) [ПСРЛ, 37: 14 – 15].

ВЛ охватывает период с 862 по 1700 гг. До конца XV в. она близка к Сокращенному летописному своду 1493 г. и обнаруживает отдельные известия, сходные с Ермолинской, Вологодско-Пермской, Устюжской и др. летописями [ПСРЛ, 37: 14]. Записи этого времени – краткие, нерегулярные и отражающие позднюю правку – мы не рассматриваем, обращаясь только к сообщениям XVII в., которые и составляют основную часть текста. Текст исследуется по изданию *ПСРЛ (т. 31), М.-Л., 1968.*

27. Повесть о Фоме и Ереме (ПФЕ) относится к числу произведений «смеховой» литературы XVII в. Она известна в шести списках XVIII в., но текст ее «очень неустойчив и в рукописной традиции, и в устных вариантах» [Адрианова-Перетц 1954: 241]. Известно значительное число устных записей, сделанных в разных регионах – повесть представлена в виде плясовой, детской песни, прозаической сказки и др. [Адрианова-Перетц 1954: 242 – 243]. Широкое распространение таких вариантов на очень большой территории, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, опровергает точку зрения о первичности книжной повести по отношению к устным ее вариантам [Адрианова-Перетц 1954: 244]. Очевидная связь текста с фольклорной традицией делает памятник особенно ценным для нас. Текст исследован по публикации, подготовленной В. П. Адриановой-Перетц, в издании *Русская демократическая сатира XVII в. М.-Л., 1954.*

28. Повесть о Горе-Злосчастии (ПГЗ) сохранилась в единственном списке XVIII в., но сам памятник датируют XVII веком [СКК 1998: 106 – 110]. Повесть является результатом взаимодействия литературной и фольклорной традиции. Книжно-литературная традиция «представлена определенным комплексом библейских мотивов, цитат и реминисценций» [Охтенъ 2002: 7]. Однако, хотя повесть и не является произведением народного творчества, в стихосложении, системе образов, стиле и самой организации нарратива проявляется ориентация автора на устно-поэтическую традицию, в том числе духовные стихи, лирические песни и, прежде всего,

былины [Лихачев 1984: 102 – 105]. Текст исследован по публикации Н. И. Костомарова в журнале «Современник», 1865, №3.

29. Повесть о зачатии Отроча монастыря (ПзОМ) была создана в Твери во второй половине XVII в. (самая широкая датировка охватывает период с рубежа XVI – XVII до рубежа XVII – XVIII вв.) [Семячко 1994: 35 – 39].

Не исключено, что первоначальным источником для нее могла послужить устная легенда, но в любом случае исследователи сходятся во мнении, что автор «основывался на памяти своих современников, а не на документах» [Дмитриева 1969: 211].

Сохранившиеся списки XVIII – XIX вв. содержат три варианта текста – Краткую и две Распространенные редакции, «весьма близкие друг к другу по содержанию и времени возникновения» и имеющие тверское происхождение [СКК 1998: 194]. Ни одна редакция не может быть названа исходной, но предполагается, что Краткая «лучше сохранила черты первоначального текста» [Семячко 1994: 16], поэтому именно ее мы и рассматриваем по списку 30-40-х гг. XVII в., опубликованному С. А. Семячко.

30. Писание о преставлении кн. Скопина-Шуйского (ПпСкШ) было создано в 1612 г. и посвящено молодому полководцу – освободителю Москвы от поляков. После его неожиданной скоропостижной смерти появился целый ряд исторических песен, «Писание» же является самым ранним произведением из цикла литературных повестей о нем [Енин 1988: 28].

Автор, с одной стороны, широко использует стилистические средства, характерные агиографической литературы (отдельные фрагменты очень книжные). С другой же стороны, он активно обращается к фольклорной традиции – в тексте присутствуют эпические мотивы, а некоторые фрагменты (прежде всего, описание пира и встреча с матерью) прямо отсылают к былинным текстам, фактически «пересказывая» характерные для последних устойчивые эпизоды и сохраняя отличающие их изобразительные

средства (не только постоянные эпитеты, но и, например, характерный для былинного синтаксиса порядок слов). Памятник рассматривается по двум спискам второй половины XVII в. и конца XVII – начала XVIII вв., опубликованным в издании *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

31. «Повесть о видении мужу духовну» протопопа Терентия (ВпТ) написано в 1606 г. в Москве. Оно относится к числу «видений», популярных в Смутное время, и не только было широко распространено (оно сохранилось в значительном числе списков XVII – XIX вв.), но и послужило образцом для целого ряда произведений этого жанра. ВПТ было включено в состав более объемного сочинения о Смуте – «Иного Сказания», созданного во второй половине XVII в., но переписывалось и отдельно от него [Рождественская 2006: 699 – 700]. Исследуется по спискам XVII в., опубликованным в издании *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

32. «Иное видение» в одном из списков (всего сохранилось два списка первой четверти XVII в.) следует сразу за Видением протопопа Терентия, чем и объясняется название текста. «Иное видение» относится к тому же времени, что и ВПТ, и тоже было включено в состав «Иного сказания». На фоне других текстов этого жанра «Иное видение» выделяется своей краткостью, «“протокольным” характером», меньшей степенью книжности и «более, чем другие видения Смутного времени, сравнимо с жанрами деловой письменности» [Савельева 2006: 701 – 702]. Исследуется по изданию *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

33. Повесть о видении Варлааму в Великом Новгороде (ПвВН) отражает события 1611 г. – взятие города шведскими войсками – и была создана вскоре после этого. При составлении повести автор явно ориентировался на Видение протопопа Терентия, однако хорошее знакомство автора с новгородскими реалиями, а также литературными памятниками и

преданиями Новгорода позволяют исследователям предполагать, что текст составил «новгородец или человек, проживший в Новгороде достаточно долгое время» [Савельева 2006а: 702]. Памятник сохранился в единственном списке XVII в., исследуется по изданию *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

34. Повесть о видении в Нижнем Новгороде (ПвНН) также относится к периоду польско-литовской интервенции и написана ориентировочно летом 1611 г. Три сохранившиеся списка повести представляют две ее редакции. Вопрос о том, какая из них является первоначальной, остается нерешенным. Одна из них представлена дефектным списком XVIII в., порядок листков которого был перемешан. По мнению Я. Г. Солодкина именно эта редакция, текст которой заканчивается подписью Григория, и является первоначальной [СКК 1992: 234]. Согласно другой версии, первоначальной была вторая редакция, представленная двумя списками (в том числе самым ранним первой половины XVII в.) и завершающаяся призывом распространять списки повести [Савельева 2006б: 704]. В работе рассмотрены обе редакции, опубликованные в издании *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

35. Повесть о видении во Владимире в 1611 году (ПвВ) также относится к произведениям Смутного времени. ПвВ сохранилась в одном списке XVIII в., и некоторые части ее перемежаются с фрагментами Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде. Повесть «написана простым языком, почти без риторических украшений», хотя отдельные стилистические элементы сближают ее с произведениями русского фольклора [Савельева 2006в: 705]. Как и ПвНН, ПвВ выполняла в том числе «агитационную» функцию и оказалась включена в переписку, которая велась между северными и поволжскими городами в 1611 г. (а именно вошла в состав «отписки» сольвычегодцев в Пермь), получив, таким образом достаточно широкое распространение [Дробленкова 1988: 53]. Исследуется

по изданию *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

36. Видения Евфимия Чакольского относятся к «периоду интервенции шведских и польско-литовских отрядов на Русский Север», но отличается от других «видений» этого времени почти полным отсутствием «общерусских исторических и политических реалий Смуты» и, напротив, «обилием местных севернорусских бытовых деталей и подробностей» [Савельева 2006г: 706]. Текст рассказывает о видениях реального лица – пинежского крестьянина, упоминаемого также и в других памятниках Пинежья этого же времени [Савельева 2006г: 706]. Сохранился один дефектный список 30-40-х гг. XVII в., в котором отсутствует часть листов (в том числе окончание), исследуется по изданию *БЛДР (т. 14), СПб., 2006.*

37. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря (СкАП) написано в 1620 г. Сказание составляет основную часть большого сочинения «История в память предыдущим родом», Авраамий Палицын определенно был редактором всех произведений, объединенных в «Историю...», а также автором самого Сказания об осаде и последующих частей; нерешенным остается вопрос об авторстве первых шести глав. Собственно Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря является самостоятельным, композиционно завершенным сочинением (первая глава его представляет собой предисловие-вступление, последняя – благодарственную молитву) и встречается в рукописях отдельно от других частей «Истории...» [Державина 1955: 31]. Именно оно и рассматривается в настоящей работе (7 – 52 главы «Истории...»).

СкАП относится к числу гибридных текстов. В основном язык его достаточно книжный, но в отдельных эпизодах (например, в описаниях бытовых условий) более или менее широко представлены не книжные черты, а в ряде случаев встречается даже «ритмическая рифмованная речь» и «переход к ритмическому сказу» [Державина 1955: 55]. Кроме того, при составлении текста активно использовались «личные наблюдения автора и

собранные им чужие записки, свидетельства и воспоминания» [Прохоров 2006: 710], также некнижные по своему характеру.

СкАП известно в одной редакции, но в очень большом числе списков XVII – XVIII вв., разных по степени сохранности и представленных в виде отдельных рукописей или в составе сборников. Текст, опубликованный по спискам XVII в., исследуется по изданию *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

38. Житие протопопа Аввакума (ЖпА) написано в период 1672 – 1675 гг. и, безусловно, не является житием в обычном определении этого жанра, представляя собой автобиографическое произведение, насыщенное бытовыми деталями и «полюемическим пафосом» [Гудзий 1962: 53]. Совмещение в одном тексте элементов и особенностей, характерных для самых разных жанров, нашло отражение и в языке произведения: фрагменты, отражающие особенности живой разговорной речи, сочетаются с книжными контекстами, следующими стилю «плетения словес»; это чередование полярно противоположных типов языка оказывается одной из самых характерных отличительных черт произведения [Виноградов 1922 / 1980: 9, 11].

ЖпА известно в четырех редакциях. Три из них, созданные в 1670-е гг., сохранились в значительном числе списков (две известны в автографах) – при публикации Л. Я. Барсков обозначил их как редакции А, Б и В, именно они и рассматриваются в настоящей работе. Прянишниковский список, представляющий собой отредактированную кем-то четвертую – особую – редакцию ЖпА, мы не рассматриваем [СКК 1992: 21]. Текст исследован по изданию *Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927.*

39. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (ЖД) составлено между 1648 и 1654 гг. Симоном Азарьиным, который был лично знаком с архимандритом. В целом текст достаточно строго следует книжной норме, однако отдельные фрагменты (прежде всего включенная в состав

памятника обширная записка Ивана Наседки с изложением отдельных событий из жизни Дионисия) содержат большее или меньшее количество некнижных элементов. Известно более 20 списков XVII – XIX вв. [Белоброва 2001: 667]. Исследовано по изданию *БЛДР (т. 14). СПб., 2006.*

40. Житие Иринарха Ростовского (ЖИР) создано его учеником Александром вскоре после смерти затворника (1616 г.), а список посмертных чудес пополнялся на протяжении следующих десятилетий [Ключевский 1871: 323]. Автор опирается на существовавшую агиографическую традицию и преимущественно строго выдерживает книжную норму, однако изложение бытовых подробностей жизни, «личностность воспоминаний» [Лобакова 2006: 730] – и присутствующие в соответствующих фрагментах некнижные особенности – выделяют памятник на фоне стандартных церковнославянских житий. Основная часть списков относится к XVIII в., мы рассматриваем текст, опубликованный по спискам XVII в. в издании *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

41. Повесть о житии царя Федора Ивановича (ПжФИ) написана между 1598 и 1605 гг., в царствование Бориса Годунова. Она должна была составить заключительную главу Степенной книги, завершив свод агиографий династии Рюриковичей. Создание повести, таким образом, было продиктовано в том числе политическими задачами, и автор текста, патриарх Иов, придерживается традиционных установок официальной житийной литературы с «жесткой этикетностью, пышной риторикой» [Панченко 2006: 676]. Текст рассматривается по списку второй половины XVII в., опубликованному в издании *ПСРЛ (т. 14, ч. 1). СПб., 1910.*

42. Житие царевича Димитрия Иоанновича (ЖцД), рассказывающее о гибели в Угличе сына Ивана Грозного, известно в четырех редакциях. Мы рассматриваем редакцию Четых Миней Иоанна Милютина, составленную примерно в середине XVII в. Она основана на тексте редакции Миней Германа Тулупова, но дополнена сведениями из ряда других источников и содержит в том числе оригинальные фрагменты, отсутствующие в более

ранних редакциях. Хотя текст является очень книжным, Милютинская редакция «несколько отстоит от традиций агиографического жанра», поскольку не отличается строгим следованием житийному канону, лишено характерных для этого жанра стилистических особенностей и даже содержит отдельные фольклорные элементы (не снижающие, впрочем, степень книжности текста) [Руди 2006: 679 – 680]. Эта редакция сохранилась в значительном числе списков XVII – XVIII вв. Текст исследуется по спискам XVII в., опубликованным в издании *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909.*

Современные подходы к описанию видовой семантики

В аспектологии представлено несколько подходов к определению и описанию семантики видовых граммем. В рамках традиционного для русской аспектологии направления основное внимание уделяется поиску единого семантического признака, характеризующего значение каждого вида во всех его возможных употреблениях (В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко и др.). Видовое противопоставление с семантической и функциональной точки зрения традиционно трактуется как привативная оппозиция, маркированным членом которой выступает СВ [Маслов 1984/2004: 98; Бондарко 1971: 20] с единым достаточно узким значением, признаваемым в качестве инвариантного. При этом для определения значения граммеы НСВ предлагается отрицательная формулировка¹.

В качестве инвариантного значения СВ в разное время предлагались признаки законченности (Ф. Миклошич, В. А. Богородицкий [Виноградов 1947: 493]), результативности [Карцевский 1927/1962: 222; Мучник 1971: 107], точности [Пешковский 1938/2001: 126] и др. Наибольшее распространение в русской аспектологии получили определения

¹ Отказ от трактовки видового противопоставления как привативной оппозиции представлен, например, в работах [Черткова 1997; Шелякин 1997].

категориального видového значения через отношение к признакам целостности и предельности, восходящие к работам Э. Черного и Л. П. Размусена и развитые впоследствии в исследованиях Ю. С. Маслова, О. П. Рассудовой, Л. Н. Смирнова, а также в ранних работах А. В. Бондарко, несколько пересмотревшего впоследствии свою точку зрения [Бондарко 1958/2005: 440]. Признак предельности действия в разное время выдвигали в качестве основного П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, Н. С. Авилова, Е. А. Земская, М. В. Панов, А. Н. Тихонов, Г. А. Золотова и др. Определение видového значения глагола через отношение к внутреннему пределу – одно из центральных положений в современных аспектологических работах [Падучева 1996; Комри 1997; Шелякин 1997; Петрухина 2000, 2009, 2015; Зализняк Анна, Шмелев 2000, 2015 и др.]

Поскольку в задачи нашего исследования определение собственно видовой семантики не входит, представляется целесообразным выбрать более конкретную характеристику видového значения, которая будет максимально удобной для нас с практической точки зрения.

В этой связи в рамках данной работы наиболее продуктивным кажется оперировать понятием «изменения ситуации», которое в качестве основного признака СВ выделяют Е. В. Падучева, А. Барентсен, М. Гиро-Вебер, В. В. Гуревич, Х. Галтон, И. Б. Шатуновский и др. [Гиро-Вебер 1990, 1997; Барентсен 1995, 1998; Падучева 2004; Гуревич 1997; Шатуновский 2009]. В частности, М. Гиро-Вебер, называя «изменение» основным семантическим признаком глагольной ситуации, понимает под этим «некую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия и, следовательно, его завершением. Присутствие изменения связано с совершенным видом; его отсутствие – с несовершенным» [Гиро-Вебер 1990: 104].

А. Барентсен предлагает трехступенчатую модель инварианта, первые два уровня которой характеризуются уже известными признаками предельности и целостности, а для характеристики третьего (самого

высокого уровня) вводится новый признак – «секвентная связь». В определении последнего А. Барентсен исходит из положения, что при НСВ в центре внимания находится само действие, тогда как при СВ внимание обращено «на непосредственное окружение действия, на изменения, которые действие производит в этом окружении» [Барентсен 1995: 15]. Соответственно, в повествовательном тексте цепочка глаголов СВ обозначает последовательность, и, «таким образом, они выражают значение “секвентности”», а глаголы НСВ, этим признаком не обладающие, «в аналогичных условиях обозначают одновременные друг другу процессы или состояния» [Князев 2007: 71 – 72].

Максимально информативным и удовлетворяющим задачам нашего исследования является определение, предложенное И. Б. Шатуновским. Единое значение СВ он определяет как «(1) *единичное* (2) *определенное* (3) *событие (= переход из одного положения вещей в другое)*» [Шатуновский 2009: 11]. Принципиальной оказывается полипропозитивность СВ: «в коммуникативном фокусе <...> само событие в целом, = соединение всех ситуаций, образующих это событие» [Шатуновский 2009: 83].

В отличие от СВ, семантику которого определяют исходя из достаточно четко формулируемого инвариантного значения, при описании НСВ ученые говорят о некоем комплексе, «пучке» основных значений, связанных между собой «не непосредственно, через наличие общего компонента, но для многих членов опосредованно, так что какие-то из них, удаленные друг от друга в “гнезде значений” могут не иметь ничего общего» [Шатуновский 2009: 23]. Среди традиционно выделяемых частных значений НСВ [Гловинская 1982; Бондарко, Буланин 1967; Рассудова 1968; Маслов 1984/2004] обобщенному значению СВ противопоставляется комплекс значений, который Е. В. Падучева обозначает как *Группа I* [Падучева 1996: 10]. При этом первичным, основным значением, от которого производны все частные видовые значения, Е. В. Падучева считает актуально-длительное,

поскольку для его реализации требуется минимальный контекст [Падучева 1996: 10].

И. Б. Шатуновский предлагает называть это обобщенное значение НСВ неопределенно-длительным значением, прототипической его разновидностью называя конкретно-процессное. В этом «основном значении, мотивирующем в конечном итоге все остальные», НСВ обозначает «одну и ту же ситуацию, одно и то же (= неизменное) положение вещей» [Шатуновский 2009: 11, 25; см. также Барентсен 1978; Гловинская 1982].

Интерпретация видовой семантики с опорой на понятие изменения ситуации, возникновения новой ситуации не противоречит традиционному определению видового значения через указание на предельность и целостность действия: признак возникновения новой ситуации базируется на этих значениях как на «системной основе видового противопоставления», «представляя собой “проявление последствий предела” на уровне высказывания» [Бондарко 2002: 414; об этом также – Шатуновский 2009: 33].

Важную роль при описании значений СВ и НСВ играет понятие наблюдателя и момента наблюдения (поскольку в настоящей работе речь идет фактически только о нарративном режиме, понятие момента речи здесь оказывается избыточным). НСВ в процессном и неограниченно-кратном значениях характеризуется внутренней позицией наблюдателя [Падучева 1996: 169], или синхронным ракурсом [Смит 2013; Падучева 2013; Падучева 2016]: ситуация показана «изнутри», «момент наблюдения фиксирует серединную фазу ситуации, а ее начальная и конечная точка остаются вне поля зрения» [Князев 2007: 97]. Рассмотрение ситуации «извне», «со стороны», т. е. ретроспективная позиция наблюдателя, или ретроспективный ракурс [Смит 2013; Падучева 2013; Падучева 2016], отличает глаголы СВ: «момент (период) времени, о котором идет речь, не застает действие в его актуальном осуществлении» [Бондарко 1983: 120]. НСВ характеризуется внешней позицией наблюдателя, в частности, в общефактическом значении, а также в функции настоящего исторического [Князев 2007: 77].

Анализ функционирования глагольных форм в исследуемых текстах заставляет нас учитывать семантическую неоднородность видовых противопоставлений. Впервые вопрос о том, каким образом особенности, характеризующие функционирование категории вида в русском языке, могут быть объяснены собственно семантическими особенностями, связанными с «самим (онтологическим) характером действия» [Булыгина 1982: 41], был поставлен в статье [Маслов 1948/2004]. Одно из основных положений этой статьи состоит в утверждении «обусловленности оттенков грамматического значения вида особенностями значений лексических, “вещественных”» [Маслов 1948/2004: 71]. Классификация Ю. С. Маслова обнаруживает сходство с более поздней логико-семантической классификацией глагольной лексики З. Вендлера, которая строится на основе анализа морфологических и синтаксических особенностей английских глаголов и включает следующие четыре класса глаголов: 1. состояния (states); 2. деятельность (activities); 3. исполнения (accomplishments); 4. достижения (achievements)¹. [Vendler 1967].

Тезис о связи видового и лексического значения глагола реализуется в исследованиях Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Х. Р. Мелига и др., однако основой для анализа семантических типов видового противопоставления становится выделение аспектуально значимых лексико-семантических классов глаголов и выявление зависимости аспектуальных свойств глагола от его принадлежности к определенному классу. Так, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев подразделяют все явления (или события в широком смысле) на статические (состояния) и динамические, а динамические состояния – на процессы и собственно события. Положение об «онтологическом» характере категории вида основывается, в частности, на том, что аспектуальное поведение русских глаголов соответствует их

¹ Е. В. Падучева предпочитает обозначать глаголы последних трех классов как «непредельные процессы», «действия и предельные процессы» и «скачки» соответственно [Падучева 1996: 90].

принадлежности к одному из перечисленных классов [Булыгина, Шмелев 1997: 169].

Е. В. Падучева видит одну из основных задач исследования видовой семантики в том, чтобы определить, можно ли «предсказать возможность и семантический тип видового противопоставления исходя из лексической семантики глагола» [Падучева 1989/1996: 84]. Описывая основные особенности аспектуального поведения, Е. В. Падучева отвечает на этот вопрос положительно, сформулировав закономерность: состояния и неопредельные процессы, или деятельность, выражаются глаголами НСВ; скачки, или достижения – глаголами СВ, а предельным процессам и действиям соответствуют видовые корреляты – глаголы СВ и НСВ. В более поздних работах (например, [Падучева 1994/1996]) Е. В. Падучева выстраивает иерархически организованную систему таксономических категорий и учитывает не только особенности сочетаемости и формообразования глагола, но и проявление ее в формате толкования [Падучева 1994/1996: 103 – 104].

Положение о семантической неоднородности видов и связи вида с лексическим значением глагола также является основополагающим для лингвистов, считающим основным инструментом для исследования и описания видового значения стандартное толкование на метаязыке. М. Я. Гловинская считает неверным исходить из априорного представления о том, что каждый вид обладает семантическим инвариантом, - «необходимо вначале установить частные значения видов и затем посмотреть, можно ли обнаружить инвариант» [Гловинская 1998: 37]. Чтобы реализовать этот метод, необходимо (в идеале) протолковать на стандартном метаязыке обе видовые формы всех глаголов определенного вида, и тот компонент, который окажется общим для всех употреблений, и будет считаться инвариантом этого вида.

Поскольку и семантика видового противопоставления, и наличие/отсутствие у глагола видовой пары, и набор частных значений в

значительной степени определяются принадлежностью глагола к аспектуально релевантным лексико-семантическим классам, представляется оправданным рассматривать представленные в текстах былин глаголы в том числе с точки зрения взаимодействия их лексической и видовой семантики.

Известно, что общие принципы функционирования СВ и НСВ в нарративном режиме могут трансформироваться, поскольку «в обычном разговоре язык функционирует не совсем так, как в повествовательном тексте» [Падучева 1996: 198].

В. В. Виноградов, которому принадлежат первые исследования в этом направлении, исходит из того, что – в самой общей формулировке – современные формы СВ соединили в себе значения и функции аориста и перфекта, а НСВ унаследовал функции имперфекта [Виноградов 1947: 564]. Соответственно, цепочка форм прошедшего времени СВ обозначает действия или события в их хронологической последовательности, то есть «движение форм прошедшего времени совершенного вида <...> толкает – по разным линиям или по прямому направлению – сюжет к развязке, к заключительному финалу» [Виноградов 1947: 563]. Формы НСВ, напротив, обозначают действия, которые «лишь размещаются по разным участкам одной временной плоскости, не сменяя друг друга, а уживаясь по соседству, образуя единство картины» [Виноградов 1936/1980: 229, 232]. Таким образом, В. В. Виноградов еще в 1930-е гг. высказал идею, кратко сформулированную впоследствии Ю. С. Масловым: «претеритом СВ повествование продвигается, претеритом НСВ останавливается» [Маслов 1984/2004: 228]. Исследования В. В. Виноградова в этом направлении продолжены в работах Г. А. Золотовой. Вопросы собственно видовой семантики она рассматривает преимущественно в связи с проблемой функционирования видо-временных форм в тексте и непосредственного влияния друг на друга лексических, грамматических и функциональных особенностей глагольной лексики. Г. А. Золотова также выделяет

аористивную и перфективную функции СВ и имперфективную функцию НСВ. Аористивные глаголы обозначают последовательно сменяющиеся действия или события, имперфективные – фоновые параллельные действия или состояния, а перфективные «включают в сюжетное время состояние <...>, являющееся результатом предшествующего действия либо предельного состояния, перешедшего в новое качество» [КГ 2004: 27].

Функциональный аспект исследования категории вида интересует и авторов «Теории функциональной грамматики» [ТФГ 1987], следующих принципу интеграции разноуровневых языковых средств на базе общности их функций. В соответствии с этой установкой категория вида становится одним из средств выражения ряда семантических категорий, на которых базируются функционально-семантические поля, связанные с различными характеристиками протекания действия во времени, прежде всего ФСП аспектуальности, временной локализованности и таксиса.

Очевидно, что текстовые функции вида становятся одним из основных объектов изучения в исследованиях, посвященным таксисным отношениям, поскольку ядром семантики таксиса являются значения одновременности / последовательности, а в русском языке именно категория вида является регулярным средством выражения «временных отношений между действиями <...> в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса», т. е. собственно семантической категории таксиса [ТФГ 1987: 234]. Каждая видовая форма при отсутствии поддержки со стороны других языковых средств «приспособлена» для выражения одного из типов отношений, что обусловлено ее категориальной семантикой. Так, формы глаголов СВ регулярно используются для выражений разновременности, т. к. доминирующий семантический признак этой формы – ограниченность действия пределом, целостность – позволяет «маркировать прекращенность действий в самом минимальном контексте» [ТФГ 1987: 244]. Поскольку же для НСВ доминирующим признается значение процессности,

эта форма, как «наиболее приспособленная для выделения и передачи у действия срединного периода в их естественном, процессном протекании» [ТФГ 1987: 248], регулярно используется для выражения отношений одновременности (см. также [Бондарко 1983: 124]). При этом для каждой видовой формы остается открытой возможность выразить другой тип отношений (одновременность для СВ и разновременность – для НСВ) в соответствующих контекстуальных условиях [ТФГ 1987: 248].

Важной для нас оказывается также идея о необходимости учитывать при описании видовой семантики референциальный статус не только участвующих в ситуации аргументов, но и самой глагольной предикации. Исходя из положения, что глагольные предикации являются скрытыми бытийными высказываниями и, как и именные группы в бытийном предложении, могут иметь конкретно-референтный или общереферентный статус, Х. Мелиг показал на материале русского языка, что референциальный (или денотативный) статус высказывания оказывается важным для выбора видовой основы и, следовательно, релевантным для описания видовой семантики [Мелиг 1998; Мелиг 2011; Мелиг 2013]. По аналогии с именными группами, глагольные предикации способны обозначать индивидуализированную, выделенную из множества, конкретную внеязыковую ситуацию при референтном употреблении или, напротив, отсылать к обобщенной ситуации, обладающей определенными свойствами, при нереперентном употреблении [Шатуновский 2004; Шатуновский 2009: 142; Мелиг 2011; Мелиг 2013; Падучева 2013: 11; Петрухина 2000: 74; Петрухина 2013; Петрухина 2015: 188; о референциальном статусе именных групп – Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Падучева 1985].

Высказывания, имеющие конкретно-референтный статус, допускают употребление обоих видов, а выбор основы зависит от характера протекания называемой ситуации во времени; нереперентное употребление предполагает отсылку к обобщенной, потенциально повторимой ситуации – в таких

контекстах возможны только НСВ, и речь, соответственно, идет об общефактическом значении этой видовой основы [Шатуновский 2004; Мелиг 2013].

Суммируя сказанное выше, еще раз отметим, что категориальное значение СВ мы будем определять следующим образом: единичное определенное событие, приводящее к изменению ситуации (возникновению новой ситуации, переходу из одного положения вещей в другое и т. п.). НСВ же в своем «основном значении, мотивирующем в конечном итоге все остальные», обозначает одну и ту же неизменяемую ситуацию (одно и то же положение вещей).

Поскольку аспектуальное поведение глагола в значительной степени зависит от его принадлежности к определенному семантическому классу, мы будем рассматривать представленные в текстах былины глаголы в том числе с точки зрения взаимодействия их лексической и видовой семантики. К более детализированному метаязыку лексикографических толкований мы обращаемся только в случае необходимости.

Наконец, в соответствии с основной задачей данной работы – исследованием отдельных особенностей функционирования глагольного вида – нас будет интересовать роль определенных глагольных форм в построении былинного и летописного нарратива.

Становление видовой системы русского языка: история исследования и дискуссионные вопросы

На протяжении полуторавековой истории исследования процесса формирования категории вида в славянских языках в целом и русском языке в частности сохранялся ряд дискуссионных вопросов.

Один из них касается времени окончательного формирования категории вида в славянских языках. Ряд исследователей полагает, что категория вида сложилась еще в праславянском языке и к началу

исторического периода уже не существовало глаголов, стоящих вне противопоставления СВ и НСВ. К числу ученых, придерживающихся этой позиции, относятся А. Достал, А. Вайан, Г. А. Хабургаев и др. [Вайан 1952: 352; Достал 1954: 57 – 58, 140; Хабургаев 1981: 279].

Более популярна точка зрения, согласно которой к началу исторического периода процесс становления славянской видовой системы еще не достиг своего завершения – об этом прежде всего свидетельствует наличие в памятниках значительного числа глаголов, способных в зависимости от контекста выражать значения обоих видов. Такую позицию мы находим в работах [Буслаев 1959: 140 – 143; Потебня 1941: 48 – 54; Ульянов 1895: 138 – 153; Ружичка 1962: 308 – 319; Кузнецов 1953: 224 – 229, 258 – 259; Ван-Вейк 1962: 244 – 248; Маслов 1954/2004; Кошелев 1958: 20 – 38; Бородич 1954: 58 – 59; Никифоров 1952: 72 – 79, 128 – 129; Ломтев 1958: 241 – 242; Бондарко 1962: 88; Силина 1982: 192 – 196; Нёргор-Сёренсен 1997; Жолобов 2016а: 67]. В определении времени окончательного завершения процесса формирования видовой системы мнения также расходятся: одни ученые относят его к концу древнерусского периода (П. С. Кузнецов, Р. Ружичка), другие – к старорусскому периоду (В. Б. Силина, О. В. Кукушкина, С. Д. Никифоров, Й. Нёргор-Сёренсен).

Отдельное внимание в исторической русистике уделяется вопросу происхождения категории вида в славянских языках, и здесь можно говорить о нескольких направлениях. В рамках одного из них задачей исследователей стало установление индоевропейской категории, явившейся базой для последующего развития категории вида. Г. К. Ульянов считал, что оппозиция СВ и НСВ восходит к индоевропейскому противопоставлению основ аориста и презенса [Ульянов 1895]. Согласно другой гипотезе, грамматическая категория вида восходит к индоевропейской категории определенности / неопределенности (детерминированности / индетерминированности). Эту точку зрения, высказанную Н. Ван-Вейком, поддержали, в частности, И. Немец, Е. Курилович, Э. Кошмидер, Ренгнель, В. В. Бородич, В. Б. Силина

и др. [Ван-Вейк 1962; Немец 1962; Бородич 1953; Силина 1985]. Наконец, распространена точка зрения, согласно которой основой для развития видовой системы послужили аспектуальные классы, показатели которых выражали различные видовые значения [Кузнецов 1953: 215 – 216, Маслов 1958/2004; Лопушанская 1975; Русинов 1991; Вимер 2001 и др.].

Сторонники положения, согласно которому видовая система является славянским новообразованием, сосредоточивают свое внимание на вопросе о том, какие факторы сыграли ключевую роль в процессе грамматикализации категории вида. В числе исследователей, поддерживающих гипотезу «перфективации», прежде всего следует назвать А. А. Шахматова и П. С. Кузнецова; по их мнению, толчком стало «развитие видовой роли приставок», которые первоначально и выступали во всех славянских языках «структурным средством выражения различий совершенного и несовершенного видов» [Кузнецов 1953: 222, 223].

В соответствии с гипотезой «имперфективации», предложенной Ю. С. Масловым, появление имперфективированных основ со значением НСВ обусловлено потребностью разграничивать значения «“процессной направленности” на достижение результата, предела <...> и самого его реального достижения» у предельных глаголов. Возникнув изначально как факультативная, «эмфатическая, нарочито подчеркивающая процесс форма», охватывающая лексически ограниченный класс глаголов, НСВ постепенно расширяет свое употребление, «монополизируя сферу передачи процессного значения». Неимперфективированные же основы, противопоставленные им сначала как глаголы «общего вида», со временем теряют возможность обозначать процесс и сочетаться с показателями фазовости действия, превращаясь, таким образом, в СВ [Маслов 1958/2004: 471 – 473].

Отнесение приставочных неимперфективированных глаголов к «общему виду» поддерживает В. Б. Силина. По ее мнению, в исходной древнерусской системе приставки выполняли исключительно словообразовательную роль, видовую же их функцию они окончательно

получили только к концу XVI в. [Силина 1982: 277, 287]. Однако анализ употребления приставочных неимперфективированных глаголов в диагностических контекстах, показательных для определения видового значения, проведенный О. В. Кукушкиной и М. В. Шевелевой, продемонстрировал, что уже в древнерусский период приставки в большинстве своем выполняли перфективирующую функцию [Кукушкина, Шевелева 1991: 44]. Приставки, выступающие в качестве средства формального выражения СВ, образуют, таким образом, «достаточно развитый класс маркированных основ СВ» [Кукушкина, Шевелева 1991: 47]. Вторичные имперфективы, образованные от основ СВ, отличаются от современного НСВ маркированной процессностью – общефактические контексты в этот период оказываются для приставочных имперфективов недоступны, в них возможны только бесприставочные основы, которые «к тому времени еще не утратили своего исходного “безразличия” к центральным видовым значениям» [Кукушкина, Шевелева 1991: 47].

Мы будем исходить из того, что в древнерусском языке видовая оппозиция представляла собой противопоставление двух маркированных членов – СВ (результативная законченность) и НСВ (процессность) – с сохранением за бесприставочными основами видовой неохарактеризованности [Кукушкина, Шевелева 1991].

Глава I. Настоящее историческое

Praesens Historicum является одной из основных повествовательных форм в былинных текстах. Формы настоящего исторического в былинном нарративе уже привлекали к себе внимание исследователей, но только в связи с проблемами семантики и функционирования этой формы в современном русском языке. Представляется интересным проанализировать былинное употребление *Praesens Historicum* в контексте общего исторического развития этой формы, тем более что в исторической русистике ей уделялось не так много внимания.

I. 1. История вопроса

I. 1. 1. Настоящее историческое в современном литературном языке

В наиболее общем виде настоящее историческое (далее – НИ) ученые определяют как употребление формы презенса в повествовании о прошлом [Виноградов 1947: 572 – 573; Бондарко 1971: 142; Маслов 2004: 514; Гловинская 1996; Падучева 1996: 288]. Помимо традиционного термина «настоящее историческое» (*Praesens Historicum*), наследующего античной традиции, презенс в этой функции называют также «настоящим повествовательным» [Грамматика 1952 / 1960: 482] или «настоящим нарративным» [Падучева 1996].

Несмотря на расхождения в определениях НИ (более точных и детальных по сравнению с самым общим определением, приведенным выше) есть ряд вопросов, по которым мнения ученых сходятся. В частности, не вызывает разногласий тот факт, что значение формы НИ является синтагматически обусловленным, поскольку представляет собой результат взаимодействия формы и контекста: «когда мы понимаем, что действие происходит в прошлом, мы осознаем, что форма наст. выражает наст. историческое, а не наоборот» [Падучева 2010: 380; Падучева 2010а: 7, 10; об этом также – Грамматика 1952 / 1960: 482; Петрухина 2015: 192]. Это

«столкновение» грамматической формы НИ и контекста, указывающего на отнесенность происходящего к прошлому, и является причиной того, что «грамматическое значение настоящего в данных условиях выступает в особом, переносном варианте: действие лишь изображается так, как будто оно настоящее, – на самом же деле оно относится к прошлому» [Бондарко 1971: 143; АГ 1980: 630 – 631]¹. При этом, как подчеркивает А. В. Бондарко, при переносном употреблении временных форм их категориальное значение не утрачивается, а изменяется под влиянием контекста и «реализуется как образное (фигуральное)» [АГ 1980: 631]. Более того, сама грамматическая форма за счет противоречия ее категориального значения контексту и становится «средством актуализации прошлого» [Бондарко 1971: 143].

Впрочем, есть и другие точки зрения на этот счет. Так, по мнению А. В. Исаченко, во всех случаях, когда форма презенса не обозначает актуального настоящего, грамматическое значение ее (а следовательно, и грамматическое значение формы *Praesens Historicum*) сводится к выражению неактуальности действия. «Указание на то, что в данном случае <...> имеется в виду действие, объективно относящееся к прошлому, не только ничего не прибавляет к грамматической характеристике формы презенса, но прямо вносит нежелательную путаницу» [Исаченко 1960: 450 – 451].

В русистике долгое время существовали две трактовки значения *Praesens Historicum*. Согласно одной из них, говорящий (или пишущий) говорит (или пишет) так, как будто он сам переносится в прошлое и находится в том времени, к которому относится его рассказ [Кузнецов 1949:

¹ Разграничение прямого и переносного употребления времен позволило уйти от трактовки презенса как формы с «нулевой», «беспризнаковой» семантикой, предложенной структуралистами в первой половине – середине XX века. Одним из подтверждений «беспризнаковости» формы настоящего времени называлась, в частности, ее способность заменять собой форму прошедшего, из чего следует, что «беспризнаковая форма функционирует в языковом мышлении как представитель коррелятивной пары» и «в известной степени ощущается как первичная» [Якобсон 1932 / 1985: 220].

24]. Согласно другой точке зрения, речь идет о перенесении прошлого в настоящее, т. е. повествование о событиях прошлого ведется так, как будто они совершаются перед глазами говорящего (или слушающего) [Пешковский 1935: 190 – 191; Шахматов 2001: 486; Виноградов 1947: 572 – 573; Маслов 2004: 514].

Внимание на различие этих определений обратил А. В. Бондарко, отметив при этом, что «по существу в том и в другом случае речь идет о двух сторонах, о двух психологических предпосылках одного и того же (с лингвистической точки зрения) явления – актуализации прошлого» [Бондарко 1971: 143]. К такому же выводу приходит позднее М. Я. Гловинская, заключая, что «обе редакции отражают в равной мере главную идею настоящего исторического, а именно ментальную синхронизацию действия и наблюдения» [Гловинская 1996: 451].

Однако Е. В. Падучева уточняет, что действие происходит «как бы на глазах у говорящего» не благодаря временной форме, а благодаря НСВ, семантику которого в актуально-длительном значении эта характеристика отражает «при подходящей лексической семантике глагола» не только в настоящем времени, но и в прошедшем [Падучева 1996: 288].

От другой нарративной формы – прошедшего СВ – НИ, по наблюдениям Е. В. Падучевой, отличается тем, что ситуация, описанная последним, «составляет фон для дальнейшего развития событий» [Падучева 1996: 289]. Употребление формы презенса создает, таким образом, эффект «ожидания продолжения»: «*Порылся в кармане и достает двугривенный* – мы ждем, что будет дальше» [Падучева 1996: 290]. Эта особенность временного плана НИ оказывается для нас принципиально важной, мы вернемся к ней при анализе употребления в форме презенса глаголов СВ.

Что же касается инвариантного значения временной формы презенса, то его Е. В. Падучева определяет как отсутствие дистанции между «повествователем вместе с ситуацией от читателя» в нарративном режиме интерпретации и отсутствие дистанцирования «ситуации от говорящего и

слушающего вместе взятых» – в речевом, в отличие от формы прошедшего времени, которая предполагает наличие такой дистанции в обоих случаях [Падучева 1996: 289].

Помимо указанного различия, формы НИ в нарративном и речевом употреблении расходятся по целому ряду других параметров [Падучева 2010]. Наиболее ярко проявляется тот факт, что в речевом (разговорном) НИ «категориальный диссонанс между действием в прошлом и формой настоящего времени создает экспрессию» [Падучева 2010: 380], в то время как в нарративном режиме она зачастую отсутствует.

На различия между разными типами употребления НИ ранее обращал внимание А. В. Бондарко. Он отметил, что тот «стилистический и эмоциональный эффект актуализации прошлого», который исследователи называют одним из главных признаков *Praesens Historicum*, обеспечивающим рассказу «большую живость и изобразительность», в полной мере характерен только для устной разговорной речи «в условиях непосредственного общения» и, соответственно, для прямой речи персонажей художественных произведений. Такому «настоящему времени живого, эмоционального рассказа о прошлом» А. В. Бондарко противопоставляет те случаи, когда НИ «используется лишь как один из возможных временных планов повествования, не отличающийся особым эмоционально-экспрессивным оттенком» [Бондарко 1971: 144; АГ 1980: 632]. Он называет это употребление «настоящим историческим в литературном авторском повествовании», имея в виду обращение к форме *Praesens Historicum* в письменной речи – «в авторской речи, в исторических трудах, биографиях» [АГ 1980: 632]. Та образность и экспрессия, которыми отличается НИ в устном, живом рассказе о прошлом, обеспечивается, по мнению А. В. Бондарко, «постоянной и непосредственной связью времени действий со временем высказывания и личностью говорящего» [АГ 1980: 632; Бондарко 1971: 145; Бондарко 1997: 76 – 77]. При этом, попадая в письменный литературный язык, НИ теряет эту связь и становится лишь

«одним из установившихся, привычных образцов, способов повествования». Оно выступает в таких случаях «техническим средством» и «обычно перестает быть непосредственным актом метафорического представления прошлого как происходящего перед глазами говорящего (пишущего)», утрачивает «оттенок особой живости», присущий ему в разговорной речи [АГ 1980: 632; Бондарко 1971: 144 – 145; Бондарко 1997: 76 – 77]¹.

Соглашаясь с А. В. Бондарко в том, что «идея наглядности проходит отнюдь не для всех употреблений наст. исторического», Е. В. Падучева иллюстрирует этот тезис следующим примером из энциклопедии Брокгауза и Эфрона: *К концу XII века колесные часы уже существовали. В 1232 году Данте упоминает о колесных часах с боем. В 1288 году устанавливают башенные часы в Westminster Hall в Лондоне. С XIV в. башенные колесные часы появляются в различных городах* [Падучева 2010: 380 – 381].

И. Б. Шатуновский выделяет ряд признаков, различающих эти два типа употребления. Первый тип употребления (а) – сохраняющий «оттенок особой живости» – приближается к настоящему изобразительному и настоящему сценическому, обозначая события «в масштабе реально воспринимаемого времени». Второй тип (б), максимально удаленный от актуально-динамического значения, соотносит описываемые события с «темпом времени реального восприятия в масштабе, условно говоря, 1:1 000 000». Соответственно, если НИ² первого типа передает происходящее «в режиме наибольшей подробности, конкретности и актуальности», то второй тип употребляется для обозначения событий «в высшей степени обобщенных,

¹ Стоит отдельно подчеркнуть тот факт, что независимо от типа употребления форма презенса во всех подобных случаях сохраняет определенную долю экспрессивности, поскольку является переносной грамматической формой. В литературном повествовании, по словам А. В. Бондарко, утрачивается не грамматическая, а «живая образность», «психологическая актуализация прошлого», которая как раз делает эту форму стилистически маркированной в разговорной речи [Бондарко 1971: 145].

² В его терминологии – настоящее динамическое [Шатуновский 2009].

отвлеченных от актуальных, непосредственно воспринимаемых ситуаций и процессов». Наконец, НИ типа (а) характеризуется явным присутствием фигуры говорящего, наследуя от актуально-динамического прототипа «модус непосредственного восприятия, точнее – модус “как бы непосредственного восприятия”» [Шатуновский 2009: 210 – 214].

При этом исследователи отдельно подчеркивают тот факт, что указанные употребления НИ являют собой диаметрально противоположные типы, между которыми возможны «переходные случаи» [Бондарко 1971: 146; Шатуновский 2009: 212]. Далекое не каждое употребление формы презенса в повествовании о прошлом может быть однозначно отнесено к тому или другому типу НИ. Это тем более важно с учетом того, что тексты, рассматриваемые в данной работе – фольклорные эпические, старорусские, древнерусские, – представляют принципиально разные нарративные стратегии, отличные не только от современных типов построения текста, но и друг от друга. В этой связи в дальнейшем мы будем иметь в виду различия между указанными типами НИ, однако предпочтем воздержаться от попыток определять стилистическую роль и экспрессивную нагруженность форм презенса в каждом конкретном случае.

С другой стороны, практически всегда однозначно интерпретируется видовое значение НИ. Общеизвестно, что одной из ключевых и наиболее ярких особенностей Praesens Historicum является отсутствие формально выраженного видового противопоставления. В НИ современного русского языка возможны только глаголы НСВ (за исключением особых случаев¹), которые употребляются для обозначения как последовательно сменяющихся друг друга действий или событий, так и действий, не приводящих к появлению новой ситуации.

¹ В частности, в сочетаниях типа *(вдруг) как прыгнет*, для выражения некоторых модальных оттенков (*На скале-то засох и не слезу* (Леск.)) и др. Кроме того, презенс СВ нормально употребляется для обозначения повторяющихся действий [Бондарко 1958/2005: 453 – 456].

Е. В. Падучева, характеризуя оба типа употребления настоящего нарративного, предлагает называть один из них – «так сказать, в значении СВ» – событийным, а второй – «так сказать, в значении НСВ» – имперфектным [Падучева 1996: 288]. Однако вслед за Е. А. Мишиной (Горбуновой), «во избежание путаницы со значением имперфекта», мы будем называть «имперфектное» значение «процессным» [Мишина (Горбунова) 1997 – 1998: 251].

I. 1. 2. Настоящее историческое в древнерусских и старорусских памятниках

Если вопросам семантики и функционирования Praesens Historicum в современном литературном языке уделялось со стороны исследователей достаточное внимание, то употребление презенса в этом временном плане с точки зрения диахронии изучено в меньшей степени.

Одни из первых наблюдений были сделаны А. А. Потебней. Он не занимался этим вопросом непосредственно, однако высказанные им замечания и выводы обсуждались и цитировались впоследствии всеми, кто хотя бы в минимальной степени обращался к проблеме НИ. Исследователь приводит целый ряд примеров употребления формы презенса для обозначения действий, относящихся к плану прошлого, т. е. собственно примеров НИ. Причем если контексты с презенсом НСВ в целом соответствуют современной литературной норме (она с того времени в этом отношении фактически не изменилась), то наблюдения над функционированием презенса СВ, а также приведенный материал, на основании которого они сделаны, представляют существенный интерес. Квалифицируя презенс СВ как будущее простое время, А. А. Потебня находит примеры его употребления для обозначения единичных действий, относящихся к плану прошлого. Такое употребление, не будучи отмеченным в литературном языке, встречается в русских былинах, а также украинских народных песнях и думах и, следовательно, по всей видимости, могло

характеризовать русский язык (и другие восточнославянские) или по меньшей мере целый ряд его диалектов на определенном этапе развития. Таким образом, не только выводы А. А. Потебни, но и фольклорный материал, к которому он обращался, в значительной степени дополняют наши сведения об устной нарративной традиции в целом и функционировании Praesens Historicum в фольклорных текстах XIX в. в частности.

На материале былин анализирует функционирование форм настоящего времени и Л. П. Размусен, также полагавший, что презенс СВ в повествовании о прошлом употреблялся в том числе и для выражения значения предшествования [Размусен 1891: 389].

В течение длительного времени, вплоть до середины XX в., особенности употребления Praesens Historicum (не только с диахронической точки зрения, но и в плане синхронии) не привлекали пристального внимания исследователей, в научной литературе встречаются лишь отдельные наблюдения и предположения. Так, В. В. Виноградов, в основном тексте исследования говоря только об общих семантических и стилистических особенностях НИ, в примечаниях к нему коротко замечает, что в литературном языке употребление Praesens Historicum «по-видимому, распространилось под влиянием живой народной речи». Подтверждением тому он считает редкость форм НИ в старославянских переводах: «в старославянском языке греческое praesens historicum обычно передается формой аориста» [Виноградов 1947: 572].

Ту же тенденцию распространения НИ в литературной традиции из устной речи, по-видимому, подразумевает и А. А. Потебня, объясняя замену греческого Praesens Historicum в славянских переводах аористом тем, что «настоящее историческое, столь обыкновенное теперь <...>, дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон» [Потебня 1941: 158].

В связи с этим А. В. Бондарко упоминает, что в научной литературе, посвященной этому вопросу, встречаются указания на более широкое по сравнению с литературным языком употребление форм презенса СВ для обозначения действий, относящихся к прошлому, в некоторых русских говорах. В частности, такое употребление обнаруживается исследователями в сказках, записанных А. А. Шахматовым в Олонецкой губернии, и в вологодских говорах [Бондарко 1958/2005: 449].

В сущности, вопросами глагольного вида в НИ впервые серьезно занялся А. А. Бондарко. Его исследование [Бондарко 1958/2005] до сих пор остается наиболее основательным описанием особенностей функционирования НИ на синхронном уровне, а также основных тенденций его исторического развития на материале большинства славянских языков, освещенных с разной степенью подробности, однако с неизменным вниманием не только к современной литературной норме, но и к диалектному употреблению, а также к данным поздних и некоторых ранних письменных памятников.

Исследование употребления НИ в отдельных славянских языках находим также в более поздних работах. Так, внимание этому вопросу при рассмотрении материала чешского языка в сопоставлении с русским уделяет Е. В. Петрухина [Петрухина 1977].

Что касается восточнославянских языков, то А. В. Бондарко интересуют в основном особенности употребления НИ на современном этапе развития языков, а также данные поздних памятников письменности – повестей XVI – XVIII вв. [Бондарко 1958/2005: 447 – 494].

К более раннему периоду в отношении использования этой формы обращается М. Н. Шевелева. Она рассматривает употребление Praesens Historicum в житиях и повестях XV – XVI вв. в связи с более общим вопросом состояния грамматической нормы в употреблении видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси [Шевелева 1986: 84 – 93; 103 - 106].

К тому же времени предположительно относится Пространная редакция Жития Сергия Радонежского. А. В. Духанина, научные интересы которой связаны с грамматическими особенностями сочинений Епифания Премудрого, обращает особое внимание на функционирование НИ в тексте жития, поскольку эта форма оказывается одним из важных средств атрибуции памятника. Автору удалось установить, что особенности употребления Praesens Historicum в значительной степени помогают выделить собственно епифаниевский текст, представленный в нескольких редакциях Пахомия Серба [Духанина 2006: 5 – 19].

Наконец, функционирование НИ в восточнославянских текстах раннего периода рассматривается в работах Е. А. Мишиной. Она анализирует тексты повествовательных жанров XI – XV вв. – летописи, хождения, а также книжные редакции ряда житий [Мишина (Горбунова) 1997 – 1998; Мишина (Горбунова) 1999]. Подробнее результаты исследования Е. А. Мишиной рассмотрены ниже.

I. 2. Настоящее историческое в Онежских былинах

НИ в Онежских былинах является очень частотной повествовательной формой: в общей сложности в исследованных нами текстах встретилось более 2800 случаев такого употребления презенса.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу былинных текстов, отметим предварительно, что основная закономерность употребления НИ с точки зрения вида, действующая в современном литературном языке (а именно – возможность употребления в этом временном плане в обычных условиях только глаголов НСВ и обращения к СВ только при выражении некоторых особых модально-экспрессивных смыслов)¹, в основном

¹ Речь идет только об обозначении единичных, неповторяющихся действий. При обозначении повторяющихся действий употребление презенса СВ не ограничено как в современном литературном языке, так и в языке былин.

выдерживается и в былинах. Главное различие между «литературным» и «былинным» НИ заключается в том, что в былинах в этом временном плане отмечается более широкое употребление глаголов СВ.

Поскольку для нас важна видовая характеристика основы, а для глаголов НСВ – еще и значение (процессное или событийное), которое они выражают, мы обращаем внимание на оба эти параметра.

I. 2. 1. Настоящее историческое НСВ

Глаголы НСВ в плане НИ в Онежских былинах, как и в литературном языке, гораздо более употребительны по сравнению с СВ: из 2800 случаев формы от основ НСВ представлены примерно в 2400.

Поскольку глаголы НСВ употребляются в плане Praesens Historicum для обозначения как последовательно сменяющихся друг друга событий, так и действий, не приводящих к появлению новой ситуации, рассмотрим отдельно сначала формы с событийным значением («так сказать, в значении СВ»), а затем – процессным («так сказать, в значении НСВ») [Падучева 1996: 288; Мишина (Горбунова) 1998: 251].

I. 2. 1. 1. Настоящее историческое НСВ с событийным значением

Среди всех глаголов НСВ в НИ событийное значение имеют около 1600 форм. Приведем примеры:

- ***Приезжает** тут казак да Илья Муромец
К Святогору да богатырю,
Он **привозит** тут прощенье ему вечное.
С им же он да тут **прощается**,
Святогор же тут же он **кончается** (Онеж., с. 100);*
- ***Приводит** ён ему три девушки:
Дви девушки беленьких,
Третья девушка чёрная,
Черна девчонька чиганочка.*

Ступае дивчонька на ногу

Тому Сатку работничку,

Догадался Саток работничок,

Отвечает царю неверному:

– Возьму я девушку черную (Онеж., с. 103).

В первом примере все четыре формы НИ обозначают однократные завершённые действия, из которых первые два (*приезжает* и *привозит*) могут считаться одновременными, а остальные (*прощается* и *кончается*) выражают события, следующие друг другом. Во втором примере глаголы *приводит*, *ступае* и *отвечает* называют завершённые последовательные события. Поведение реверсивных глаголов, присутствующих в этих контекстах (*приезжает*, *привозит*, *приводит*), также соответствует событийному значению: как и глаголы СВ в прошедшем времени, они не имеют значения аннулированного результата.

Глаголы НИ НСВ свободно могут употребляться в одном ряду с формами прошедшего времени, обозначая последовательные действия в одной цепи событий. Например:

- **Отдавае** ему платица-ты старчески,
Шляпу он **давае** тут же старчески,
А клюху-то он **давае** сорока пудов.
Принимает тут же платья богатырски
А **садился** на коня да богатырскаго,
Он **поехал** Ильей Муромцем (Онеж., с. 121);
- **Обвернулся** тут Добрыня с новой горници
И **выходит** тут Добрынюшка на широк двор,
Тут **скочила** же Маринушка Кайдальевна,
Брала тут ножища да кинжалища,
А **стругает** тут следочки да Добрынины,
Рыла тут во печку во муравлену
И сама же тут к следочкам **приговариват**:

– Горите вы следочки да Добрынины

Во той было во печки во муравленой,

Гори-тко во Добрынюшке по мне душа! (Онеж., с. 125 – 126)

В каждом из приведенных контекстов употребляются все три повествовательные формы – НИ, прошедшее НСВ и прошедшее СВ. В первом примере мы видим цепочку последовательных действий, во втором последние три словоформы (*стругает, рыла, приговариват*) называют длительные действия, протекающие одновременно, все остальные формы обозначают завершённые однократные действия, следующие друг за другом.

В зависимости от того, имеют ли глаголы НСВ возможность конкретно-процессного употребления, видовые пары, в состав которых они входят, принято разделять на нетривиальные и тривиальные. В первом случае в литературном языке глагол НСВ называет одну из фаз процесса совершения действия, а глаголы СВ, образующие с ними видовую пару, обозначают момент завершения действия с возможным включением предшествующего этапа процесса [Маслов 1948/2004: 83; Булыгина 1982: 84 – 85; Падучева 1996: 89]. Поскольку в НИ видовое противопоставление отсутствует, эту семантику принимают на себя глаголы НСВ.

Группа глаголов НСВ, для которых конкретно-процессное значение является нормальным, очень активно употребляется в форме НИ. Она представлена примерно 900 примерами и с семантической точки зрения очень неоднородна: *снаряжаться, умываться, кладывать/класть (крест), склониться/поклоняться, насыпать, наливать, выпивать, одевать, обувать, седлать* и другие.

Значительную часть из них – более 300 случаев – составляют глаголы, непосредственно вводящие прямую речь: *говорить, отвечать, спрашивать, (ответ) держать, кричать* (в том числе вариант *кричит зычит*), *выговаривать, здравствовать, (думу) думать, (жалобу) творить, хвастать, наказывать, приговаривать, поклоняться, проклинать(ся), заклинать(ся),*

выкликать, извиняться, благодарствовать, просить, (честь) воздавать, отказывать, уговаривать, подумливать, похваляться. Например:

- *А й говорит-то ведь Илья да таково слово:*
– <...> *А поедемте на помочь на великую,*
А й насупротив поедем царя Калина.
А говорит-то ведь крестной ёму батюшко:
– *А я сам то ведь не еду, да теби на благословлю*
А не буду я стоять большё за Киев град <...>.
А говорит-то ведь Ильюня таково слово:
– *Ай же ты ведь крестной мой батюшко!*
А поедем-ко ты на помочь великую,
Супротив поедем царя Калина <...> (Онеж., с. 528).

Любопытно, что в сказках, записанных в том же регионе, что и исследуемые былины, презенс НСВ является наиболее активной – а у многих рассказчиков единственной – формой для введения прямой речи. В частности, в рассмотренных нами сказках из 1296 случаев употребления глаголов речи и мысли на форму презенса НСВ приходится 1227 примеров (95%), остальные же глагольные формы (прошедшее СВ, прошедшее НСВ, презенс СВ) мы находим лишь в 69 контекстах. Приведем один из примеров:

- *Тут сёстра спросила у нёго про сестрёнок: «Ты пошоў, ты куды их оставиў?» Брат отвечает: «Через два года медведь унёс сёстру мою, а другую сёстру чорный ворон утащиў, остаўся нещастный я один <...>».*
Сёстра говорит: «Не мог мой лёв-зверь утащит ей, так тиби не дóйде взять» (ССк, с. 205).

В былинном нарративе формы прошедшего НСВ и презенса СВ играют более существенную роль, там мы видим иное соотношение (прошедшее НСВ, презенс СВ и прошедшее СВ – 15%, 27% и 17% соответственно), но презенс НСВ все же оказывается более востребованным – 54%.

Такое активное обращение исполнителей к презенсу НСВ при употреблении глаголов речи объяснимо: эта форма не просто соотносит темп

речи и изображаемых событий, делая его соизмеримым, но фактически заставляет слушателя (читателя) воспринимать изображаемое в реальном времени, поскольку передача чужой речи или мысли заведомо совпадает (или максимально приближена) по темпу с самой речью исполнителя.

Замедление текстового времени характерно не только для случаев введения прямой речи, но и для традиционных устойчивых эпизодов сбора богатыря в дорогу и седлания коня – вкуче со множеством деталей в описании этого процесса форма презенса создает практически эффект прямого наблюдения:

- *И он справляется Ильюша, снаряжается,
А й обувает-то Илья да черны чоботы,
А одевает-то он платьица дорожные,
Надевает на головку пуховый кивёр,
А обкольчужился Ильюша, он облатился.
А й уздае седлае коня добраго,
Налагае ведь он потнички на потнички,
Налагае ведь он войлоки на войлоки,
Полагает он седельшко черкальское.
Это туго ведь он подпруги подтягивал,
А й сам-то он Илья выговаривал:
– А не для-ради красы басы, братцы, молодецкая,
А для укрепушки-то было богатырски (Онеж., с. 515).*

Оказывается, таким образом, что, хотя видовое противопоставление в НИ нейтрализуется и глаголы НСВ называют последовательно сменяющие друг друга действия, компонент процессности – характерный признак глаголов НСВ, называющих наблюдаемые действия, – в их семантике выражен достаточно ярко и в отдельных случаях даже выходит на первый план, смещая фокус со значения завершенности действия и достижения результата. Е. В. Петрухина замечает, что в подобных контекстах «создается сложное комбинированное значение», когда глаголы НСВ, называя

последовательные действия (то есть выполняя фактически функцию СВ), «не теряют при этом собственной специфики, представляя это действие как длящиеся процессы» [Петрухина 2013: 55].

Глаголы НСВ, которые неспособны участвовать в «процессуальной предикации» [Булыгина 1982: 64 – 65], встречаются в рассмотренных былинах значительно реже и представлены всего примерно 300 случаями. В событийном НИ эти глаголы выражают «факт скачкообразного, “точечного” перехода к новому качеству [Маслов 1948/2004: 88]. Например:

- **Отправляется** он было в Киев град,
Ко тому было ко солнышку Владимиру
А й ко князу стольнѣ-киевску.
Приезжает тут Михайло Потык сын Иванович
А ко стольнему ко городу ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру.
Привозит он да дани выходы
Из той было из земли из подольскии,
От того же короля да от подольскаго (Онеж., с. 160).

Самыми частотными в этой группе являются глаголы *приходить* (около 60 случаев) и *приезжать* (около 50 случаев), в числе других можно указать также *прибегать*, *узнавать* (*узнавает*), *принимать* (= 'брать'), *проходить* (о времени), *получать*, *посылать*, *отправляться*, *попадать* (= 'попадеться') и другие.

В НИ практически не употребляются глаголы, называющие «мгновенное» действие, «выполняемое одним движением, в один, неразложимый на составные части прием» [Маслов 1948/2004: 88]. Контексты, имеющиеся в нашем распоряжении, единичны:

- С бережка боярин да **выскакиват**,
К другому боярина да **прискакиват**,
Поскорешенько назад коня да поворачиват,
Осеред реки боярин да **припадыват**,

За волосы он Чурилушку захватывает,

Да с воды с конем выздымливат,

К солнышку к Владимиру притаскиват (Онеж., с. 213).

Эффект «замедления» происходящего, характерный для подобных контекстов, по-видимому, не вполне соотносится с семантикой таких глаголов – гораздо активнее для обозначения «мгновенных» действий в былинах используются глаголы СВ, как прошедшего времени, так и настоящего-будущего (о последних подробнее в разделе I. 2. 2).

Глаголы, не имеющие как такового конкретно-процессного значения, не создают и эффекта замедления повествования, которое отличает контексты, содержащие глаголы первой группы. Ср.:

▪ *Приезжает тут Олешенько Левонтьевич,*

Приезжает тут Олешка да во другой раз,

А привозит было весточку в другой раз,

Тую весточку привозит да нерадостну... (Онеж., с. 147).

Семантика этих глаголов недостаточно конкретна, чтобы действие могло быть представлено как развернутое перед наблюдателем.

Отдельного обсуждения заслуживают первичные (непроизводные) глаголы, обозначающие однонаправленные движения. В былинах они очень немногочисленны – менее 20 случаев (*идти* (14), *ехать*, *бежать*, *плыть*), из которых только глагол *идти* представлен более чем одним примером. Производные приставочные глаголы движения представлены значительно шире – более 200 случаев (*приезжать*, *приходить*, *уплывать* и др.).

Если для последних при переводе в форму прошедшего соотносительный глагол СВ подбирается легко (*приехал*, *пришел*, *уплыл* и т. д.), то характерной особенностью непроизводных глаголов оказывается отсутствие точного коррелята. Ср., например:

▪ *Подплыла змея да подземельная,*

Раз лизнула гроб, надлизнула,

Другой раз лизнула, пролизнула,

Третий раз лизнула, в гроб плывёт (= ‘поплыла’ или ‘заплыла’?)

(Онеж., с. 371);

- *Привязал-то он коня своего тут добраго*

И сам идёт в полаты белокаменны (‘пошел’ или ‘пришел’?),

Крест-то он кладёт по писаному,

Поклоны все ведет он по ученому

На все ли на четыре он е на стороны (Онеж., с. 325).

Первичный беспривагочный глагол *иде[т]* включает все фазы действия: ‘пошел’, ‘шел’ и ‘сейчас находится в месте назначения’, и подобрать совершенно тождественный ему по значению эквивалент СВ, который содержал бы все перечисленные компоненты, невозможно.

Описывая функционирование таких глаголов литературном языке, И. Б. Шатуновский указывает на то, что, употребляясь в своем первичном – конкретно-процессном – значении, такие глаголы «“цепляют” событие за этот процесс, который в этом случае понимается, как медиальная, переходная фаза между различными ситуациями, и обозначает событие симметрично по отношению к началу и к концу, не маркируя какую-либо точку отсчета» [Шатуновский 2009: 208]. Прежде всего эта характеристика относится, разумеется, к актуально-длительному прототипу – ср. в примере И. Б. Шатуновского: *Вратарь выбегает (≈выбежал) навстречу нападающему..., подбегает (≈подбежал) к нападающему... и ... бежит навстречу нападающему.* В данном случае перед нами речевой режим, и динамичность момента речи проявляется наиболее ярко – он «бежит по оси времени», поэтому точный коррелят СВ здесь отсутствует в принципе [Шатуновский 2009: 208]. Но во вторичных, переносных употреблениях – и прежде всего в НИ – презенс НСВ является лишь одной из возможных нарративных форм, и в этой связи его «выживание» в условиях конкуренции с прошедшим СВ, с одной стороны, и производными приставочными глаголами НСВ в НИ, с другой стороны, «обусловлено главным образом

теми дополнительными значениями, которые эта форма предоставляет в распоряжение автора» [Шатуновский 2009: 209].

Как кажется, именно «недетализированность» семантики таких глаголов и оказывается сильной стороной этой формы и ее главной отличительной особенностью. Возвращаясь к приведенным выше былинным примерам с глаголами *идет*, *плывет*, заметим: в отличие от возможных смысловых коррелятов СВ, акцентирующих начало действия (как *пошел*, *поплыл*) или его итог (*пришел*, *заплыл*), первичный бесприставочный глагол дает именно целостное представление действия, без фиксации его начальной или конечной фазы – «схватывает в равной мере и равно фокусирует начало, середину-процесс и конец» [Шатуновский 2009: 209].

Тем самым первичные производные глаголы такого типа в некотором смысле становятся универсальной повествовательной формой, значение которой в зависимости от контекста ««достраивается» до событийного значения нужного типа» [Шатуновский 2009: 208].

При этом обозначение производными глаголами движения в том числе и «срединной» фазы действия свидетельствует о том, что формы презенса в подобных случаях, по-видимому, все же не стоит воспринимать как выражающие чисто событийное значение (подтверждением тому опять-таки служит невозможность подобрать полный эквивалент, выраженный прошедшим СВ). Значение развивающегося действия может легко выходить на первый план, ср. следующие примеры:

- *Есть стряхнулась Офимья Александровна да своей старостью,
Подавала гусельшика муравчаты (так).*

***Идет** тут Добрынюшка Микитич есть на честной пир,*

*Он на честный пир **идё** на свадебку*

Ко Олешенки да ко Поповичу.

Он не спрашивает ни у дверей ни у придверничков,

Он не спрашивает ни у ворот ни приворотничков,

Он становился есть о липинку,

Он играет во муравчаты гусельника (Онеж., с. 300 – 301).

- *А идет тут Илья Муромец,
Что идет же к солнышку Владимиру,
Что идет Иванищо могучее
В платьях тут же старческих,
А идет мимо полаты белокаменны,
Мимо ты косевчаты окошечки,
Где сидит было Идолищо поганое,
Где татарин да неверныи (Онеж., с. 121).*

Если в первом употреблении каждого из примеров *идет* имеет событийное значение (в данном случае ‘пошел’), то, обращаясь к повтору и добавляя своему повествованию подробностей, исполнитель замедляет ход событий, значительно усиливая тем самым процессный компонент в семантике этого глагола.

Как было показано выше, эффект замедления повествования может быть в той же степени характерным и для контекстов с производными глаголами иных семантических групп, ср., например:

- *Старый казак Илья Муромец
Выходил-то он во дворовую,
Он берет себе коня да богатырсково,
Во других-то берет себе палицу стопудовую,
Во другу-то руку копье длинное.
Поехал он на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую (Онеж., с. 276).*

Однако для таких производных глаголов критерий Ю. С. Маслова вполне работает: переводя повествование в план прошедшего, мы всегда можем подобрать совершенно тождественный по значению глагол СВ (в данном случае – *взял*), и отсутствие/наличие дистанции между говорящим/слушающим и ситуацией окажется единственным значимым семантическим изменением. Неспособность же первичных глаголов

движения образовать однозначные видовые пары, а также характерное для них комплексное, «недетализированное» представление действия выделяет их на фоне остальных.

I. 2. 1. 2. Настоящее историческое НСВ с процессным значением

Процессное значение в нашей выборке контекстов имеют около трети форм презенса: примерно 800 из 2400. Формы Praesens Historicum в процессном значении могут обозначать длительные действия, протекающие одновременно и взятые в какой-то момент своего протекания. Например:

- *У стольняго у князя у Владимира
Заводился у него да почестней пир.
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались.
Единый тот хвастат золотой казной,
Единый тот хвастат цветным платьицом,
Единый тот хвастат добрым конем;
Умный тот хвастат отцом матерью,
А й безумный тот хвастат молодой женой.
А й сидит Илья Муромец да сын Иванович,
А й сидит да ничим он не хвастаёт (Онеж., с. 249).*

Описание пира у князя является одним из наиболее устойчивых эпизодов, который почти дословно повторяется в былинах разных исполнителей, и практически во всех случаях употребляются формы процессного НИ. Абсолютно аналогичные контексты можно найти у П. Калинина [I, 181, 229], А. Фоминой [I, 249], Д. Кононовой [I, 269], П. Прохорова [I, 365], П. Антонова [I, 568], А. Гусева [III, 478], А. Петрова [III, 114], А. Макушкина [III, 590], Ф. Шуманова [III, 463]. Все формы НИ в приведенном примере (как и в аналогичных контекстах других исполнителей) обозначают длительные, одновременные друг другу действия.

НИ в этом значении может обозначать фоновое действие, в былинах в таких случаях оно часто является предикатом придаточного предложения. Например:

- *А идет тут Илья Муромец,
Что идет же к солнышку Владимиру,
Что идет Иваницо могучее
В платьях тут же старческих,
А идет мимо палаты белокаменны,
Мимо ты косевчаты окошечки,
Гди сидит было Идолицо поганое,
Гди татарин да неверный (Онеж., с. 121).*

Форма *идет* в главном предложении может пониматься двояко. Первый вариант прочтения – значение длительного действия (то есть процессное значение НИ); в этом случае словоформа *сидит*, предикат придаточного предложения, обозначает длительное действие, одновременное действию, выраженному глаголом *идет*, в главном предложении. Другой вариант – понимание словоформы *идет* в событийном значении, о чем мы говорили выше. При таком прочтении словоформа *сидит* называет действие, являющееся фоновым для действия, выраженного глаголом *идет*.

Если же событийное значение предиката главного предложения однозначно понимается из контекста, то употребление НИ НСВ в процессном значении также не вызывает разночтений – оно явно обозначает фоновое действие, как, например, в следующем контексте:

- *Подъезжает тут он под Чернигов град,
Где стоит тут войско бусурманьское
А й под городом Черниговым, –
Тут не сделано ни выпуску ни выезду
Что ли князю да черниговску (Онеж., с. 111).*

В данном случае форма *стоит* в придаточном предложении обозначает действие, являющееся фоновым для глагола *подъезжает* (предиката

главного предложения), называющего однократное завершённое действие, то есть имеющего событийное значение.

НИ НСВ может означать события, представленные герою (и читателю / слушателю вместе с ним) как бы в момент непосредственного наблюдения, в таких случаях оно часто сопровождается перцептивным глаголом. Ср.:

- *А Добрынюшке Никитичу не кажется,
Что сидит же тут да голуб со голубушкой
Нос с носком да было рот с ротком,
Он натягивал тетивочки шелковыи,
Он накладывал тут стрелочки каленыи,
Он стреляет тут же в голуба с голубушкой (Онеж., с. 125);*
- *Забыл-то наказанье родной матушки,
Зашел-то он во улочки Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидят голубы да со голубушкамы,
Носочки с носочками целуются,
Они правыма крылами обнимаются (Онеж., с. 256).*

В первом случае перцептивное значение имеет глагол *не кажется*, то есть '(он) видит на самом деле', во втором случае глагол восприятия отсутствует, но эффект непосредственного наблюдения сохраняется.

Интересно, что в рассмотренных нами сказках процессное значение НИ оказывается более востребованным, чем в былинах. Из более чем 2300 форм презенса НСВ процессное значение имеют около 560, но, как уже говорилось выше, в сказках в форме презенса чрезвычайно активно употребляются глаголы речи (более 1000 форм), занимающие приоритетное положение в этом временном плане. Сопоставив частотность употребления в форме презенса глаголов других семантических групп, мы увидим, что удельный вес форм с процессным значением окажется очень высоким: около 55% от общего числа форм презенса НСВ, например:

▪ Шли далёко-ль близко, пришли к гóры высокой, **стоит** мужык и эту гору из рúки нá руки **перекатыва**: «Бог помощь, товариш. Ох, ты какой сильный» (ССк, с. 215);

▪ Ну он сичás пришоў в ызбу, воды начерьпал в вёдрó и пошоў быков поить. Ну пришоў, даў бýкам, даў бычкам, бычки тут **пьют**, а там бык **стоит**, **не шевелíтия**. «Тпруся, яша! тпруся, яша!» А яша и **не шевелития**, **не идёт**, просто сказать (ССк, с. 223).

В южнорусских былинах форм презенса с процессным значением еще больше – более 550 случаев, то есть более 65% в общем числе форм НИ. Это, однако, по-видимому, объясняется особенностями местной эпической традиции – сравним похожие эпизоды из Онежской и южнорусской былин соответственно:

- С под той ли под березы кудреватья,
С под того ли с под креста Левонидова
Выходило четыре тура да златорогих,
Шли эти туры да мимо Киёв славный град,
Видели над Киевом чудным чудно,
Видели над Киевом дивным дивно (Онеж., с. 386);
- То не пыль, братцы, не кура летит,
В поле подыма... подымается (повторяется дважды),
Не туманушки, будто, во поле,
В поле расстила... расстилаются (повторяется дважды).
Там бегут, вот и, пробегают
Туры златоро... златорогие (повторяется дважды),
Подбегают гнеды турушки,
Они кы синю, кы синю морю <...> (ЮжнБ, I, с. 208).

Мы привели лишь небольшой фрагмент этого эпизода из южнорусской былины, на самом деле он в три раза длиннее соответствующего эпизода из севернорусского текста. Хорошо видно, что в Онежской былине на первом плане оказывается сюжет, в то время как южнорусский текст, в целом

сохраняя то же содержание, представляет собой протяжную песню с обилием повторов.

В севернорусских былинах, в отличие от сказок и южнорусских былин, даже без учета глаголов речи преобладает событийное значение.

Таким образом, основными типами употребления форм НИ НСВ в процессном значении в рассмотренных былинах можно назвать обозначение действия, одновременного некоторому другому действию или являющегося фоновым для него, либо обозначение действий, представленных герою в момент непосредственного наблюдения. Во всех перечисленных случаях формы НИ НСВ не продвигают повествование, а дают статичное описание ситуации, что соответствует литературному употреблению НСВ в любом временном плане.

1. 2. 1. 3. Можно заключить, что употребление форм презенса глаголов НСВ в плане НИ в целом не обнаруживает особенностей, которые противоречили бы литературной норме. Как и в литературном языке, глаголы НСВ, употребляясь в НИ, способны выступать как в процессном, так и в событийном значении, причем последние преобладают в количественном отношении.

1. 2. 2. Настоящее историческое СВ

В литературном языке глаголы СВ в плане НИ оказываются на периферии – их употребление ограничено особыми условиями и, как замечает А. В. Бондарко, характеризуется «некоторыми особыми дополнительными значениями» и «рядом формальных признаков» [Бондарко 1958/2005: 453]. В Онежских былинах условия, в которых в плане НИ возможны глаголы СВ, несколько шире.

Формы презенса СВ, обозначающие действия в прошлом, представлены в былинах примерно 400 примерами. Все эти случаи мы можем

разделить на три группы, две из которых полностью соответствуют нормам современного литературного языка, а одна заслуживает отдельного детального рассмотрения.

I. 2. 2. 1. Первую группу составляют формы презенса СВ, служащие «для обозначения повторяемости действия в прошлом в его результате» [Шахматов 2001: 487], А. В. Бондарко формулирует это значение как «настоящее историческое повторяющегося и обычного действия» [Бондарко 1971: 163]. Этот тип употребления стоит несколько обособленно от других, поскольку для обозначения неоднократных действий в прошлом никаких ограничений для СВ в литературном языке нет – презенс глаголов СВ употребляется в этой функции регулярно, в отличие от тех случаев, когда он обозначает единичные, неповторяющиеся действия. В исследованных былинных текстах мы располагаем 19 примерами такого употребления, приведем некоторые из них:

- *Бьет тут Илья Муромец да дру́гой раз, -
Что ударит, тут же обруч было ставится.
Как начал тут Васильюшко помахивать
Той-то осью да тележной железною,
Куды махнет – тут станут да улицы,
А перемахнет – туды да переулочки (Онеж., с. 506).*

Примеры такого употребления презенса СВ в языке художественных произведений приводит, в частности, А. В. Бондарко: *Шагаю по шпалам – гляжу, впереди маячит гражданский. Идет и на ходу глядит в какую-то бумагу. Поглядит-поглядит – остановится (С. Антонов. На военных дорогах); И только, бывало, это самое задумаю про кинематограф, и всё у меня выходит ладно и чинно... Вдруг трах! На сцену является артиллерист (Куприн. Гад) [Бондарко 1971: 163].* Комментируя приведенные примеры, А. В. Бондарко пишет, что сочетание форм презенса глаголов СВ и НСВ «создает разнообразие и контрастность изображения: наступление факта в

его целостности сменяется развивающимся процессом, длительностью, передаются соотношения предшествования и следования, чередования, последовательности и т. п.» [Бондарко 1971: 163].

На отношения предшествования ранее указывал А. А. Потебня, считая это значение одним из основных для форм презенса СВ в подобных контекстах [Потебня 1941: 108 – 120].

Соглашается с ним и В. В. Виноградов, но, оговаривая отдельно, что это значение характерно для презенса СВ только в «соотносительных предложениях», он тем не менее выделяет его в отдельную подгруппу, так как презенс СВ обозначает в таких случаях «относительное время действия, предшествующего другому действию и его обуславливающего, или время действия, с наступлением которого связано другое действие» [Виноградов 1947: 579]. На этом основании В. В. Виноградов считает возможным говорить о двух разных типах употребления презенса СВ, которые, хотя и находятся «в непосредственной связи», должны обсуждаться отдельно. В качестве примеров другого типа употребления он приводит следующие: *Все было тихо, волна не подымет, листок не шелхнет* (К. Аксаков); *Они посидели обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушей* (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); *Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали* (Тургенев, «Бежин луг»).

1. 2. 2. 2. Другой тип употребления презенса СВ (он всегда выступает в сочетании с отрицательной частицей *не*), представленный в литературном языке, А. В. Бондарко делит на два подтипа. Первый из них употребляется «для выражения невозможности совершения действия», например: *И такая пошла там паника-а-а! Кто ближе к алтарю стоял, – не поймут, в чем дело, а слышат, что в притворе шум, молиться перестали, стоят*

волнуются... (Шол.) [Бондарко 1958/2005: 454]. Второй подтип выражает «полное отсутствие действия путем отрицания его осуществления хотя бы один раз»: *Радовались мы так-то, однако же подходит время охотника к приему вести, а он и глазом не моргнет (Усп.); Лошади стали, ни одна с места не тронется (сказки Афанасьева) [Бондарко 1958/2005: 454]. В таких случаях «как бы подразумевается потенциальная возможность неоднократного осуществления действия, но эта возможность остается нереализованной» [Бондарко 1971: 109].*

Несмотря на то что в былинах такое употребление по сравнению с предыдущим типом несколько более распространено (39 случаев), все контексты достаточно однотипны и представляют собой устойчивые фрагменты практически формульного характера, которые повторяются не только в разных былинах одного исполнителя, но и у разных исполнителей. Приведем некоторые примеры:

- *А гди Соловей да сын Рахматович,
А сидит он на двенадцати дубах да сорочинских,
Не пропустит он ни коннаго, ни пешаго <...> (Онеж., с. 112);*
- *Захотел я посмотреть Святогора нунь богатыря:
Он не ездит нунь на матушку сыру землю,
К нам богатырям да он не явится (Онеж., с. 98);*
- *И поехал тут Добрыня на богатыря,
А ударил поляницу в буйну голову.
А сидит же поляница – не сворохнется
А назад тут поляница не оглянется (Онеж., с. 140);*
- *Уж как Фетеньку-то раз топнул,
А й он Фетеньку другой топнул,
И стоит наш-то Фетенька не шатнется,
На головушке волосушка не стряхнутся (Онеж., с. 289).*

I. 2. 2. 3. В отличие от двух рассмотренных типов употребления презенса СВ, третий представляет для нас непосредственный интерес. Речь идет о тех случаях, когда он обозначает завершенные однократные действия в прошлом. В литературном языке единственный вариант выражения этого значения посредством презенса СВ – экспрессивные обороты типа (*вдруг*) *как прыгнет*, в былинах же эта форма употребляется существенно шире.

Сюда относятся прежде всего те случаи, в которых А. А. Потебня усматривает выражение значения предшествования, иллюстрируя, в частности, такими примерами: *Пнет ногой во двери железные, / Изломал все пробои булатные* (Др. росс. стих, 52); *Воткнет копье во сыру землю, / Привязал он коня за остро копье* (Ibid., 95) [Потебня 1941: 110].

Соглашаясь с такой интерпретацией семантики презенса СВ подобного типа, А. В. Бондарко полагает, что «это, несомненно, основное значение рассматриваемой формы»¹. По его мнению, в подобных случаях (это касается употребления презенса СВ в древнерусском языке, а также в современных говорах и в былинах) «речь идет не просто об обозначении естественного порядка следования действий, а о подчеркнутом, специальном выражении предшествования одного действия по отношению к другому, тесно связанному с ним как по смыслу, так и синтаксически» [Бондарко 1958/2005: 461].

Выделяя ряд условий употребления презенса СВ, А. В. Бондарко отмечает, что имеются исключения и эта форма может обозначать единичные действия в прошлом «иногда при отсутствии каких-либо условий» [Бондарко 1958/2005: 457]. Ср. его примеры: *Я вчера только с базу выхожу, думаю: «Ну, кажись, уговорил!» **Выйду** и слышу: «Куви-и-и, куви-и-и!» - подвинок какой-нибудь уж под ножом визжит. А я гаду-собственнику до этого час говорил про мировую революцию и коммунизм* (Шолохов, Поднятая целина);

¹ Говоря прежде всего об употреблении этой формы в древнерусском и старорусском языке, А. В. Бондарко подчеркивает ее «народно-разговорный характер» и частотность употребления также в текстах былин.

А чтобы она на его, гусарову, шапку не становилась, такое средство изобрел, что, думаю, все вы кричите, что ничего не жалеете, меня тем не удивите: а вот, что я ничего не жалею, так я то делом-правдою докажу, да сам прыгну, и сам из-за пазухи ей под ноги лебедея и кричу: «Дави его! Наступай!» (Лесков, Очарованный странник) [Бондарко 1958/2005: 257-258]. Говоря о диалектном употреблении презенса и данных истории русского языка, А. В. Бондарко также подчеркивает, что в олонечских сказках есть четыре контекста¹, которые не включаются в предложенную им классификацию и относятся к категории «других случаев». Приведем два примера из этих четырех: *«Как ты доўго справлезься там». – «Да угориў, скае, голова болила, так не мог прити». Ну, теперь Иван Ветровиць сам останетця хлебы пекци. Нелетела (так) змяя дваццати глав ёму, ёю хоця поймать (107), 266; Она как на улицу скоро вышла, и выхватит от ёю свою правую руку и пав на колодець и тут переставилась на этой кожи и на колодци (147), 351 [Бондарко 1958/2005: 476 – 478].*

Рассмотренный нами материал былин также дает достаточное число примеров, которые не удовлетворяют ни одному из выделенных А. В. Бондарко для презенса СВ условий употребления. Подробный анализ текстов других сказок существенно увеличивает число таких контекстов.

В этой связи кажется важным выделить такие факторы, которые позволяли бы описать в том числе и примеры подобного рода. Предварительно же отметим, что, несмотря на неоднородность этой группы, все разновидности употребления, о которых мы будем говорить, представляются нам тем не менее явлениями одной природы.

¹ А. В. Бондарко замечает при этом, что не учитывает сказку «Илья Муромец», «где ясно выступает влияние былинного употребления», в противном случае примеров было бы больше [Бондарко 1958/2005: 478].

В рассмотренных былинах насчитывается в общей сложности около 340 примеров.

Основанием для того, чтобы выделять значение подчеркнутого предшествования одного действия другому в качестве основного для презенса СВ, является, по-видимому, частотное употребление этой формы в составе предложений с двумя (или более) однородными сказуемыми (или простых предложений, являющихся частями сложного), обозначающими следующие друг за другом действия, причем второе действие обусловлено первым. Например:

- **Как подскожит** тут казак да Илья Муромец
Со своей было клюхою сорочинскою,
Как ударит он его да в буйну голову, -
Отлетела голова да будто пугвица (Онеж., с. 122);
- Наезжает тут Добрынюшка на сырой дуб,
Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб,
А росшиб же дуб да весь по ластиньям (Онеж., с. 141);
- Розгорелся тут Добрыня на добри кони
И наехал тут Добрынюшка да в третий раз
А на ту же поляницу на удалую,
Да **ударит** поляницу в буйну голову.
На кони сидит же поляница, сворохнуласе
И назад же поляница оглянуласе (Онеж., с. 141);
- **Как ухватит** он Алёшку за желтыи кудри,
Взял же он Алешеньку охаживать,
А не слышно было в бухканье да оханья! (Онеж., с. 153);
- **Как ухватит** он борьца за плеча ли
Да **топнет** тут борьца да о кирпичен мост,
Сбил его всего да в кучку вдруг (Онеж., с. 228);
- **Как ухватит** он борьца за плеча ли
Да **топнет** тут борьца да о кирпичен мост,

Сбил его всего да в кучку вдруг (Онеж., с. 228).

Подсчитать точное число примеров здесь можно только с определенной долей условности: многие контексты являются устойчивыми и почти дословно повторяются в разных текстах, что можно заметить уже в приведенных фрагментах. Отметим лишь, что в нашем распоряжении имеется более 40 употреблений, в их числе следующие глаголы: *ухватить* (*хватить*), *ударить*, *махнуть* (*ма́хнет*), *смахнуть* (*сма́хнет*), *помахнуть* ('взмахнуть'), *подскочить*, *скочить*, *выскочить*, *прискочить*, *тяпнуть*, *приправить* (коня), *одернуть*, *топнуть*, *здынуть*, *нырнуть*, *роспахнуть* и др.

Однако, во-первых, в рассмотренных фольклорных текстах презенс СВ может употребляться не только в первой, но и во второй части сочетаний «действие – результат», обозначая, таким образом, уже не предшествование, а следование, ср.:

- *<...> Эта старая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Налагает еще руки на белый горючий камешок
И здымае камешок через плечо,
Спустит этот камешок через плечо,
Спустит камень о сыру землю (Онеж., с. 175).*

Нельзя исключать также и случаи, когда цепочка последовательных действий, одно из которых выражено презенсом СВ, не может быть сведена к двухчастной конструкции, ср.:

- *Скоморошина тут местом не побрѣзговал
А скочил на печку на муравлену,
Заиграет тут в гусельшка яровчаты
А на той было на печки на муравленой,
А играет-то Добрынюшка во Киеви
А на выигрыи берет да во Царигради,
А от стараго да всих до малого*

А повыиграл поименно (Онеж., с. 151).

Считать, что презенс СВ *заиграет* обозначает подчеркнутое предшествование этого действию следующему – *играет*, – как кажется, было бы упрощением, поскольку в равной степени его можно было бы назвать выражающим «подчеркнутое следование» по отношению к глаголу *скочил* (это же относится и к предыдущей цепочке *налагает, здымае[m] – спустит*).

Во-вторых, в былинах легко обнаруживается множество контекстов, совершенно аналогичных приведенным выше и отличающихся от них лишь тем, что вместо презенса СВ в них фигурируют формы прошедшего СВ или прошедшего НСВ. Мы постарались подобрать фрагменты с теми же глаголами:

- *Как это тут Илья да Муромец,
Как все это Ильюшенка повыслушал,
Скочил он как Илья на резвы ноги,
Ударил кулаком во дубовый стол,
А розлетелся стол на вси стороны (Онеж., с. 417).*
- *Как ударил он Соловника тут в голову
Палицей своей богатырскою,
А сидит-то что Соловников – не стряхнется,
Опять жолтыи кудёрка не сворохнутя (Онеж., с. 419).*
- *Как тут скоро Васильюшко подскакивал,
Ударил-то Васильюшко да Фомушку,
Толстого Фому благоуродлива;
Стоит тут Фома да ведь не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутя (Онеж., с. 503).*
- *И поехал тут Добрыня на богатыря,
Он ударил поляницу в буйну голову.
А сидит же поляница – не сворохнется,
А назад тут поляница не оглянется (Онеж., с. 353);*
- *Хватал он тут Олешу за желты кудри,*

Кидал тут Олешу о белодубов мост,

Зачал тут Добрыня пощалкивать

Той-то путь-шалыгой подорожной (Онеж., с. 348 – 349);

- *Хватал он тележку ордынскую,*

Выхватывал он осищё железное,

Зачал он осищём тут помахивать,

Прибил он сорок царей, сорок царевичев (Онеж., с. 228);

- *Уж как Фетеньку-то топнул,*

А й он Фетеньку другой топнул,

А стоит наш-то Фетенька не шатнется,

На головушке волосушка не стряхнутся (Онеж., с. 289).

Подобного рода двухчастные конструкции со сменой точки зрения посредством переключения с одного видового и/или временного значения на другое являются в былинах одним из наиболее регулярных способов организации нарратива, и те же смысловые отношения (причинно-следственные и временные), которые характеризовали примеры с употреблением презенса СВ, обнаруживаются и в других группах контекстов: отношения частей между собой с изменением временной формы не изменяются.

Можно заметить лишь, что глаголы СВ, в отличие от НСВ, добавляют динамичности описанию ситуации, однако это одинаково справедливо по отношению и к презенсу, и к прошедшему СВ, поскольку связано исключительно с видовым значением глагола.

Интересно также, что если в примерах с презенсом СВ части противопоставлялись друг другу посредством смены временной формы глагола (с презенса на форму прошедшего), то в последних примерах в целом ряде случаев контраст сохраняется, даже если обе части находятся в одном временном плане, – за счет противопоставления глаголов с точки зрения их видовой характеристики.

Можно заключить в этой связи, что сами по себе грамматические формы глаголов в представленных примерах (в том числе форма презенса глаголов СВ) никакого специального значения предшествования одного действия другому не выражают. Будучи повествовательными формами, они обозначают лишь последовательные завершённые действия, в то время как эффект «подчеркнутого предшествования» является не чем иным, как результатом контраста видовых или временных значений глаголов, составляющих в некотором смысле противопоставленные друг другу части предложения. Контраст этот сохраняется и в тех случаях, когда презенс СВ обозначает не предшествующее, а, напротив, последующее действие или просто одно из событий в цепочке. Соответственно, как кажется, нет оснований считать значение предшествования ни основным значением презенса СВ, ни даже просто свойственным ему в большей степени, чем другим нарративным формам.

Практически во всех былинных контекстах, о которых до сих пор шла речь, фигурировали глаголы, обозначающие мгновенные действия. В этой связи нельзя не остановиться на вопросе о том, как такое употребление соотносится с оборотами типа *(вдруг) как прыгнет*.

В литературном языке они распространены достаточно широко, в особенности в разговорной речи, и выражают «экспрессивное значение особой интенсивности внезапно, неожиданно наступившего действия» [Бондарко 1958/2005: 453], или, по определению А. А. Шахматова, «мгновенное действие, осуществившееся в прошлом» [Шахматов 2001: 487]. Аналогично формулирует это значение и В. В. Виноградов: «значение внезапного, стремительного наступления в прошлом какого-нибудь быстрого, мгновенного действия» [Виноградов 1947: 579 – 580].

Отдельно отмечается исследователями тот факт, что в оборотах типа *(вдруг) как прыгнет* в современном литературном языке невозможен НСВ, поскольку его семантика несовместима с выражением значения внезапного

наступления и особой интенсивности действия. Как правило, в таких оборотах употребляются «глаголы мгновенного <...> или – реже – начинательного действия» [Бондарко 1958/2005: 454].

Кроме того, литературное употребление этого оборота характеризуется и дополнительными формальными признаками: помимо обязательного наличия при презенсе СВ собственно усилительной частицы *как*, оборот отличается также «особой эмоциональной интонацией» [Бондарко 1958/2005: 453]. Например: *Стою, слушаю – и вдруг что-то **как полыхнет** через все небо* (Паустовский. Ленька с Малого озера); *Достаёт Прохор Палыч «послание» и кладет на стол. Иван Иванович берется читать и... **как захохочет!*** (Троепольский. Записки агронома) [Бондарко 1971: 163].

Былинное употребление сочетаний типа «*как* + презенс СВ» в значении мгновенного действия имеет целый ряд отличий от литературного. Прежде всего, наличие *как* в подобных сочетаниях совершенно необязательно, ср.:

- *Его мутное тут око помутилоси,
А разбойницкое сердце розгорелоси,
Как тянне он копье да бурзамецкое
И сколол же тут он князя Карамышенска
А во той было во ложни да во теплыи* (Онеж., с. 219);
- *Скочил же царь неверныи,
Тянне в руки саблю вострую,
Отсек царици буйну голову* (Онеж., с. 102 – 103);
- ***Как смахне** он да саблей вострою,
Он отсек Малютки буйну голову* (Онеж., с. 239);
- *Не пил же он тут чары зелена вина,
Смахне он Добрыня саблей вострою
И отнес же он Марине буйну голову,
А за ей было поступки неумильнии* (Онеж., с. 130).

Былинное *как* здесь, по всей видимости, еще не может однозначно квалифицироваться как усилительная частица: она удерживает позицию

абсолютного начала предложения, характерную для временного союза (в литературном языке, как мы знаем, контактное расположение частицы в таких оборотах обязательно, поэтому ее позиция в предложении продиктована исключительно позицией глагола), сохраняет остаточные признаки временной семантики (уже следующей, впрочем, по большей части из контекста), а также сочетается в подобных контекстах не только с презенсом СВ, но и с другими формами глагола. Таким образом, *как* все еще сохраняет некоторые признаки временного союза.

В рассмотренных сказках из 111 примеров употребления презенса СВ значение внезапного мгновенного действия имеют глаголы в 30 случаях, а *как* присутствует только в 11 из них. Ср., например:

▪ <...> *он бежит и кричит: «Не уйдёшь». Потом ригача близко, он в ригачу; только успеу обратиться – «хозяин, береги», скае. Ригацник хватит пыльник (камень в ригаче), да ёуо этим пыльником, давай с ним возиться* (ССк, с. 233).

Другой принципиальный момент касается собственно глагольной формы. Как отмечалось выше, считается, что в литературных оборотах типа (*вдруг*) *как прыгнет* форма презенса СВ не только обязательна, но и составляет собственно их специфику, в то время как презенс НСВ попросту невозможен [Бондарко 1958/2005: 454]. В одной из своих ранних статей, посвященных этому обороту, А. В. Бондарко замечает, что презенс СВ может быть заменен прошедшим СВ, хотя и с некоторой потерей «живости и экспрессивности». Ср. его пример: [Раиса]... Полкан, собака наша, увидел меня да *как завыл* [ср. *как завоет*] (А. Толстой, «Касатка»). При этом неоднократно подчеркивается, что «нельзя привести примеры, в которых для выражения предшествования был бы употреблен глагол несовершенного вида» [Бондарко 1958/2005: 465].

В былинах это ограничение отсутствует: в сочетаниях «*как* + V» мы находим и презенс НСВ (в событийном значении), и прошедшее НСВ, и

прошедшее СВ – иными словами, любую повествовательную форму из представленных. Ср.:

- *Россердился тут Добрыня сын Никитинич,
Как приправил кóня добраго
От Царяграда на Киев град,
Не дорожкамы поехал не воротамы,
Реки ты озера перескакивал,
Широки раздолья промеж ног пуцал
А ко Киеву Добрынюшка прискакивал (Онеж., с. 148);*
- *Как приправивал Ильюшенка опять он добра коня
А на того на млада на Соловника.
Как ударил он Соловника опять ёго в голову
А палицей своёй богатырскою, –
А сидит что Соловников, не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутя (Онеж., с. 418).*

И хотя презенс СВ в контекстах подобного рода, безусловно, делает повествование более динамичным (особенно от глаголов мгновенных действий), принципиально другое: если в литературном языке в оборотах типа (*вдруг*) *как прыгнет* НСВ вообще невозможен (что объясняется обычно, как уже говорилось, несовместимостью семантики НСВ со значением внезапности и особой интенсивности действия, присущей этому обороту), то в былинах это ограничение снимается за счет наличия у прошедшего НСВ специфической функции – способности обозначать последовательные завершённые действия¹ (подробнее об этом в Главе II).

Наконец, еще одно отличие былинных сочетаний «*как + V*» от литературного оборота состоит в возможности употребления в таких

¹ Нельзя не заметить, впрочем, что в этих условиях возможно употребление прошедшего НСВ исключительно в значении однократных завершённых действий, «нормальное» же процессное значение прошедшего НСВ (как, собственно, и НИ) в подобных контекстах не встречается.

контекстах глаголов, в которых вряд ли можно усмотреть значение «внезапного, стремительного наступления» действия. Например:

- *Тут же ездит Илья Муромец да у Царя-града,
Он невзгодушку про Киев да проведает.
Как приправит Илья Муромец да коня добраго,
От Царя-града приправит же до Киева,
Тут поехал Илья Муромец в чисто поле
А под тую было силу под татарскую (Онеж., с. 120);*
- ***Увидае** он тут стадо да гусиное
Той же он Авдотьи он Ивановны,
А желанной он своей да было тетушки,
Притоптал же всех гусей да до единого <...> (Онеж., с. 126).*

А. В. Бондарко замечает, что в литературном языке «в редких случаях ... возможно и выражение других способов действия, в частности общерезультативного». Ср. его примеры: – ... Так я ему ответил. А он *как осерчает* (А. Толстой, «Петр Первый»); Тут бабушка *как подбежит* к нему козой... (Павленко, «Маленькие рассказы»); И сахар обронил, да своими худыми ручонками *как обнимет* мои ноги... (Там же).

Применительно к былинам мы можем констатировать меньшую привязанность презенса СВ к глаголам с семантикой мгновенных действий.

Среди глаголов СВ со значением «не-мгновенных» действий в форме презенса в былинах чаще всего мы встречаем глаголы речи, вводящие чужое высказывание, – всего около 230 употреблений: *испроговорить, сговорить (зговорить), воспроговорить, возговорить, спроговорить, зрадоваться (зрадуется), испровещиться, смолиться* (‘взмолиться’), *воспромолвить* и др.; кроме того, один из исполнителей для ввода прямой речи регулярно обращается к формуле *говорит промолвит (спромолвит) таково слово*.

В сказках глаголы речи не составляют большинства среди СВ, но их доля среди других семантических групп также очень заметна: 26 случаев из 93.

Приведем примеры:

- *Нету у Добрыни коня добраго,
Нету у Добрыни копья востраго,
Нечем тут Добрынюшке поправиться.
Сам же тут Добрыня приужахнется,
Сам Добрыня испроговорит:*

– Видно, нонечу Добрынюшке кончинушка! (Онеж., с. 132)

- *Приходит Иов к нѣму, приносит златницу, товар Марку. – «Прими, преподобный Марке, златьницу, корми́ родителей, тибí на хлеб» (чтобы родители не плакали, вишь, в хлебах). Восплацет Марке: «Не надо мне златьници (не надо денѣг ёму), отнѣмут у меня богаты люди и немилосливы сѣуди» (боится, ишь, што отоймут), подаѣ златьницу назад Иѣву (ССк, с. 287).*

Особняком в этой группе стоит глагол *сказать*. В былинах примеры его употребления единичны, ср.:

- *Васильюшко пил да Салфеюшке поднес,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшко скажет: «Головушка болит»;
Салфеюшка скажет: «Сердечушко щемит».
Оны к утру ко свету преставилиси (Онеж., с. 314).*

В сказках же их число не просто велико, но значительно превосходит общее количество всех остальных форм презенса СВ – 357 примеров:

- *Потом снаѣ, снаѣ, трое сутки снаѣ и проснѣся. «Хто меня связаѣ, говорит, розвяжи, говорит, боля не приду сюда». Потом мужик скаже: «Если не тронешь меня, так розвяжу» (ССк, с. 232).*

Интересно, что этот глагол не только предваряет прямую речь, но часто встречается также после нее и в середине высказывания, ср. показательный пример:

- *И этот Иван Мидведев шоѣ, шоѣ, шоѣ, приходит ён к ламбы (к озеру); в этом о́зере ўдит водяник в лодки брѣвно удовищем <...>, и ён*

говорит: «Бог помощь, товариш, ох ты какой сильный, товариш, сильный». А он ёму говорит: – «Ох, я не сильный, скаже, я сильный не сильный; есть, ска, Иван Мидведев сильный». – «А я то, скаже, есь» (Иван Мидведев ёму говорит). – «Ну, возьми же меня, скаже, в други́х». – И ёны двое пошли (ССк, с. 215).

Хорошо известно, что если в современном литературном языке этот глагол имеет основу СВ, то в диалектах и на более ранних этапах развития языка основа могла характеризоваться иначе. А. В. Бондарко рассматривает *скажет* как глагол СВ, не соглашаясь в этом вопросе, в частности, с П. С. Кузнецовым, по наблюдениям которого в Пильмасозерском говоре *сказати* «может являться в значении несовершенного вида» [Кузнецов 1949: 114 – 115]. Оба исследователя ссылаются при этом на «Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского», по-разному интерпретируя приведенные там примеры. А. В. Бондарко в подтверждение своей точки зрения напоминает о «характерной для олонецких говоров общей тенденции сравнительно широкого употребления форм настоящего времени глаголов совершенного вида в повествовании о прошлом» и считает, что этот факт «ясно говорит о совершенном виде глагола “сказать”» [Бондарко 1958/2005: 478].

Как показывает В. Б. Силина, от основы *сказати* в памятниках возможно образование двух форм настоящего-будущего времени – *скажу* (СВ) и *скажаю* (НСВ) [Силина 1982: 191]. Однако в рассмотренных фольклорных текстах не встретилось ни одного случая употребления последней, и у нас нет оснований говорить о присутствии в говоре какого-либо исполнителя такого «расщепления» основы.

В сказках имеются единичные примеры, в которых принадлежность основы к НСВ очевидна – например, в сочетаниях с фазовыми глаголами:

▪ Однако, стаў старик историю сказатьь ёму про Кузьмину жизнь протосветную. <...> И ён стаў глы старухи историю сказатьь, как она в ад попадёт <...> (ССк, с. 283 – 284).

Однако для инфинитива, по-видимому, как раз и характерно употребление в обоих видовых значениях, и эта форма не дает никаких сведений о видовой характеристике формы настоящего-будущего.

В былинах вообще не встретилось ни одного контекста, в котором присутствовали бы указания на видовую принадлежность этого глагола. Ср., например:

- – *Зачим же ты Михайла заезжал сюда?*
– *Зашол-то я сюда заезжал к тебе,*
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
*А я слышал – **скажут** ты охвоч играть*
Да в доски-то шахматны,
А в дóроги тавлеи золоченыи,
А я-то ведь еще уже также бы.
Поиграем-ко во доски мы шахматны,
В дóроги тавлеи золоченыи (Онеж., с. 468).

Как кажется, в данном случае контекст располагает к прочтению *скажут* как глагола НСВ ('говорят'), но это не более чем «интуитивная» интерпретация, на которую мы не можем опираться при анализе диалектного фольклорного текста. В этой связи определять форму презенса от глагола *сказать* как СВ при отсутствии указывающих на это контекстуальных условий представляется некорректным.

Заметим здесь, что в южнорусских былинах НИ СВ употребляется в полном соответствии с литературной нормой (на этих случаях мы отдельно не останавливаемся), за исключением одного глагола – в некоторых контекстах мы находим форму *возговорит*, вводящего прямую речь, ср.:

- *Как и тут-то Змей-собака стал догадываться:*
«Как была-то бы мне прежняя волюшка <...>,
Молодую-то княгиню за себе бы узья!»
Как возговорит *тут речь млад Алёшенька:*
«Мы поедем-ка с тобою во чистó поле,

Да испробуем мы силы богатырские!» (ЮжнБ, I, с. 120);

- *Как сы терема сы высокого*

Увидала их красна девица <...>.

*Речь **возгóворит** своему батюшки:*

«Государь жа мой, родной батюшка! <...>

Не за мной-то ли всё приехали,

Красной девишкой, Настасеюшкой?» (ЮжнБ, I, с. 139).

Другие глаголы СВ в значении однократных событий в прошлом в южнорусских былинах не встречаются.

А. А. Потебня и А. В. Бондарко считают глаголы речевых действий, непосредственно вводящие прямую речь, частными случаями выражения предшествования [Бондарко 1958/2005: 461], объясняя это тем, что «самая речь, о которой объявлено первым глаголом, принимается за последующее действие» [Потебня 1941: 109].

Определенные выше особенности презенса СВ позволяют уйти от такого определения. Как кажется, эффект «ожидания продолжения» [Падучева 1996: 289], присущий временному плану НИ, и контраст видовых и временных значений, всегда возникающий при употреблении презенса СВ и, соответственно, выделяющий эту форму среди остальных, обуславливают регулярное использование презенса СВ при введении прямой речи. Понаблюдав за современным разговорным нарративом, мы легко заметим, что независимо от того, какая повествовательная форма является основной (НИ НСВ или прошедшее СВ), при введении прямой речи рассказчик с большей вероятностью воспользуется формой презенса как наиболее «изобразительной» формой из всех, которые в данном случае может предложить литературный язык, переключающей темп описываемых событий и последующего высказывания на движение текстового времени и привлекающей внимание слушателя (читателя). Например:

- *Одним словом, не хотел Петя врасплох попасть. Заскочил домой. Надел чистую рубаху. Шею бензином вытер. Ручки под*

краном сполоснул. Усики кверху растопырил. И покатился. Докторша говорит: «Вот это операционный стол. Вот это ланцет. Вот это ваша пшеничная болячка. Сейчас я вам все это сделаю. Снимите сапоги и ложитесь на этот операционный стол». Петюшка слегка даже растерялся (М. Зощенко, «Операция»).

▪ Тут произошла, конечно, форменная неразбериха. Управляющий бегает. Публика орет. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не взяли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший всегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором: «Я в темноте петь тенором отказываюсь» (М. Зощенко, «Монтер»).

«Привлечение грамматического настоящего времени при повествовании» в качестве характерной черты «бытового (повседневного) рассказа» называет Б. А. Успенский. «Ср. характерный оборот (в рассказе, где речь идет о прошлом и превалируют соответственно формы прошедшего времени): “а тут он мне и говорит...”». Очень часто настоящее время используется в рассказе в кульминационный момент (типа: “вошел я – и вижу...”). Этот прием явно имеет целью вовлечь слушателя внутрь самого действия рассказа, поставить его на то место, на котором находится герой рассказа» [Успенский 1970/2005: 97 – 98].

Как кажется, эту же функцию выполняет и презенс СВ, выделяя речевое действие на фоне других.

Еще одним частным случаем выражения предшествования А. В. Бондарко считает «глаголы видения по отношению к тому, что видно», выступающие аналогами глаголам речи, вводящим чужое высказывание, например: *Приэжжжяет к такому месту, стоит сад бошой, стоит дворець царьской. Поглядит, на боухоне середня сёстра ёго гуляэт; Приходит в дом, всё летают чорныи вороны. Зглянет, сидит сёстра ёго у окошка* [Бондарко 1958/2005: 461, 476].

В былинах нам встретилось 7 случаев употребления презенса СВ в плане НИ со значением зрительного восприятия: *взглянуть, поглядеть и увидеть.*

- *Как ото сну богатырь пробуждается,
На улицу он сам пометаётся,
Выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов
В тонких белых рубашки без пояса.
Смотрит тут Михайло на все стороны,
А некого он не нагядел тут был.
Как говорит коню таково слово:
– Да ай ты волчья сыть, травяной мешок!
А что же ржешь ты да копьем-то мнешь <...>?
Как взглянет на другую шатра еще другу сторону,
Ажно там-то ведь стоит красна девушка,
Как тут-то он Михайлушка подсказывал,
А хочет целовать миловать-то ю,
Как тут ёна ёму воспроговорит:
– Ай же ты удалой доброй молодец!
Не знаю я тебе да ни имени <...> (Онеж., с. 464);*
- *Наливает Добрынюшка Микитич чару зелена вина,
Подносит молодой Настасьи Викуличной:
- Выпьешь до дна, увидишь добра.
Выпивала ту чару зелена вина.
Как **поглядит** – в чаре золотой перстень,
Что ль которым перстнем обручаласи е с Добрынюшкой
Микитичем (Онеж., с. 301);*
- *А пошел же он туром да златорогим.
Увидае он тут стадо да гусиное
Той же он Авдотьи он Ивановны,
А желанной он своей да было тетушки,*

*Притоптал же всех гусей да до одинаго,
Не оставил он гусеныша на симена (Онеж., с. 126);*

- *А со другой горы да он Илья спускается,
А на третью высокоу поднимается,
А поглядел-то он во трубку во подзорную,
А на вси он на четыре да на стороны;
А в той ли стороны да подвосточныя
А увидает в поли там белой шатер (Онеж., с. 527).*

Однако, по-видимому, только первые два случая (*взглянет, поглядит*) могут считаться аналогом глаголов, вводящих прямую речь, как представляющие содержание не сказанного, но увиденного. При глаголе *увидает[m]* содержание увиденного в обоих контекстах представлено прямым дополнением, исключая параллель с прямой речью. В этой связи, говоря об условиях появления презенса СВ, выделять глаголы зрительного восприятия в отдельный подтип только на основании их лексического значения кажется необоснованным.

При ближайшем рассмотрении семантики всех трех глаголов оказывается, что значение ‘воспринимать зрительно’, предполагающее и результат этого восприятия, имеет только глагол *увидать*, в то время как глаголы *взглянуть* и *поглядеть* обозначают лишь ‘обратить взгляд’, имея валентность на объект, но совершенно не требуя наличия такого актанта, как ‘содержание’. При этом именно для последних характерна экспрессия, появляющаяся благодаря употреблению НИ – переносной формы глагола; именно в контекстах с этими глаголами имеет место противопоставление временных и/или видовых значений глаголов: *взглянет – лежит, взглянет – стоит*. Наконец, свою роль в «ускорении» повествования играет и эллипсис: *взглянет [и видит]*, нехарактерный для примеров с *увидает*. В литературном языке мы легко подберем контексты, которые будут характеризоваться совершенно аналогичными особенностями (за исключением собственно СВ), ср.: *прихожу [и вижу] – там пусто, обернулся [и вижу] – он догоняет,*

прислушался [и слышу] – шуришит и т. п. Это свидетельствует в пользу того, что живость изображения, быстрота смены ситуации является результатом использования НИ и контраста видовых и/или временных форм.

Ср., например, следующий контекст:

- *Ехал он на гору на высокую*

А на тое-то на шоломцѣ искатнеѣ.

Как смотрит тут Добрынюшка Микитинец,

Как ино тут стоит шатер белополотняной,

Как у шатра замок был булатнии <...>.

Как розгорелось ёго сердце богатырское,

Ударил он кулаком по замку-то он,

Отпал замок ведь тут на сыру землю,

Смотрит тут Добрынюшка Микитиниц,

А там в шатре столы были расставлены.

Там в шатре да ествы-ты розложены (Онеж., с. 437 – 438).

Отсутствие эллипсиса и видо-временная однородность уменьшают степень экспрессивности и динамичности повествования по сравнению с примерами, о которых мы говорили выше.

Таким образом, экспрессивный оттенок «оживления повествования», как и прежде, является результатом взаимодействия видо-временных форм и может усиливаться эллипсисом. «Зрительная» же семантика глаголов лишь располагает к появлению этого эффекта, именно этим, по-видимому, глаголы зрительного восприятия и сближаются с глаголами речевых действий. Заметим, что литературный язык, как и в случае с глаголами речи, также прибегает здесь к презенсу НСВ, например:

- *Раз какой-то охотник даже погнался за ним со всей свитой; **видит**, что уходит от него Чертопханов, и начал он ему кричать изо всей мочи, на всем скаку: «Эй, ты! Слушай! Бери что хочешь за свою лошадь! <...>» (И. С. Тургенев, «Конец Чертопханова»).*

▪ *Мрачный, он идёт по набережной Фонтанки. И видит <...>, парнишка тонет. Моряк, не раздумывая, бросается в ледяную пучину (С. Довлатов, «Заповедник»).*

Разница между глаголами речи и видения состоит в том, что экспрессивный эффект при употреблении последних достигается не только благодаря собственно глаголу СВ (хотя и это возможно), но и дополнительным эллипсисом и сменой видо-временных значений глаголов, тогда как в случаях с введением прямой речи второй глагол (который был бы противопоставлен первому) отсутствует.

Теперь мы можем обратиться к тем примерам, которые не подходят под выявленные А. А. Потебней и А. В. Бондарко условия появления презенса СВ и потому оказываются за пределами классификации в группе «других случаев». Сам А. В. Бондарко говорит, что такие контексты «встречаются в сказках чрезвычайно редко» и находит в текстах, записанных А. А. Шахматовым, всего четыре случая (обнаруженные им примеры были приведены выше) [Бондарко 1958/2005: 478]. Мы можем увеличить число таких примеров контекстами как из былин, так и из сказок. Приведем некоторые из них:

- *Спроговорит Василий да Буславьевич:
– Ай же ты девушка, ай же ты служаночка!
И сослужи-тко мне службу не великую <...>,
И повыпусти Василья на святую Русь.
Послушала его ведь девушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодья нонь
И повыпустит Василия на святую Русь.
И уж как наскори попала тут тележна осьь,
Взял он осью той да помахиватьь,
Взял он мужиков да поколачиватьь,*

- И уж мужиков да мало ставится (Онеж., с. 405);*
- *Уж как солнышко Владимир стольно-киевской
Что ль татарину да кланялся,
Звал он тут в великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было полаты белокаменны.
Тут же ездит Илья Муромец да у Царя-града,
Он невзгодушку про Киев да проведает.
Как приправит Илья Муромец да коня добраго,
От Царя-града приправит же до Киева,
Тут поехал Илья Муромец в чисто поле
А под тую было силу под татарскую (Онеж., с. 120);*
 - *Как тут-то с царём Костянтином распростилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал
Придет он на уловно это мистечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья-ты каличьи <...>,
Надевал на ся платьица цветныи <...> (Онеж., с. 435);*
 - *– А позвол-ко мне, Владимир стольне-киевской
Налить чару зелена вина.
Наливае было чару зелена вина
А опустит в чару свой злачен перстень
А подносит он Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки молодой:
– Ах ты молода Настасья дочь Никулична!
Уж ты хошь добра – так нуьчу пьешь до дна <...> (Онеж., с. 152);*
 - *Тогда она испугáтсЯ, бежит от гробу. Не стали к ему ходить уж:
он их всех перепугáл (СкАз, I, с. 352, Пермский край).*

Помимо лексической семантики глаголов (глаголы речи и зрительного восприятия), появление формы презенса СВ А. В. Бондарко связывает с синтаксическими условиями, а именно с конструкциями двух типов: «презенс СВ + союз *и* + презенс НСВ» и «презенс СВ + союз *и* + прошедшее СВ» [Бондарко 1958/2005: 478]. Таким образом, приведенные нами контексты не могут быть включены в предложенную ученым классификацию, поскольку имеют другую синтаксическую структуру.

Мы видим, что в каждом примере презенс СВ, включаясь в цепь других нарративных форм (чаще – прошедшего СВ), выделяет определенный ключевой, поворотный момент. Обозначенное презенсом СВ событие обращает на себя внимание читателя или слушателя, завершая собой эпизод и обязательно предполагая продолжение, развитие действия.

Такая «выделительная» функция презенса СВ, как кажется, напрямую вытекает из общей особенности, характерной для плана НИ и отличающей его, – это собственно создаваемый им эффект «ожидания продолжения» (подробнее об этом в разделе I. 1) [Падучева 1996: 289]. С учетом того, что Е. В. Падучева говорит о литературном языке и, соответственно, подразумевает презенс НСВ, применительно к СВ это определение несколько трансформируется. Поскольку глагол СВ по определению неспособен создавать «фон» для последующих событий, называемое им событие может считаться скорее отправной точкой, поворотным моментом в цепи событий, на который обращает внимание говорящий, отличающий его среди остальных – по-видимому, именно так в презенсе СВ совмещаются, с одной стороны, видовая семантика глагола, а с другой – экспрессивный эффект от употребления плана НИ.

Что же касается возникающего в ряде контекстов значения «подчеркнутого предшествования», то причину его появления, по-видимому, следует искать в категориальной семантике СВ. Поскольку план НИ подразумевает одновременное движение описываемых событий и точки отсчета (выступающей в качестве некоторого аналога моменту речи в

псевдокоммуникативной ситуации) [Падучева 1996], он замечательно сочетается с НСВ, демонстрирующим медиальную фазу процесса, но иначе соотносится с СВ, предполагающим «смену ситуаций» [Барентсен 1973; Шатуновский 2009].

Тот факт, что в коммуникативном фокусе в высказываниях с СВ оказывается именно завершающая фаза, итог или результат, как кажется, обуславливает своеобразный «перескок» точки отсчета и создает дополнительный экспрессивный эффект ускорения движения событий.

Нельзя не заметить, что в современном литературном языке презенс СВ относят к числу переносных форм, «называемых “экспрессивными формами прошедшего времени”, которые обозначают внезапное, неожиданное наступление действия» [Князев 2007: 437]. Сочетания типа *(вдруг) как прыгнет!* сближаются в этой функции с формами «“драматического” (“нарративного”) императива, обозначающими неожиданное действие, нарушающее ход событий» (*А он и закричи!*), и инфинитивом, «выражающим энергичный приступ к действию, “неожиданные для наблюдателя, а может быть и для агенса”» [Князев 2007: 437]. В. В. Виноградов рассматривает переносное употребление этих глагольных форм как «эмбрион особого, волюнтаристического наклонения», которое служит для передачи ряда модальных смыслов; формы эти имеют «яркую модальную окраску», называя «действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица» [Виноградов 1947: 488]. Представляется вполне закономерным развитие в литературном языке такого модального смысла у настоящего исторического СВ – повествовательной формы, сочетающей в себе динамичность СВ и экспрессивность, «наглядность» переносного значения настоящего времени.

Достаточно широкое употребление глаголов СВ в значении однократных завершённых событий в прошлом не является уникальной

особенностью русских фольклорных текстов и русских говоров вообще: по данным разных исследователей, аналогии обнаруживаются в целом ряде славянских языков и их диалектов. Так, А. В. Бондарко выделяет три базовых типа возможной видовой характеристики глаголов в НИ. Помимо полной видовой нейтрализации, характеризующей восточнославянские языки, а также польский и болгарский, возможно последовательное видовое противопоставление (в сербохорватском¹ и словенском языках) и промежуточный вариант – непоследовательное видовое противопоставление, частичная нейтрализация, как в чешском и словацком. Ср. приводимые А. В. Бондарко примеры употребления НИ в словенском языке:

Rekši izgine v temi. Ti pa ostanejo na mestu in zro v nočni dol (Тав., 41) – Сказав, он исчезает (букв. исчезнет) в темноте. Они же остаются (букв. останутся) на месте и смотрят в ночную долину.

...Kristo Koblentz leže nazaj v posteljo in opazuje s topim praznim pogledom možaka, ki brskata po sobi ter naposled sedeta za mizo in jameta bolščati v njegove papirje (Kalan, 365) – Кристо Кобленц ложится (букв. ляжет) опять в постель и наблюдает тупым, пустым взглядом за двумя мужчинами, которые обыскивают комнату и наконец садятся (букв. сядут) за стол и начинают (букв. начнут) тарашить глаза на его бумаги [Бондарко 1958/2005: 562].

Если в болгарском литературном языке видовая нейтрализация, по данным А. В. Бондарко, более последовательная, чем, к примеру, в русском, поскольку НИ там вообще не допускает СВ, в том числе и для выражения экспрессии или модальных оттенков, то в некоторых болгарских говорах наблюдается иное соотношение видов в этом временном плане [Бондарко 1958/2005: 571 – 572]. На это же указывает и Ю. С. Маслов, отмечая, что презенс СВ «в качестве нарративного настоящего при выражении

¹ Напомним, что исследование подготовлено в 1950-е гг., и не во всех случаях описанные явления характерны для этих языков до сих пор. Однако в данном случае это для нас не так существенно: принципиально, что описанные черты были свойственны языкам на каком-либо этапе их развития.

однократного, разового действия» встречается в болгарской художественной литературе «как прием речевой характеристики персонажей-носителей западных диалектов», приводя, в частности, следующий пример (речь крестьянской девушки) из текста Л. Стоянова: *Веднъж дядо Цено се връщал с чувал... слуша, нещо врещи. Оглежда се наоколо – няма нищо. **Тръгне** пак, **повърви** и току изведнъж – Вре-е-е! – врещи коза* ‘Однажды дедушка Цено возвращался с мешком... Слышит, что-то кричит. Оглядывается вокруг – нет ничего. Пошел дальше, прошел немного (в подлиннике оба глагола в наст. вр.), и только вдруг – Ме-е-е! – блеет коза’» [Маслов 1956: 232].

Для всех славянских языков А. В. Бондарко выделяет два типа употребления СВ в плане НИ. Первый тип – специализированное употребление форм презенса СВ, то есть «такое их употребление, при котором эти формы являются носителями особых значений (помимо видового) и выражение этих значений становится их специальной функцией» [Бондарко 1958/2005: 574]. К их числу А. В. Бондарко относит значение предшествования, значения некоторых способов действия (а именно мгновенный и начинательный), «экспрессивное значение, характеризующее интенсивность действия» (сюда он относит оборот типа (*вдруг*) *как прыгнет* и его аналоги в других языках) и модальные значения («невозможности совершения действия, полного отсутствия действия, нежелания произвести действие и некоторых других») [Бондарко 1958/2005: 574, 576]. Второй тип – неспециализированное употребление: глаголы СВ не несут никаких особых значений, кроме видового, и соотносительны с НСВ.

Таким образом, в языках с отсутствием видового противопоставления в НИ употребление СВ «по существу всегда является специализированным» и возможно только при условии выражения этого особого значения. «Следовательно, выражение таких значений является в этих языках и функцией, целью употребления рассматриваемых форм, и условием, определяющим возможность их употребления» [Бондарко 1958/2005: 576, 577]. При последовательной видовой дифференциации глаголы СВ

используются исключительно для выражения видового значения; какие-либо особые значения здесь также возможны, но никак не влияют на выбор говорящим видовой основы, поскольку такого выбора у него попросту нет. Наконец, в языках с частичной нейтрализацией презенс СВ в специализированной функции появляется на фоне употребления этих форм в чисто видовом значении и сама эта функция не является обязательным условием для его употребления [Бондарко 1958/2005: 576, 577].

Ситуация, представленная в былинах и рассмотренных сказках, по-видимому, наиболее близка к последнему типу употребления СВ: как говорилось выше, своей экспрессивностью глаголы СВ в форме презенса обязаны исключительно плану НИ (равно как и глаголы НСВ), видовое же значение основы остается тем же, что и, к примеру, в претерите, и, по-видимому, не осложняется дополнительными экспрессивными значениями.

1. 2. 2. 4. Поскольку НИ является переносной повествовательной формой, строгих условий, которые могли бы считаться необходимыми и достаточными для его появления в нарративе, не существует. Это утверждение вполне применимо и к НИ СВ. Употребление этой формы целиком подчинено воле говорящего и его намерению построить повествование так, а не иначе.

В этой связи мы можем лишь выделить условия, в которых НИ СВ более частотно, и на этом основании заключить, чем НИ СВ отличается от НИ НСВ и прошедшего обоих видов, а также в чем специфика былинного употребления этой формы по сравнению с литературным.

Как и НИ НСВ, презенс СВ используется для обозначения неповторяющегося действия, совершившегося в прошлом. Общая черта, характерная для глаголов в НИ вне зависимости от их видовой принадлежности, – это эффект «ожидания продолжения». Повторимся лишь, что событие, названное глаголом СВ, является не фоном, а отправной точкой

для последующих событий, поскольку представление ситуации как фона не соответствует категориальной семантике СВ.

Еще одно сходство, вытекающее из значения НИ как переносной временной формы, заключается в отсутствии дистанцирования между исполнителем/слушателем и описываемым событием.

Разница же в употреблении НСВ и СВ в плане НИ вполне ожидаемо должна лежать в плоскости видовой семантики. Если действие, выраженное НИ НСВ, мы обычно описываем как разворачивающееся на глазах слушающего/говорящего, то применительно к НИ СВ эта характеристика не очень корректна, поскольку действие, выраженное этой формой, не «разворачивается» – в силу своего видового значения глагол представляет действие с фокусом на результате, итоге, а не на процессе его протекания.

Смещение фокуса с медиальной, «неопределенной» фазы действия на максимально конкретную, завершающую дает в результате «ускоренное» развитие событий (особенно в том случае, если формы презенса СВ образуют цепочку из двух-трех форм) и более «выпуклое» их представление на фоне остальных, выраженных менее динамичными (как презенс или прошедшее НСВ) или менее «изобразительными», наглядными (как прошедшее СВ) формами.

Что касается сочетания «*как* + презенс СВ», то можно предварительно заключить, что севернорусские фольклорные тексты демонстрируют переходный этап на пути к литературному – «застывшему» – варианту употребления: презенс СВ функционирует еще относительно свободно от частицы *как* и может быть заменен другими глагольными формами, но тенденция к закреплению в таких сочетаниях именно презенса СВ уже явно просматривается.

1. 2. 3. Подводя итоги нашим наблюдениям за тем, как функционируют глаголы в НИ в текстах Онежских былин, мы можем сказать, что в основных закономерностях употребление этой повествовательной формы соответствует

литературной норме. В подавляющем большинстве случаев в плане НИ мы встречаем глаголы НСВ, которые употребляются либо в событийном, либо в процессном значении.

Глаголы СВ, пребывая в основном на периферии, демонстрируют, однако, более широкое по сравнению с литературной нормой употребление. Как и НИ НСВ, презенс СВ способен обозначать однократное завершившееся действие в прошлом и является еще одной экспрессивной повествовательной формой. О возможности частичного видового противопоставления в плане НИ в севернорусских былинах можно говорить с большой осторожностью, однако, как кажется, мы можем утверждать, что презенс СВ еще относительно свободно функционирует в условиях, открытых и для других повествовательных форм (хотя и демонстрирует тенденцию к закреплению за определенными типами контекстов и формированию устойчивых структур).

Сказки, записанные в разных регионах, и южнорусские былины содержат примеры аналогичного употребления презенса СВ. Хотя у нас недостаточно данных, чтобы говорить о каких-либо особенностях диалектного распределения, можно констатировать, что более широкое употребление презенса СВ, отличающее севернорусские говоры, характерно также для фольклорных текстов ряда других регионов.

По данным разных исследователей, аналогичное более широкое употребление глаголов СВ в НИ характерно для некоторых славянских языков (как древних, так и современных) и восточнославянских памятников XI – XVIII вв. [Бондарко 1958/2005: 459 – 567; Мишина (Горбунова) 1997 – 1998: 248 – 282]. В этой связи важно проанализировать былинное употребление *Praesens Historicum* в контексте общего исторического развития этой формы, с тем чтобы уточнить значение презенса СВ в интересующем нас употреблении на более широком материале и в целом проследить основные тенденции развития этого временного плана.

І. 3. Настоящее историческое в памятниках XII – XVII вв.

В настоящей главе отнесенность текста к гибриднему или стандартному регистру и степень книжности контекста не просто важны, но оказываются в числе ключевых параметров, от которых зависит характер употребления НИ, поэтому на них мы обращаем особое внимание.

І. 3. 1. Настоящее историческое в памятниках XII – XIII вв.

Употребление форм презенса в текстах раннего периода анализировала Е. А. Мишина (Горбунова), и, поскольку рассмотренные нами КЛ, ГВЛ и НПЛ вошли в число изученных ею памятников, обратимся вначале к результатам ее исследования, затем перейдем к другим летописным текстам и отдельно рассмотрим СПИ и ЖФП.

Проанализировав Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую I летописи, а также «Вопрошание Кириково» и «Хождение игумена Даниила»¹, Е. А. Мишина обнаружила всего 9 случаев употребления НИ НСВ, среди которых не оказалось ни одного чистого примера с событийным значением, за исключением отдельных контекстов, допускающих неоднозначное прочтение [Мишина (Горбунова) 1999: 151]. Основным значением презенса НСВ при обозначении событий в прошлом, согласно результатам исследования Е. А. Мишиной, является процессное значение, т. е. «они имеют либо актуально-длительное значение в плане прошлого, либо добавляется элемент кратности» [Мишина (Горбунова) 1999: 152]. Ср. подобранные исследователем последнего:

▪ *сего ради гнѣвъ простресе · сего ради земля мучена бѣ · ови ведуться полонени · друзии постѣкаѣми бываютъ горкую смѣть приемлюще · друзии трепечють зраще оубиваемы^х · друзии гладомъ*

¹ Заметим, что Е. А. Мишина рассматривает более широкий временной период, обращаясь и к более поздним текстам, вплоть до XV в., мы, однако, пока остановимся лишь на самых ранних из них.

оумараѣми и водною жажею (ПВЛ по Лавр. списку, л. 74-74 об., с. 223, 1093 г.);

▪ тогда бо не мало зло подъѣша безвиньнии хр^стъяни ѿлоучаеми · оѿць ѿ рожении своѣ^х братъ ѿ брата другъ ѿ друга своего · и жены ѿ подроужии своихъ и дщери ѿ мѣри своихъ · и подруга ѿ подругы своѣи и все сматено плѣномъ · и скорбью тогда бывшую · живши мр^твымъ завидать · а мр^тви радовахоуся · аки мученици стѣи · гнемъ жизни се искушение приемиши · старецъ порѣвахоуться · оуноты же · люты ѣ и немѣтвыѣ раны подъѣша · моужи же прѣсѣкаеми и расѣкаеми бываютъ · жены же ѿсквѣрѣаеми (Ипат., л. 224 об., ст. 643, 1185 г.) [Мишина (Горбунова) 1999: 151].

Добавим к примерам Е. А. Мишиной, контексты, в которых презенс НСВ не имеет дополнительного «элемента кратности»:

▪ И ѿпять на зимоу ходиша · Слговичи же на Половци · Игорь с братомъ со Всеволодомъ · а Стославъ поусти три сны · <...> а ѿ рославъ поусти свое^е · сна Ростислава · а Слгъ Стославичъ поусти сна Двда · и гъхаша до Слскола · Половцем же бы^е вгъсть на на · и поустиша вгъжа назадъ · а сами совокоупившеса ждоуть ихъ · Слговичи же не могоущи сѣ с ними бити · заложившеса ночью идоша прочь · Половци же ѿсвѣтившеса · и не оузргъша ихъ · и гонившеса по нихъ и не постигоша ихъ (КЛ, л. 233, 1191 г.).

При этом, в отличие от современного литературного языка, процессное НИ в древнерусских текстах противопоставлено не событийному НИ, а презенсу СВ, обозначающему «законченные последовательные действия» [Мишина (Горбунова) 1999: 159]. Ср. приведенные исследователем примеры употребления презенса СВ со значением «целостности и завершенности (комплексности)»:

▪ по тгъхъ же лгътгъхъ · движе рать · Андрѣи королевичъ · на Данила (...) Видгъвишоу же сѣ Данилоу · ѿ ргъкоу Велью · с королевичемъ · и нгъкое

слово похвално рекшоу · его же Бѣ нк любить · || на оутрѣга же переидеть
рѣкоу Велью · на Шоумьскѣ и поклонивсѣ Боу · и стѣмоу Семесноу ·
исполчивъ полкы свое · поиде ко Торчеву (Ипат., л. 259 об. – 260, с. 767,
1232 г.);

▪ и тогда оубиша · половецького князѣ · Козла Сотановича · и
Елтоута · Кончакова брата · и · в̄ · Кончаковича гаша и Тотоура · и Бакобоу ·
и Кондчюка батого · и Чюгата · и своѣ полониша · поганьѣ · и
такo поможеть Бѣ Роуси · и возвратишасѣ во своѣси (Ипат., л. 219, с. 623,
1181 г.) [Мишина 1999: 160].

Аналогичное употребление Е. А. Мишина находит в более поздних восточнославянских памятниках, современных русских говорах и других славянских языках и предполагает, что видовое распределение в НИ в исследованных ей ранних восточнославянских текстах «скорее напоминает ситуацию последовательного видового противопоставления в настоящем историческом», оговариваясь, что такой вывод гипотетичен в связи с ограниченностью материала [Мишина (Горбунова) 1999: 160, 183].

Значение предшествования, выделяемое у презенса СВ А. В. Бондарко, Е. А. Мишина считает не основным значением НИ в данный период, а «частным случаем подчеркнутого выделения одного действия на общем фоне повествования» [Мишина (Горбунова) 1999: 184]. По мнению исследователя, одиночная форма НИ в ряду форм прошедшего времени «почти всегда выполняет выделительную функцию: акцентирует внимание на обозначенном ею действии, представляя его совершение живо и наглядно, что вносит экспрессию и динамичность в повествование» [Мишина 1999: 183].

Исследованный нами материал гибридных памятников раннего периода не противоречит выводам, сделанным Е. А. Мишиной. Единичные

примеры употребления НИ дают ранние записи МЛС и ХЛ¹. В частности, в МЛС представлена одна форма презенса СВ, обозначающая завершённое однократное событие в прошлом:

▪ *Онъ же встѣд на конь с дружиною своею нача будити Угры, Угри же лежахуть пьяни, яко мертви. И бысть противу свѣту, удари на них Володимирко, и мало ихъ изнимаша, а встѣхъ избиша; а Мъстиславъ же утече в Луческъ с дружиною своею. Изяславу же **приидеть** вѣсть къ Киеву, яко побѣженъ сынъ его, и поимъ Берендичи и Изяслава Давыдовича и Всеволодича и помочь Святославу Олговича и прииде на Юрья къ Городку (МЛС, л. 65, 1151 г.).*

В КЛ, имеющей сходный контекст, презенсу СВ соответствует аорист *прииде*; эта же форма читается в Воскресенской летописи, восходящей к Московскому своду 1479 г.

Единственный пример употребления презенса НСВ, содержащийся в Холмогорской летописи, ненадежен:

▪ *В то же время запретил бе игумен Поликарп Печерский про господьские праздники, не велящу ему ясти мяс в среду и в пяток, **помогает** же ему черниговской епископ Антонию, князю черниговскому много бранящу (ХЛ, л. 157, 1166 г.).*

Судя по всему, перед нами сильно сокращённый контекст, полный же вариант содержит, например, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку:

▪ *<...> и весь Кыѣвъ пограбиша . и церкви . и манастирьгъ . за . г̃ . дни . и иконы поимаша . и книги . и ризы . се же здѣгасѣ за грѣхы ихъ . паче же за митрополичю неправду . в то бо время запрѣтилъ бѣ Поликарпа игумена Печерского . про Г̃дѣьскыѣ праздники . не велѣ юму гѣсти масла ни молока .*

¹ Вставные фрагменты, позднее включённые в состав ранних записей, не учитываются. Записи раннего периода в Устюжской летописи и Мазуринском летописце демонстрируют явные следы позднейшей переработки и здесь не рассматриваются.

въ среды . и в пѣткы . въ Гдѣьскыѣ празьдники . помагашеть же гьму и Черниговьскыи епѣпѣ . Антонию . и князю Черниговьскому . многожды бранѣ шеть гьсти маьсь . въ Гдѣьскыѣ празьдники . князю же Стославу и не хотѣ щю юму изверже и изъ епѣпѣи (Лавр. лет., 1168 г., л. 118 об. – 119).

Не исключено, что презенс появился на месте первоначальной формы имперфекта уже при редактировании этого контекста и относится к более позднему времени, чем сама запись. Обе формы – и презенс, и имперфект – имеют здесь процессное значение. В КЛ и НПЛ этот эпизод не представлен.

Еще три формы презенса, обнаруженные в ранних записях, образованы от неохарактеризованных по виду основ, способных в зависимости от контекста употребляться в значении СВ или НСВ. В МЛС содержится один из них:

▪ *В лѣто 6648. Новгородци выгнаша Святослава, а къ Всеволоду послаша епископа с мужи своими, ркуще: «даи нам сынъ свои, а сего не хотимъ». И посла к ним сынъ свои. И бывшу ему в Черниговѣ, Новгородци же сдумавше рѣша: «не хотим сего». <...> Новгородци же сдумавше рѣша: «даи намъ шурина своего Святополка Мъстиславича». Всеволод же не хотяше Новагорода препустити Володимеричем, а его племени не хотят, и умысли сице, и посла по шурина своего Святополка Мъстиславича, по внука Володимира Манамаша, и да ему Берестии, рекъ ему: «се держи, а Новагорода берези, да поживуть о собѣ, а князя собѣ гдѣ ни возмутъ» (МЛС, л. 40 об., 1140 г.) – мы видим в данном случае переключение пишущего с одного временного плана на другой и обратно, хорошо известное в летописном нарративе.*

В КЛ в соответствующем фрагменте читается глагол 1-го лица:

▪ *и прислаша Новгородци епѣпа съ моужи своими къ Всеволодоу . рекоуче даи намъ снѣ твои . а Стослава брата твоего не хотимъ . и посла къ нимъ снѣ свои* (КЛ, л. 114, 1140 г.).

Анализ примеров, представленных в МЛС и ХЛ, показывает, что мы не можем с уверенностью опираться на данные ранних записей этих сводов в вопросе, касающемся функционирования НИ в древнерусском языке. Однако эти данные не противоречат выводам Е. А. Мишиной.

Если говорить о памятниках не летописного характера, то единственный случай употребления НИ мы обнаруживаем в ЖАС первой половины XIII в.:

▪ *Събраша же ся вси отъ мала и до велика весь градъ на нь: иниі глаголють заточити, а иниі къ стгънъ тоу пригвоздити и зажещи, а друзиі потопиті и, проведше въсквозъ градъ. Встъм же собравшимся на дворъ владычень, игоуменомъ же и попомъ, и черньцемъ, княземъ и боляромъ, діакони и всі церьковници, внегода послаша по блаженаго, оуже встъмъ собравшимся, посланья же слоугы, емше, яко злодѣя влачяхоу, овиі роугахоуся емоу, иниі же насмихаахоуся емоу и бесчинная словеса кыдающе* (ЖАС, с. 10, 330б – 330в) – контекст однозначно предполагает прочтение глагола в процессном значении, совершенно нормальном для неохарактеризованной по виду основы.

В других рассмотренных агиографических памятниках – СкБГ, ЖАЧБ, ЖАЮ – не встретилось ни одного случая употребления форм презенса в плане прошедшего.

Таким образом, формы НИ в рассмотренных нами текстах раннего периода и ранних записях летописей XVI в. крайне немногочисленны: помимо случаев, отмеченных Е. А. Мишиной, во всем корпусе встретилось лишь 6 форм презенса, называющих события в плане прошлого.

В СПИ презенс, напротив, является одной из основных повествовательных форм. В тексте не представлено ни одной основы СВ, основную массу примеров НИ составляют глаголы, неохарактеризованные по виду: *звонить, трубятъ, молвить, кличетъ, велить, править, идуть,*

кажетъ и др. Глаголы с основой НСВ единичны: *повѣдаютъ* (2), *прикрывають, ступаетъ, заворочаетъ*.

В отличие от других повествовательных текстов раннего периода, содержащих, как заметила Е. А. Мишина, в основном одиночные формы НИ в ряду форм прошедшего времени, в СПИ они образуют целые цепочки. Например:

▪ *А Половци неготовамаи дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крячатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени: Игорьъ къ Дону вои ведетъ! Уже бо бѣды его пасетъ птиць подобию¹; вльци грозу въсрожатъ² по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленья щиты (СПИ, 30-31);*

▪ *Дремлетъ въ полѣ Ольгово гнѣздо; далече залетѣло. <...> Гзакъ бѣжитъ стѣрымъ влькомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому (СПИ, 40-42);*

▪ *Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорьъ спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ мыслию поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца (СПИ, 184-185);*

▪ *Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зорями? Игорьъ плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода (СПИ, 68-69).*

При этом в 67 примерах из 68 глаголы имеют процессное значение, называя действие, разворачивающееся как бы на глазах говорящего/слушающего. Особенно интересен здесь последний пример: риторический вопрос буквально переносит автора на место действия, и попытка князя Игоря вернуть отступившие войска, происходящая как будто в текущий момент времени, становится непосредственно видна (или точнее

¹ Другие версии: *по д<у>бию, подоб(олоч)ю* [Зализняк 2007: 397].

² Другие версии: *въсро<ш>ать* ('ерошат, разозляют'); *в<о>рожатъ* [Зализняк 2007: 397].

слышна) наблюдателю. Таким образом, перед нами фактически актуальное настоящее, транспонированное в план прошедшего.

Единственный случай, когда НИ называет одно из последовательных действий, – это глагол *мльвить*, вводящий прямую речь:

▪ *А не сорокы в(с)троскоташа: на слъду Игоревъ гъдитъ Гзакъ съ Кончакомъ. <...> **Мльвить** Гза къ Кончакови: «Аже соколъ къ гнъзду летитъ, соколича рострѣляевъ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзъ: «Аже соколъ къ гнъзду летитъ, а въ соколца опутаевъ красною дъвицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевъ красною дъвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дъвице, то почнутъ наю птици бити въ полъ Половецкомъ» (СПИ, 200-208).*

Поскольку этот глагол является неохарактеризованным по виду, общей картины он не меняет, и мы можем заключить следующее: при общем достаточно активном обращении автора к НИ, в тексте нет форм презенса, образованных от основ СВ, равно как нет и ни одного однозначного контекста, в котором презенс НСВ был бы употреблен в событийном значении.

При этом изобразительная функция формы презенса во всех без исключения случаях очевидна – фактически перед нами единственный текст раннего периода, в котором форма НИ активно используется автором как художественно-изобразительное средство, в полной мере создавая эффект «ментальной синхронизации действия и наблюдения» [Гловинская 1996: 451].

Совершенно иную картину, отличную от всех обсуждавшихся выше текстов, дает ЖФП. В нем встретилось 3 формы НИ. Одна из них образована от неохарактеризованной по виду основы (*глаголати*), подробно останавливаться на ней мы не будем. Однако в двух других случаях представлены глаголы НСВ, имеющие событийное значение. Приведем эти контексты:

▪ *родиста же блжсенаго дѣтища сего таче въ осмый днь принесоста и къ стлю бжсию · тако же обычаи юсть крстианомъ да имѧ дѣтищю нарекоуть · прозвутерь же видѣвъ дѣща и срѣчьныма очима прозѣрѧ юже о немь · тако хощеть из млада богоу дати ѱедосиѣмь того **нарицають** (ЖФП, 27а-27б);*

▪ *не по мнозѣхъ же днѣхъ · разоумѣвъ блгыи князь ть · прѣложениѣ блаженааго ѱеодосиѧ · ѱт гнѣва · и оутѣшениѣ же ѱт обличениѧ того · въздрадова сѧ зѣло · издавѣна бо жадааше бесѣдовати съ нимь и дѣховныхъ словесъ его насытити сѧ · таче **посылаѣтъ** къ блаженому · аще повелитъ томоу прити въ монастырь свои · или ни · ѱномоу же повелѣвшѣ томоу приити (ЖФП, 59б).*

Употребление НИ в ЖФП принципиально отличается от всех рассмотренных выше текстов: здесь нет ни одного примера презенса СВ в значении единичного действия в прошлом, зато в этом значении употребляется презенс НСВ, тогда как в процессном значении он, напротив, не представлен.

Однако если в гибридных текстах раннего периода событийный презенс не встречается, то церковнославянской традиции он все же известен. В частности, примеры его употребления А. В. Бондарко обнаруживает в старославянских текстах – Супрасльском сборнике, Мариинском, Ассеманиевом, Зографском, в то время как презенс СВ там не встречается. Ср. один из примеров: *Тѣгда шедѣше фарисѣи: Совѣтъ сътворишѧ на нѣ да обльстѧтъ ꙗ словоь. ꙗ **посылаѣтъ** къ нему оученикы своѧ* (Мар. ев., Мт. 22. 16). Та же форма читается Остромировом евангелии, однако в Саввиной книге и Архангельском евангелии ей соответствует аорист *посылашѧ* [Бондарко 1958/2005: 569].

Употребление в старославянских памятниках презенса НСВ при отсутствии СВ А. В. Бондарко связывает с возможным влиянием греческого

оригинала, поскольку греческое НИ, «как и всякий презенс в этом языке, выражает действие длительное, развивающееся», однако не исключает и «принципиальной возможности влияния живого разговорного употребления настоящего исторического, которое могло быть по преимуществу имперфективным» [Бондарко 1958/2005: 570].

Таким образом, тексты XII – XIII вв. позволяют говорить о двух типах употребления формы презенса при обозначении событий прошлого. Один из них мы находим в церковнославянском ЖФП: презенс от глагола НСВ обозначает однократное завершённое событие в прошлом, то есть выступает в событийном значении, и используется, по-видимому, как исключительно «техническое средство», лишённое какой-либо доли экспрессии. На материале одного текста судить о частотности такого типа НИ, безусловно, некорректно, но три случая при относительно небольшом объёме жития оказываются достаточно заметны. Кроме того, очевидно, что такое употребление НИ опирается на прецеденты, имеющиеся в книжной традиции, но пока не распространившиеся на гибридные памятники.

Второй вариант употребления НИ дают летописи, а также некоторые жития и повести. НИ в этих текстах образуется от глаголов обоих видов, при этом презенс НСВ употребляются в процессном значении, СВ – в событийном, а для глаголов, неохарактеризованных по виду, доступны оба значения. Поскольку примеры соответствующего употребления в летописях единичны, вопрос о том, можно ли говорить о последовательном видовом противопоставлении в плане НИ, как кажется, остаётся открытым. По-видимому, с определенностью мы можем утверждать только, что употребление СВ в плане НИ в ранний период было шире, чем в современном русском языке.

В отличие от НИ первого типа, второй тип, по-видимому, не утрачивает своей экспрессивной функции, выделяя выраженное им действие в общей цепочке претеритов. Косвенно подтверждает этот вывод СПИ.

Экспрессивная функция презенса, как кажется, выходит здесь на первый план, а сама форма НИ, судя по всему, сознательно используется как художественно-изобразительное средство, фактически разворачивающее описываемые события перед глазами говорящего и слушающего. Отсутствие же в тексте НИ СВ (при том что есть условия для его употребления) может свидетельствовать в пользу того, что эта форма все же была факультативной и полного видового противопоставления в плане настоящего в тот период не существовало.

I. 3. 2. Настоящее историческое в памятниках последней трети XIV – XVI вв.

Известно, что в период второго южнославянского влияния в восточнославянских текстах начинает широко распространяться НИ НСВ в событийном значении, причем употребление этих форм отличает в первую очередь книжные, церковнославянские тексты. И если в Чудовской редакции Нового Завета – одном из первых памятников, содержащих значительное число форм НИ, – использование таких форм является «одним из проявлений буквализма» в переводе с греческого оригинала [Колесов 1976: 78; об этом, также Пентковская 2008: 9; Духанина 2008: 205 – 206], то позднее событийное НИ становится обязательным признаком стиля «плетение словес», являясь «функциональным эквивалентом» аористу (не будучи, однако, тождественным ему) и не неся в себе какой-либо живой образности, за исключением «неизбежной при транспозиции образности грамматической» [Шевелева 1986: 85 – 88].

В то же время в гибридных текстах НИ НСВ, как и в ранний период, представлено лишь единичными примерами и только в процессном значении. Широкое употребление процессного НИ НСВ, а также наличие форм презенса СВ характерно лишь для отдельных памятников этого периода, и в первую очередь для «Задонщины», в которой (как и в СПИ, послужившей

для нее образцом) эти формы используются как стилистический прием, создающий «иллюзию настоящего актуального» [Шевелева 1986: 91].

В этой связи интересно обратиться к материалу летописей XV – XVI вв., которые позволят нам проанализировать употребление НИ в одном и том же тексте, сопоставив фрагменты различной степени книжности.

Рассмотрим вначале московские памятники, а затем севернорусские.

I. 4. 1. Московский летописный свод конца XV века

Записи МЛС последней трети XIV – XVI вв. содержат 112 форм НИ от основ НСВ или неохарактеризованных по виду¹. При этом употребляются эти формы крайне неравномерно: подавляющее большинство из них – 108 случаев – содержится во вставных текстах, отличающихся от «обычных» погодных записей стилистически – высокой степенью книжности, нехарактерной для основного текста летописи.

Прежде всего на общем фоне выделяются летописные повести, сказания, жития, включенные в состав свода. Эти тексты, составленные в конце XIV – XV вв., содержат 61 форму НИ. Назовем их:

- Повесть об убиении Батыея (4 формы НИ), созданная в XV в. и помещенная в летописи под 1247 г. [Дробленкова 2003: 542 – 543];
- Краткая (Первоначальная) редакция Жития митрополита Алексея (18 форм НИ), написанная между 1379 и 1382 гг. [Клосс 1998: 49] и данная без подзаголовка под 1377 г. вслед за сообщением о смерти митрополита;
- Повесть о Митяе (2 формы) – вторая редакция, составленная в XV в. и представляющая собой стилистически упрощенный (по сравнению с

¹ Глаголы СВ во всех трех летописях могут употребляться в значении повторяющегося действия, например: *Аще кто **найдетъ** конь, или аргамак, или платно, или что которое ни есть, и они несутъ и введутъ къ болшему пашь къ шатру; у кого что пропало, и онъ **найдетъ** у шатра у болиого пашии, а переемъ заплатити по цареву указу Магметеву, что за что довелоя* (НЛ, т. 12, с. 107, 1453 г.). Но нас интересует только употребление этой формы для обозначения неповторяющихся действий.

первоначальной) вариант, дополненный летописными погодными статьями на ту же тему [Прохоров 1976: 242-245];

- Летописная повесть о Куликовской битве (2 формы), создание которой относят к концу XIV в. [СКК 1989: 244];

- Повесть о нашествии Тохтамышша (пространная) (1 форма), как и предыдущий текст, дошедшая в составе летописных сводов [Салмина 1979: 135];

- Фрагмент одной из сокращенных редакций Жития Стефана Пермского (2 формы);

- «Слово о чудеси пресвятыа богородицы, егда принесена бысть икона честнаго образа ея, юже написа Лука евангелист, от града Володимера въ славныи сеи град Москву» (5 форм) – сокращенная редакция Повести о Темир-Аксаке, возможно, составленная Пахомием Логофетом для Московского свода 1477 г. [Клосс 1998: 91 – 92];

- Повесть о нашествии Едигея (2 формы);

- Повесть о Луке Колочском (1 форма) – оригинальный памятник XV – XVI в., происходящий, по-видимому, с Северо-Востока Руси [Журова 2006: 507];

- Летописная повесть о Флорентийском соборе (5 форм), дающая официальную версию изложения событий, которая легла в основу соответствующей записи Свода 1479 г. и последующих памятников официального летописания [СКК 1989: 334 – 335];

- Летописная повесть об ослеплении Василия II (2 формы), появившаяся в летописании не ранее 50-х гг. XV в. – после окончательной победы Василия II [Лурье 2005: 577 (Я. С. Лурье)];

- Московская повесть о походе Ивана III на Новгород (17 форм).

Приведем некоторые примеры:

- *По том же паки пресвященнии митрополит Феогност и епископом поставляет его своима руками граду Владимерю декабря 6.*

И посылают о нем князь велики Семень и и митрополитъ Феогностъ послы своя в Царьгород къ царю и патриарху, просяще того Алексъя по Феогностовъ животъ митрополитомъ на Русскую землю, и абие царь и патриархъ сотворяютъ волю их. Пребывшу же Алексию въ епископыи толко три мѣсяци или мало болѣ и абие пресвященныи митрополитъ Феогностъ отходитъ житья сего мѣсяца марта въ 11 – Житие митрополита Алексея (МЛС, л. 265 – 265 об.);

▪ *По семь же бысть вѣсть от Орды мѣсяца августа къ христоролюбивому и великому князю Дмитрею Ивановичю, яко въздвижется на християны Измаилтъскыи род. Олегъ же, иже прежде сотворивыи злыи совѣтъ с погаными на християны, та же акы и Июда лобзание Христу предлагаетъ, посылаетъ бо к великому князю Дмитрею Ивановичю вѣсть лестную, глаголя сице: «идеть Мамаи со вѣстмъ своимъ царством в землю мою Рязаньскую на мене и на тебе <...>». Слышавъ же великыи князь Дмитриеи невеселую сию годину, что идутъ на него вся царства творящая беззакония, и идет е соборнѣи церкви къ пречистѣи матери божиеи богородици и проливаи слезы рече: «господи <...>, помилуй нас пречистыя ти ради матери молитвѣ <...>» – Повесть о Куликовской битве (МЛС, л. 277 – 277 об.);*

▪ *Князь же великы слышав сие скорбен бысть и потужси си о них немало: «яко и не въ православии еще быша от Рюрика и до великого князя Владимира не отступали за иногo государя <...>». И много мысливъ о сем и тако възвещает о семъ отцю своему митрополиту Филиппу <...> и сущим у него бояром его, что поити на Новгород ратью. Они же слышавшее сие совѣтуютъ ему упование положив на бозѣ исполнити мысль свою над Новгородци за их неисправление и отступленье. И в той час князь велики розосла по братию свою и по вѣстъ епископы земли своея и по князи и по боаря свои, и по воеводы, и по вся воа своа. И яко же вси снисдошася к нему, тогда вѣстм възвещает мысль свою, что ити на Новѣгород ратью <...> – Московская повесть о походе Ивана III на Новгород (МЛС, л. 399 об. – 400).*

Еще 47 форм обнаруживаются в записях и вставных рассказах XV в., в основном – во второй его половине (к концу XIV – первой половине XV вв. относятся только 5 примеров). Не составляя отдельных самостоятельных произведений, фрагменты, содержащие НИ, тем не менее представляют собой значительные по объему сюжетные повествования, достаточно строго выдерживающие книжную норму. Перечислим их:

- сообщение о поездке князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана в Смоленск, 1396 г. (1 форма НИ);
- пространный текст, выражающий негодование митрополита Фотия по поводу поставления митрополитом Григория Цамблака, поданный как цитата, 1417 г. (2 формы);
- краткий рассказ о пленении Василия II в Курмыше и его освобождении, 1446 г. (1 форма);
- рассказ о татарском набеге на Москву, 1451 г. (1 форма);
- рассказ о возвращении Смоленской иконы Божией Матери из Москвы в Смоленск, 1456 г. (9 форм);
- повествование о строительстве Успенского собора, начатое в 1472 г., продолженное в 1474 г. и оконченное в 1479 г. (в общей сложности 5 форм);
- сообщение о поставлении митрополитом Московским епископа Коломенского Геронтия, 1473 г. (1 форма);
- рассказы о перенесении мощей митрополитов Петра, Фотия, князя Юрия Даниловича по окончании строительства Успенского собора, 1472 и 1479 гг. (18 форм);
- описание событий, связанных с окончательным подчинением Новгорода Москве, 1476, 1477 и 1477 гг. (9 форм).

Все перечисленные записи посвящены знаковым событиям истории Московского княжества и его постепенного возвышения, в них отчетливо проявляется общая промосковская позиция свода и внимание составителя к теме централизации власти. Показательными в этой связи оказываются, в

частности, сюжеты о строительстве Успенского собора и перенесении мощей, а также история развития отношений Москвы и Новгорода 1470-х гг.: «растягиваясь» на несколько лет, эти сюжеты распределяются, соответственно, по разным погодным записям. Интересно сравнить их с изложением других событий, происходивших в то же время.

Книжный фрагмент рассказа о перенесении мощей митрополита Петра:

▪ *<...> много же моление съ слезами створи [митрополит], съ страхомъ же многим и радостию взят мощи его от тоа раки и в нову камену вложь и близ того же в ноци мѣста постави. И егда приспѣ и тои киотъ заздати, в нем же был гробъ его, и тако же в ноци пришед митрополит съ уготованными на то с ним и **относят** гробъ с мощьми святаго в киот, иже в новой церкви създан на лѣвую страну, идѣ же Ионы митрополита гробъ бѣше близ стѣверных врат церковных <...>. Епископом же шедшимся, и того же мѣсяца въ 30 день **възвещаетъ** митрополит великому князю, яко приспѣ уже время принести мощи святаго въ утрении день июля 1 (МЛС, л. 413 об. – 414).*

Ср. с другими фрагментами из записей 1472 – 1474 гг. – менее книжными и, соответственно, не содержащими форм НИ:

▪ *Того же лѣта июля 26 прииде вѣсть великому князю им Перми, что воевода его князь Федоръ Пестрои землю Пермскую взялъ, а пришел в землю ту на усть Черные реки на фоминои недѣле в четверток и оттуду поиде на плотѣх и с коньми и, приплывъ под город Акфаловской, съиде с плотов и поиде оттуду на конех на верхнюю землю к городку Искору, а Гаприла Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердынню, да на Почку, на князя на Михаила (МЛС, л. 415 об., 1472 г.).*

▪ *Того же мѣсяца въ 21 пришли царевна кораблем в Колыванъ, а носило их море 11 день, ис Колываня пошли октября 1, а въ Юрьевъ пришли того же мѣсяца 6, а во Псковъ пришли октября 11. Псковичи же въздали честь велику царевнѣ и вѣсьм иже с нею, и дары царевнѣ, а были ту 7 днеи (МЛС, л. 418 об., 1473 г.).*

▪ *Тое же весны априля мѣсяца 25 пришесть из Венеции к великому князю от дюкы Николы Трога Антон Фрязин бити челом великому князю от того дюкы, что бы князь великы пожаловал, посла его Ивана Тривизана из нятья выпустил ли пожаловал бы по первому их челобитью, подмогъ его вѣсм и отпустил ко царю Болиша Орды Ахмату. И князь великы от того дне выпустилъ из желѣзь того Тривизана, и на очи свои велѣлъ прити ему (МЛС, л. 423, 1474 г.).*

Мы видим, что это контексты гораздо менее книжные: ср. характерные для не книжного нарратива конструкции с присоединительным союзом *а*, употребление л-форм прошедшего времени, повтор предлогов (*на князя на Михаила*) и др.

Последний из представленных фрагментов непосредственно предшествует рассказу о строительстве собора, в котором повествование снова становится книжным:

▪ *А единому отроку княже Федорову сыну Пестрого еще ходящу по сводом тѣмъ, и яко услыша трещание и падение камене, устравився беже на стѣну южную въ торопъ и после падения того сниде съ церкви тоя ничимъ же врежень. По семъ же князь великы оставише своды и столы от южныа страны и стѣну преднюю и оставшеи полатеи и южную стѣну повелъ разбирати, поне же страшно бѣ воити поклонитися образу пречистыа и гробу чудотворца Петра и прочих святитель, и посылаеть в Римскую землю мастеров дѣля каменосъчець, а иных повелъ привести к себѣ из своя отчины из Пскова, поне же бо и ти от Нѣмецъ пришли, навькиши тамо тому дѣлу каменосъчнои хитрости (МЛС, л. 424, 1474 г.).*

Из 106 форм, содержащихся в книжных контекстах, процессное значение имеют только 4. Одна из них имеет неохарактеризованную по виду основу, она содержится в Повести о нашествии Тохтамыша:

▪ *А инии от них [Татар] створившее лѣствици и присланяху ко граду и лазяхуть на стѣны. Гражане же воду в котлѣхъ варящу и кипятнею*

ляхуть их, ти тако възбраняхуть имъ, отшедшимъ же имъ и пакы приступльшимъ и тако по три дни бьются межи себе, пренемогающе. Егда бо Татарове приступаху близ стѣнь градъскихъ, тогда же гражане стрегуще град и супротивящися имъ възбраняхуть им, овии стрѣлами стрѣляхуть со забороль, инии же камениемъ шибяху на ня, друзии же тюфякы пущаху на ня, а инии имъ самострѣль стрѣляху, инии же пушкы великы пущаху (МЛС, л. 288 об., 1382 г.).

Других примеров НИ в повести нет, в старших списках (в составе Софийской I, Новгородской IV, Новгородской Карамзинской летописей) здесь читается имперфект – бьяхуся.

Оставшиеся же 3 формы образованы от основ НСВ (в Повести о Темир-Аксаке) и образуют цепочку одновременных длительных действий, которые являются фоновыми для событий, названных в предшествующей части предложения:

▪ *И на мнозѣ молившеся съ слезами по сем приступльше священници и взяша им киота пречюдную и чюдотворную икону пресвятая богородица и понесоша ю от града Володимеря къ предиреченному и славному граду Москвѣ, страха ради оканных Агарянь и нахожениа ради безбожного Темиръ Аксака, его же иногдѣ под востоком солнечным слышахом далече суца, нынѣ же близ при дверех приготовилъ есть и готовится и поощряется и въоружается на ны зѣло. Проводиша же пречистая икону из града Володимеря <...>. И тако многы слезы излиавше и велико рыдание створше <...> образ пречистая богородица възвратишася въ градъ свои Володимерь (МЛС, л. 311 об. – 312, 1395 г.)* – наречие *нынѣ* в сочетании с формой презенса создает «как бы каноническую ситуацию общения, т. е. говорящего и синхронного адресата» [Падучева 1996: 289] – иллюзию совпадения текущего момента текстового времени с моментом речи.

Что же касается четырех не книжных контекстов, то здесь событийное значение имеет только 1 форма НИ из описания процесса переговоров между

московским князем и новгородцами. Она образована от глагола речи, неохарактеризованного по виду, и находится в составе не книжной конструкции с союзом *а*:

▪ *И боаря шед князю великому тѣ рѣчи сказали, и князь велики выслал к ним тѣх же своих боарѣ съ отвѣтомъ, а велѣлъ имъ сице отвѣчивати: «били челом мнѣ великому князю, <...> и вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое». И владыка и посадники и житии били челом, а **молвят** боаря такъ: «мы своимъ государемъ великим княземъ урока не чиним их государству, но пожаловали бы наши государи свою отчину, великие князи, явили то своеи отчинѣ Великому Новгороду, как их государству бытии въ их отчинѣ, зане же, господине, отчина их Велики Новгород Низовские пошлины не знаютъ, как государи наши великие князи государство свое дрѣжатъ в Низовскои землѣ» (МЛС, л. 446 об., 1478 г.).*

В оставшихся трех случаях НИ имеет процессное значение и также представлено глаголами, немаркированными в видовом отношении:

▪ *А тѣ сторожи сказаши князю Ивану, что есть сторожа за Радонежем на горѣ, он же повелѣ сани многи изрядити, как возы с рогозинами, а иные с полстми, а в них по два человекъ в доспѣсе, а третей после **идет**, как за возом. Как предней уже их минуша, и так выскакаша въ ис саней и изнимаша их, а убежати имъ нѣкакъ бѣше, поне же бо тогда снѣгъ был 9 пядей (МЛС, л. 369 об., 1446 г.).*

▪ *Андрѣю же пришедшу противу Иванова села Киселева меж Новагорода и Муромы и срѣтъ ту Плищку Образцова с конми з Бигичевыми и съ Федоровыми, и сказалъ им Андрѣи, что князь велики отпущен на свое великое княженъе. Они же вернувишееся оттоля переняша Федора под Дудиным монастырем, а онъ **пловет** з Бигичем рекою Окою. Федоръ же слышавъ то воротися назад к Мурому и з Бигичем (МЛС, л. 368, 1446 г.).*

▪ *А что послал князь велики Савастяна Кушелева противу Пскович, и тот срѣтил их за Порховымъ, а они **идут** от своего городка от Дупкова,*

взявъ из него б пушекъ, к Порхову. Савастіан же сказал имъ великого князя здравіе да и побѣду на Новгородци, а им велѣлъ князь велики борзѣе поити к Новугороду (МЛС, л. 407, 1469 г.).

В первом случае форма презенса, по-видимому, призвана дать более наглядное описание, это подтверждает нулевая связка, переводящая повествование в план настоящего еще до использования собственно презенса и представляющая ситуацию в виде статичной картины: *а иные с полстми, а в них по два человекъ в достѣсе, а третей после идет, как за возом.*

В других двух примерах контексты *а онъ плочет з Бигичем рекою Окою* и *а они идут от своего городка от Дупкова* могут быть поняты двояко. Первый вариант прочтения – своего рода вставная конструкция, пояснение. Второй же вариант (он кажется более предпочтительным) предполагает переключение на точку зрения участников происходящего: так, Савастіан Кушелев встретил псковичей, [обнаружив, найдя их] на пути к Порхову.

Мы видим, таким образом, что событийное НИ от глаголов НСВ в МЛС является достаточно активной повествовательной формой, однако концентрируется во вставных контекстах книжного характера. В то же время в не книжных фрагментах НИ представлено всего 4 формами с неохарактеризованными по виду основами. Презенс от глаголов СВ, обозначающий завершённые действия в плане прошлого, в тексте летописи не встретился.

I. 4. 2. Никоновская летопись

В НЛ в записях последней трети XIV – XVI вв. встретилась 481 форма НИ. 67 из них полностью совпадают с МЛС, отдельно мы на них не останавливаемся¹.

¹ В Никоновской летописи, как и в МЛС, представлены, в частности, фрагмент Жития Стефана Пермского, Повесть об ослеплении Василия II и Московская повесть о походе Ивана III на Новгород, рассказы об освобождении Василия II из плена в Курмыше,

Нельзя не обратить внимание на значительный рост употребительности НИ в XVI в.: более чем столетний период последней трети XIV – XV вв. содержит всего 178 форм, остальные же 303 случая приходятся на записи 1500 – 1558 гг. Не менее заметной оказывается и разница в характере употребления НИ в эти два периода.

В записях XIV – XV вв. формы НИ распределяются так же неравномерно, как и в рассмотренном выше МЛС: 103 примера из имеющихся 111 содержатся во вставных текстах, целиком включенных в состав свода, и фрагментах, заимствованных из ряда других источников. В их числе следующие:

- Житие митрополита Алексея (2 формы) – одна из редакций, представляющая собой компиляцию нескольких источников, главными из которых явились первоначальный рассказ (представленный, в частности, в МЛС и не содержащий форм НИ) и редакция Пахомия Сербя;

- Хожение Игнатия Смольянина (7 форм) и включенная в его состав в качестве дополнения Повесть об Амурате царе (1 форма), не принадлежащая авторству Игнатия Смольянина и оформленная, по-видимому, при включении в НЛ [Лурье 1997: 149-150];

- Житие Сергия Радонежского (6 форм), текст которого (основанный на Пространной редакции и Второй Пахомиевской) на всем протяжении подвергся значительной литературной обработке; составителем этой редакции жития, как и всего свода в целом, Б. М. Клосс считает митрополита Даниила [Клосс 1998: 258];

- Хронограф 1512 г. – Великое княжение Сербское (51 форма) и Царство Греческое (9 форм);

предваряющий Повесть об ослеплении Василия II, о татарском набеге на Москву, о возвращении Смоленской иконы Божией Матери из Москвы в Смоленск, сообщение о поставлении митрополитом Геронтия, а также записи, излагающие историю взаимоотношений Москвы и Великого Новгорода, описывающие строительство Успенского собора и перенесение мощей митрополита Петра, и др.

- Житие Михаила Александровича Тверского (10 форм) – биографическое повествование, посвященное официально не канонизированному князю Тверскому и занимавшее своеобразное место между светской и церковной биографией; фрагменты его сохранились в разных летописных сводах [СКК 1988: 299];

- летописное сказание о митрополите Исидоре (1 форма);
- извлечение из 19-го слова «Тактикона» Никона Черногорца (1 форма);

- «Сказание вкратце о Латынях» (9 форм), «явно связанное с соответствующим фрагментом в Западнорусском Хронографе» и заимствованное в Хронограф и НЛ из общего источника [Клосс 1980: 173];

- две следующих подряд редакции Повести о взятии Царьграда турками – «Искандеровская» (1 форма) и «Хронографическая» (5 форм).

Все перечисленные тексты (за исключением Хождения Игнатия Смольянина, которое мы рассмотрим отдельно) имеют ярко выраженный книжный характер и содержат только событийное НИ от основ НСВ и неохарактеризованных по виду. Приведем несколько примеров:

- *По сих же брата Мусулманова Мисію **призываетъ** Угровлашскіи держатель, пребывающу ему въ стьвернемъ востоцѣ, и **даеть** ему воинство въ помощь на брата своего Мусулмана во отомщєніє свое. **Посылаеть** же Мисіа и къ деспоту Стефану и къ брату его Волку, да поидутъ съ нимъ, такоже и къ нетіємъ его Мусулманъ же сложися съ Греческимъ царемъ Мануиломъ и со Фруги. Увидѣвъ же Мисіа, яко хоцетъ Волкъ бѣжати къ Мусулману, и восхотѣ его убити; деспотъ же **изручаетъ** его; онъ же въ той же ноци побѣже. Бывши же брани велицѣи, и **побѣжаетъ** Мусулманъ Мисію. Мисіа же **обрѣтаетъ** Волка въ Филиповъ градъ и повелѣ его убити, и съ нетіємъ его Лазоремъ; таже ходя вслѣдъ брата своего разбоинически и **обрѣтаетъ** его виномъ упившася во Андріановъ градъ, повелѣ его удавити* (НЛ, т. 12, с. 5) – фрагменты, заимствованные из Хронографа 1512 г., как мы видели, содержат наибольшее число форм НИ – 60 в общей сложности;

▪ ... иже въ странахъ славенъ бывъ великіи князь и страшень бывъ ратнымъ, толику славу княженіа вскорѣ оставляетъ и толми смирено своима ногама въ монастырь приходитъ и умилнѣ у епископа постриженіа проситъ (НЛ, т. 11, с. 181) – Житие Михаила Александровича;

▪ Инокъ же Стефанъ, старѣишии братъ его, не ослушася меншаго своего брата Варѣоломѣя, еще мірянина суца, иноческимъ же житіемъ живуца, и идоша въ пустыню, въ великіи лѣсъ; и избраша мѣсто пустынно и взяша благословеніе у пресвященнаго Феогнаста митрополита Кіевскаго и всеа Руси основати церковь <...>. Стефанъ же, братъ его старѣишии, оставляетъ пустыню и брата Варѣоломѣя, и прииде близъ града Москвы, и вниде въ монастырь святаго Богоявленіа, и обрѣте себѣ кѣлью, и нача жити въ томъ манастыри (НЛ, т. 11, с. 131) – Житие Сергия Радонежскаго.

Единственным случаем употребления событийного НИ НСВ в не книжном контексте в составе основного текста летописи оказывается глагол речи *сказывает*:

▪ И после того, лета 7008, прислалъ къ великому князю Ивану Василіевичю бити челомъ князь Семень Ивановичъ Бѣлскіи о томъ, чтобы его князь великіи пожаловалъ, взялъ на службу и съ вотчиною, а сказываетъ, что на нихъ пришла велика нужда о Греческомъ законѣ <...> (НЛ, т. 12, с. 251, 1500 г.).

В оставшихся 4 случаях за пределами перечисленных вставных фрагментов презенс, обозначающий события прошлого, представлен только неохарактеризованными по виду основами и употребляется в процессном значении, например:

▪ И по совершеніи литургіи пошелъ князь великіи Иванъ къ себѣ; а князь великіи Дмитріи, въ шапкѣ и въ бармахъ, изъ Пречистыа какъ изъ двери вышелъ, и ту его осыпалъ денгами златыми и сребряными трижды великаго князя сынъ князь Юрьи, а дѣти великаго князя идутъ съ нимъ и боляря встѣ; такоже осыпалъ его предѣ Архангеломъ и предѣ

Благовѣщеніемъ трижды денгами златыми и серебряными (НЛ, т. 12, с. 248, 1498 г.);

▪ *И люди великаго князя многіе ис полковъ погониша, а полки изрушали, и кошовныхъ людеи Нѣмецкихъ многихъ побили, и пришли на Нѣмецкіе полки; а Нѣмци **стоятъ** полки въоружены и великаго князя людеи немногихъ избиша, которые пришли изрывкою, а сами отстоялися, потому что у великаго князя воеводъ полки изрушались (НЛ, т. 12, с. 256, 1502 г.).*

Хождение Игнатия Смольянина отличается от других перечисленных вставных текстов в составе свода меньшей степенью книжности. В числе некнижных черт в тексте можно отметить, например, отсутствие связки в настоящем времени, использование присоединительных конструкций с союзом *а* (*а предъ нимъ грядяху два стяжка, власы черны, а древа ихъ и ризы и шапки черлены*), а также конструкций с модальным инфинитивом (*женъ же никако видѣти мужемъ въ церкви той* – ‘невозможно было увидеть’). Отличается Хождение и характером употребления НИ. Встретилось 7 форм презенса, из которых 4 образованы от неохарактеризованных по виду основ, 2 – от основ СВ и 1 – от основы НСВ. Три из четырех немаркированных основ имеют процессное значение, ср.:

▪ *Дошедшу же царю до чертога, и вниде въ преслѣтлыи тои чертогъ, и облечеса въ кѣсарскую багряницу <...>, и изыде из чертога, и взыде наверхъ; и приведоша царицу, и съдоша оба на столѣхъ златыхъ. Тогда убо начяши божественную литургію, а царь **сѣдитъ** на златѣмъ столѣ, сице же и царица **сѣдитъ** на златѣмъ столѣ (НЛ, т. 11, с. 102 – 102).*

Другие 4 формы встретились в описании церемонии венчания на царство:

▪ *И даде [патриарх] ему [царю] завѣтъ православіа соблюдатьи непоколебимо своя царскаа, и никакоже претворяти уставы древніа, ниже восхыщати не своя, и стяжати преже всего страхъ Божіи и смертную память <...>. И по патріарховѣхъ глаголѣхъ никтоже можаше и смѣаше преже приступити ко царю и глаголати ему о здравіи, ни князи, ни бояре, ни*

вои, но точію приступятъ (СВ) къ нему мраморницы и гробоздателіе, принесше, показуютъ (НСВ) ему мраморы и каменіе отъ различныхъ лицъ, и внидутъ (СВ) къ нему и глаголютъ (неохаракт.): «которымъ лицемъ велитъ быти дрѣжава твоя гробу твоему?», притчею возпоминающе и глаголюще: «человѣкъ еси смертенъ и тлѣненъ <...>». И сице симъ изглаголавшимъ, якоже тамо въ уставѣ писано есть, и потомъ идоша князи и стратилаты, ипаты и вои, и вси велможи, глаголюще ему по обычаю ихъ (НЛ, т. 11, с. 103 – 104) – в этом книжном (!) фрагменте мы видим глаголы СВ, обозначающие однократные завершённые действия в прошлом, а также употребление в процессном значении презенса НСВ и немаркированного по виду глагола.

Оказывается, таким образом, что, в отличие от других вставных текстов, содержащихся в НЛ, НИ НСВ в событийном значении в Хождении не употребляется. Напротив, функционирование этой формы аналогично тому, что мы видели в основном тексте свода и памятниках раннего периода.

Итак, мы видим, что употребление форм НИ в записях НЛ за XIV – XV вв. отличается теми же особенностями, которые отмечены для МЛС: основная масса форм содержится в книжных контекстах – это глаголы НСВ и неохарактеризованные по виду в событийном значении, в основном же тексте летописи глаголы НСВ имеют процессное значение, а в событийном употребляются основы СВ. Выделяется на общем фоне Хождение Игнатия Смольянина – в этом тексте, содержащем значительное число некнижных черт, употребление НИ соответствует летописному, причем даже в довольно книжных контекстах.

В записях XVI в. мы видим несколько иное распределение интересующих нас форм.

На книжные контексты, как и ранее, приходится основная масса всех употреблений НИ – 225 случаев из 303. Все они представлены глаголами НСВ или неохарактеризованными по виду и имеют событийное значение, не

отличаясь от книжного употребления НИ в XIV – XV вв., поэтому отдельно останавливаться на них мы не будем.

Прежде всего отметим, что употребление событийного НСВ в XVI в. встречается уже не только в контекстах высокой степени книжности, но и в «обычных» летописных записях, ср., например:

▪ *И призываетъ государь къ собѣ брата своего князя Владимира Андрѣевича и царя Шигалѣя и боярь и воеводѣ, и сказал Камаевъ приѣздѣ и что Камай государю сказал* (НЛ, т. 13 (1), с. 202, 1552 г.);

▪ *И повелѣ изъ болшого полку другому воеводѣ слугѣ князю Михаилу Ивановичю Воротыньскому своимъ полкомъ соити съ коней, иди пѣшему къ городу и туры катити, <...> а ис своего государь полку посылаетъ головы на конехъ выборные з дѣтми боярьскими, а велѣть государь того беречи: выльзуть люди конные на князя Михаила, и князю Ивану дѣлатъ, сколко Богъ поможетъ* (НЛ, т. 13 (1), с. 205 – 206, 1552 г.) – приведенные фрагменты значительно менее книжные по сравнению с контекстами, в которых событийное НИ НСВ употреблялось в XIV – XV вв.

Напомним, что в записях XIV – XV вв. встретился только один подобный контекст, содержащий событийный презенс НСВ от глагола речи (*сказывает*, контекст был приведен выше), а в этот период число таких употреблений возрастает уже до 56 (среди них 15 глаголов, вводящих чужую речь).

Увеличивается также число употреблений процессного НИ и презенса от глаголов СВ. В записях XVI в. первые представлены 18 формами от основ НСВ и неохарактеризованных по виду, например:

▪ *И воеводы, пошедъ отъ Мещеры, пришли къ Сурѣ и нашли на сокму Татаръ Казаньскихъ, а Татарове идутъ на Нижегородские мѣста; и князь Семень и Василій Замытцкой на Татаръ не поворотили, <...> но възвратилися въ Мѣщеру* (НЛ, т. 13 (1), с. 106, 1536 г.);

▪ *И узрѣ же царь: идуть болюе полки да и правая рука и лѣвая; и начатъ царь зрѣти и дивитися, что идутъ люди многіе, учредивъ полки красно <...> (НЛ, т. 13 (1), с. 109, 1541 г.).*

Глаголы СВ, хотя и превышают число случаев, содержащихся в более ранних записях, все же остаются редкими – встретилось всего 4 формы презенса, причем три из них содержатся в разночтениях. Приведем примеры:

▪ *И того же мѣсяца князь Семень Ивановичъ да князь Петръ Серебряной съ товарищи поѣхали къ городу Казани, а напередъ ихъ Иванъ Шереметевъ <...>. И какъ будуть на Волгѣ у Ирохова острова, тутъ встрѣтили бояръ ис Казани Шамса князь да Ханъкилдей, и иные многіе Казанцы встрѣчали съ любовію и били челомъ бояромъ, чтобы ѣхали въ городъ, а они всѣ холопи государевы въ его волѣ (НЛ, т. 13 (1), с. 175, 1552 г.)* – глагол СВ означает однократное событие в плане прошлого: ‘и когда оказались на Волге...’;

▪ *И зѣ суботы на недѣлю въ ноци той былъ государь наединѣ съ отцомъ своимъ духовнымъ Андрѣемъ протопопомъ; и нача въоружатися, юмианъ на собя класти, и слышитъ звоны многые и ближнимъ своимъ говоритъ: «звоны де слышу, какъ бы Симонова монастыря звонъ» (НЛ, т. 13 (1), с. 215, 1553 г., в четырех других списках – услышитъ).*

Таким образом, если в записях XIV – XV вв. характер употребления НИ в основном соответствует МЛС, то записи XVI в. показывают, что событийный презенс НСВ выходит за пределы контекстов высокой степени книжности и оказывается допустимым в том числе в основном тексте свода. Относительно форм с процессным значением можно заметить, что если в записях XIV – XV вв. они представлены единичными примерами, то в этот период их частотность возрастает (в отличие от глаголов СВ, которые хотя и встречаются, но остаются редкими).

I. 4. 3. Царственная книга

ЦКн содержит 242 примера НИ, но 214 из них совпадают с НЛ, поскольку в качестве основного источника для этих записей в обоих случаях привлекается Летописец начала царства [Клосс 1980: 209]. Обратимся к оставшимся 28 случаям.

Как и в других памятниках этого периода, в основном мы находим НИ в книжных фрагментах – в них встретилось 22 формы презенса в событийном значении. При этом здесь также прослеживается тенденция, намеченная выше: событийное НИ НСВ возможно не только в контекстах высокой степени книжности, но и в стилистически более «простых» фрагментах. Ср. соответственно два примера:

▪ *Вся же правленія всего Русскаго царствія завъщеваеть дръжавствовати и по Бозъ устраяти и разсужати скипетра великіа Россія съ сыномъ своимъ со царемъ и великимъ княземъ Иваномъ <...> матери его, а своей великой княгини Еленъ; въдыше бо ея великій государь боголюбиву и милостиву, тиху и правдиву, мудру и мужествену <...>; и князь великій полагаетъ на ней все правленіе великаго государства многаго ея ради разума по подобію и по достоянію Богомъ избранному царскаго правленія* (ЦКн, с. 416, 1534 г.) – очень книжный контекст (употребление простых претеритов, Асс. Duplex и др.), котором появление событийного презенса НСВ совершенно нормально. В следующем же примере эта форма оказывается в некнижном контексте – в сочетании с -л-формами прошедшего и инфинитивной конструкцией со значением долженствования:

▪ *И какъ ставили городъ и учали мѣсто чистити, гдѣ поставити церковь соборная Архангела Михаила, и тутъ обрѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ олтарю стоять, образъ Архангела Михаила древнее писмо, ничимъ невредимъ, обложенъ серебромъ. И царь и великій князь и митрополитъ Макарей по тотъ образъ послали священниковъ и усрътаютъ его честно. И пѣвъ молебны и отпустилъ на то же мѣсто въ тотъ храмъ, гдѣ явился <...>* (ЦКн, с. 469, 1551 г.).

Оставшиеся 6 форм представлены тремя глаголами СВ и тремя формами *нѣсть* (*нѣтъ*). Первые содержатся в описании церемонии венчания на царство Ивана IV, приведем два из них:

- ... *благословяся, отиошь на свое мѣсто, а митрополитъ стояль на крылось у своего мѣста со священнымъ соборомъ во всемъ своемъ святителскомъ сану. И велѣль архидіакону начати молебень пречистой Богородицѣ и чудотворцу Петру. И по совершенію молебна и по «достойнѣсть» и по «тресвятомъ» и по тропарехъ митрополитъ и князь великій пойдутъ на уготованные мѣста и, вшедъ, сядутъ на своихъ мѣстехъ. И, посидѣвъ мало, встали и велѣль митрополитъ двѣма архимандритомъ да игумену большимъ къ себѣ принести съ налоя на златомъ блюдѣ крестъ животворящаго древа <...> (ЦКн, с. 451, 1547 г.).*

Как мы видели выше, в описании событий подобного рода в официальном летописании всегда выдерживается строгая книжная норма, а единственным вариантом НИ является событийное НСВ, здесь же мы читаем подробный, но гораздо менее книжный рассказ (отсутствие простых претеритов, вместо которых употреблено разговорное прошедшее на -л-), содержащий в том числе презенс СВ, обозначающий однократные события в плане прошлого.

В некнижных контекстах оказываются и формы *нѣтъ*, называющие одновременные ситуации (одновременное отсутствие признака) и, соответственно, относящиеся к процессному типу НИ. Так, в следующем фрагменте среди некнижных черт, помимо самой формы *нѣтъ*, можно назвать окончания Р. п. -ѣ (*у неѣ*) и -у (*гною*), введение уточнения союзом *а*:

- *И тамо яко нѣкоимъ отъ Бога постыщеніемъ, нача намощи, и явися на нозѣ его знамя болѣзнено мала болячка на лѣвой стегнѣ <...> з булавочную голову: врѣху у неѣ нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова (ЦКн, с. 409, 1534 г.).*

Итак, несмотря на относительную малочисленность примеров, ЦКн оказалась для нас достаточно информативной. Употребление в ней форм НИ

аналогично тому, что мы видели в записях этого времени в НЛ и отличается от XIV – XV вв.: событийный презенс НСВ, ранее отличавший контексты высокой степени книжности, становится возможен и в некнижных фрагментах.

I. 4. 4. Холмогорская летопись

Записи конца XIV – XVI вв. северной ХЛ содержат 42 формы НИ. 14 из них обнаружены во фрагментах, которые мы встречали и в московских великокняжеских сводах. Это, в частности, Сказание о нашествии Едигея, Повесть об ослеплении Василия II, Московская повесть о походе Ивана III на Новгород и др.

Остальные контексты в большинстве своем (24 из 28) приходятся на произведения XIV – XV вв., включенные в состав летописи:

- Сказание о князьях Владимирских (7 форм) – памятник XVI в., фрагмент которого помещен под 1118 г.;
- Антониевская редакция Жития Феодора Ярославского (1 форма), составленная не ранее 1470-х гг. [Ключевский 1871: 171 – 173, Серебрянский 1915: 113-121]; фрагмент о пребывании князя Федора в Орде помещен под 1277 г.;
- Повесть о Темир-Аксаке XV в. (1 форма), помещена под 1392 г.;
- Повесть Симеона Суздальца о Флорентийском соборе, разделенная на две погодные записи – 1438 и 1441 гг. (3 формы);
- Повесть о взятии Царьграда турками в «Искандеровской» редакции, 1453 г. (3 формы);
- Сказание о новой ереси новгородских еретиков Иосифа Волоцкого начала XVI в., помещенная под 1491 г. (8 форм).

НИ содержится практически только в книжных контекстах, все формы имеют событийное значение и образованы от глаголов НСВ и неохарактеризованных по виду.

Единственным исключением является Повесть о взятии Царьграда турками. В ней характер употребления НИ иной: из трех форм презенса одна представлена глаголом, неохарактеризованным по виду, и она имеет процессное значение:

▪ *И тако сечахуся с турки до полунощи, и согнаша их со брал на землю, и преста сеча. А сам окаянный от града не отступи, стоя брежет своя грады и иных козней, не даючи гражаном зажещи. В 27 маия наутрие паки безверный повеле бити град возле разрушенное место (ХЛ, л. 360 об., 1453 г.).*

В двух других случаях используются глаголы СВ. При этом в Троицком списке XVI в. находим соответственно причастие *брьгуще* (в первом контексте) и две формы аориста – *поиде, седъ*; эти же формы мы видели и в НЛ – *брегучи, поиде, съде*.

Приведем эти контексты:

▪ *Идущу же царю Костянтину из церкви, се едино слово прорек: «Аще кто хочет пострадати за веру христианскую, да поидет со мною». И всед на фарис свои, поидет ко Златым вратом, чаяше бо встретити безбожнаго Махмета. Всех же вои собрався с ним 3000. И обретоша у врат множество турков, стрегущих его (ХЛ, л. 366 об. – 367, 1453 г.);*

▪ *Патриарх же взем благовернаго царя главу, вложи ю в ковчег сребрян, и позлати ю, и скрыв ю в великую церкви под престолом. От иных же тако слышахом, яко оставиши от сущих со царем Костянтином у Златых врат украдоша его мощи, и отнесоша его в Салутни, и сохраниша. О царици же бывшу велику испытанью, и сказаши Махметю, яко великии дукас и велии доместник и анактос и простратого сын Андреи <...> отпустиши царицу в кораблех. Царь же Махмет много истязав их и казниши их смертью. А беззаконный Махмет сядет на столе Царяграда, благороднеиши всех градов, иже под солнцем, изобладаша владеющих двема частями вселенней, сице свершаемым грех ради наших (ХЛ, л. 370 об., 1453 г.).*

Появление здесь презенса СВ может объясняться влиянием живого языка: как было показано выше, в севернорусских говорах эта форма в плане НИ до сих пор употребляется более широко по сравнению с литературным языком и другими русскими говорами.

Вне перечисленных повестей и сказаний событийное НИ НСВ представлено всего одним примером – фактически формульным контекстом в составе короткой местной записи XVI в. о создании Пельшемского монастыря:

▪ *В лето 6934. Общежитие составляет Григорей Лопот на реце Пельшме, и церковь созда во имя Пречистыа, собор, далее от тоя пустыни 28 поприщ (ХЛ, л. 326, 1426 г.).*

Итак, как и в рассмотренных выше московских летописях этого же периода, НИ употребляется по большей части в событийном значении и явно тяготеет к книжным контекстам. Исключение составляет лишь Повесть о взятии Царьграда турками, характер употребления НИ в которой аналогичен тому, что мы видели в ранних летописях.

I. 4. 4. Устюжская летопись

В отличие от всех рассмотренных летописей этого периода УЛ не содержит ни одного примера употребления НИ НСВ в событийном значении – все 14 форм презенса НСВ встретились в не книжных контекстах и имеют процессное значение. Приведем фрагменты, относящиеся к разному времени:

▪ *Григорей же Холмищев поскочи с вестью ко князю Володимеру Андреевичю и ко всем князем и боляром и сказа им: «Князь великий здравствует!» Рады бывше, седше на кони, наехаша государя, на дубраве седяще, кровава, а Сабур над ним стоит. И поклонишась ему вси князи и боляре и все войско (УЛ, л. 75 – 75 об., 1380 г.) – в Архангелогородском летописце вместо не книжной конструкции с союзом *a* читаем книжный Асс. Duplex *a* Сабура над ним стояща;*

▪ *А царь Ивак приде на него силою своею безвестно с мырзами месяца генваря в 6 день. Приде на него на утре изноровся, а царь Ахмат еще спит. А царь Ивак сам вскочи в белу вежу цареву Ахъматову и уби его своими руками* (УЛ, л. 330 – 331, 1481 г.) – вновь отметим характерное для некнижного синтаксиса введение предикативных единиц союзом *а*;

▪ *Они же сретошася с литвою о реце о Березене, и стояша долго время: ни литва за Безыню не лезет москвичем, ни москвичи к литве. И литва глаголюше москвичам: «Разойдемся о миру». И разоидошася о миру* (УЛ, л. 150 об. – 151, 1515 г.).

НИ СВ в значении однократного действия в тексте летописи не встречается.

І. 4. 6. Гибридный характер летописей позволил нам увидеть два различных варианта функционирования НИ в пределах одного текста. Характер употребления этой формы в рассматриваемый период в значительной степени определяется степенью книжности контекста. Контексты книжного характера демонстрируют нам очень активное употребление событийного НИ от основ НСВ, в то время как в некнижных контекстах продолжает сохраняться ситуация, отмеченная для ранних летописей: формы презенса в плане прошедшего употребляются крайне редко, образуются от основ НСВ или неохарактеризованных по виду основ и имеют процессное значение.

Событийное НИ от глаголов НСВ в некнижных контекстах практически не употребляется: в МЛС не встретилось ни одного примера, в НЛ – 1 пример (глагол речи *сказывати*), в ХЛ – 1 случай в краткой местной записи. Обратная же тенденция, напротив, прослеживается: в Повести о нашествии Тохтамышша, Хождении Пимена в Царьград и Повести о взятии Царьграда турками НИ употребляется точно так же, как в ранних летописях и некнижных фрагментах летописных сводов позднего периода. Мы находим здесь обращение к форме презенса СВ для обозначения законченных

однократных событий в прошлом, НСВ – для обозначения ряда одновременных событий или действий, взятых в процессе их протекания, неохарактеризованные же по виду основы используются в обоих значениях.

Если распространение событийного НИ НСВ в текстах XV – XVI вв. связано со вторым южнославянским влиянием и формированием нового для древнерусской традиции стиля, то другой тип употребления этой формы – характеризующийся обращением к основам СВ и употреблением НСВ в процессном значении – оказывается, по-видимому, приближенным к живому языку. Косвенным подтверждением тому могут служить, в частности, данные былин, показывающие активное (по сравнению с литературной нормой) функционирование глаголов СВ в плане НИ и, видимо, отражающие более архаичное видовое распределение в этом временном плане.

Можно предположить, что, в отличие от «книжного» событийного Praesens Historicum, являющегося в известной степени «техническим» повествовательным средством, НИ, связанное с живой нарративной традицией, в старорусском языке могло употребляться в качестве стилистического приема и сохранять присущую ему образность – ср. НИ в *Хождении Пимена в Царьград*.

Интересно при этом, что из всех рассмотренных нами ранних текстов активное употребление НИ НСВ и неохарактеризованных по виду глаголов в процессном, а не событийном значении мы видим только в *Слове о полку Игореве* – произведении совершенно иного стилистического и жанрового характера, нежели летописи, в которых эта форма встречается крайне редко. В XV же веке такое употребление мы находим уже не только в подражающей *Слову «Задонщине»*, но и в повествовательных текстах, не отражающих явной ориентации на фольклорную традицию (*Повесть о нашествии Тохтамышша*, *Повесть о Темир-Аксаке*, *Хождение Пимена в Царьград*). В этой связи можно вспомнить предположение А. А. Потемни, объяснявшего замену греческих форм Praesens Historicum аористом в ранних славянских переводах тем, что «настоящее историческое, столь обыкновенное теперь <...>, дало бы

повествованию слишком простонародный, сказочный тон» [Потебня 1941: 158]. Возможно, процесс, в результате которого в книжных текстах в период второго южнославянского влияния «опорным повествовательным временем вместо аориста становится презенс» [Колесов 1976: 84], в некоторой степени снял это противоречие и позволил презенсу из устной народной традиции проникнуть в традицию письменную, сохранив при этом присущую этой форме экспрессию и выразительность.

Нельзя не заметить, что записи XVI в. демонстрируют менее строгое, чем в XIV – XV вв., распределение двух названных вариантов НИ между книжными и некнижными контекстами: событийное НИ НСВ становится возможным в основном тексте летописи, имеются также единичные случаи появления процессного НСВ и презенса СВ в книжных контекстах, для которых они ранее были нехарактерны. Решение вопроса о дальнейшем развитии этой тенденции предполагает обращение к текстам XVII в.

I. 3. 3. Настоящее историческое в памятниках XVII в.

XVII век важен для нас, поскольку он непосредственно приближается ко времени записи былин, но при этом не отражает того влияния европейской традиции, каким отмечена культура послепетровского времени.

Среди всех рассмотренных памятников этого времени только три не содержат ни одной формы НИ – это ВпТ, ПвВН и ПвНН.

В остальных памятниках – и в летописях, и в текстах других повествовательных жанров – особенности употребления *Praesens Historicum*, как и ранее, в значительной степени определяются характером контекста. Распределение форм презенса имеет в рассмотренных текстах следующий вид:

	Книжные контексты			Некнижные контексты		
	НСВ, соб.	НСВ, проц.	СВ	НСВ, соб.	НСВ, проц.	СВ
Мазуринский летописец	32	3				1
Летописец 1619–1691 гг.	1	5				
Золотаревский летописец	9	3		3	1	
Двинской летописец	1					2
Вологодская летопись		2			3	
Устюжский летописец	6	3	2	6	2	2
Житие царевича Димитрия	14	(1)	1			
Житие Дионисия	38	1				
Повесть о житии Федора Ивановича	72	5				
Повесть о видении во Владимире		1				
Повесть о зачатии Отроча монастыря	7	(6) ¹				
Сказание об осаде Тр.-Серг. мон. Авраамия Палицына	41	24				
Житие Иринарха Ростовского	1	2			1	
Писание о преставлении кн. Скопина-Шуйского	6	(6)		3	3	1
Видения Евфимия Чакольского				6	7	1
Повесть о Горе-Злосчасти				18	22	4
Повесть о Фоме и Ереме				5	30	2
Житие протопопа Аввакума				44	197 (10)	7 ²
Иное видение					2	

¹ В скобках указано число контекстов, в которых значение глагола НСВ не может быть однозначно определено как процессное или событийное (в подсчетах эти случаи не учитываются).

² В ЖпА презенс СВ является очень востребованной нарративной формой и, возможно, встречается «более часто, чем в других произведениях того же самого и предыдущего периода» [Джусты 1996: 311]. Повторимся, что здесь рассматриваются только случаи употребления этой формы в настоящем историческом – для обозначения завершённых однократных действий в прошлом.

Как видно из таблицы, в нашей выборке представлены тексты, в которых формы НИ содержатся только в книжных контекстах (ЖцД, ЖД, ПжФИ и др.) или, напротив, только в некнижных (ПГЗ, ПФЕ, ЖпА и др.). Около трети всех памятников (прежде всего, безусловно, летописи) содержат контексты обоих типов.

Рассмотрим вначале употребление НИ в книжных контекстах.

В контекстах книжного характера содержится 261 форма презенса, называющих единичные действия в прошлом. В 87% случаев (228 употреблений) мы находим формы НИ в событийном значении, образованные от основ НСВ или глаголов, сохраняющих способность употребляться в обоих видовых значениях. Приведем некоторые примеры:

▪ *И тако отпѣвши надгробное пѣніе, и полагають его въ предреченной каменной гробѣ, и относятъ его въ соборной церкви въ придѣль за олтаремъ на южной стороне, въ церковь Обрѣтеніе честныя главы Пророка и Крестителя Іоанна. И тамо полагають его въ новоископанномъ гробѣ, иже никто же, по Евангелію, прежде сего положенъ бысть, тамо за олтаремъ придѣла же Святыя Живоначалныя Троицы, идѣже положени быша благочестивыи блаженныи памяти цари и великіи князи <...> (ПпСкШ, с. 902);*

▪ *И сотвори царь тако, послуша того словеси его, посылаетъ отъ своего лица нѣкоего вѣрнаго своего боярина, зовома князя Василія Ивановича Шуйского <...>. Борисъ же избираетъ своего единомысленика, зовома Андрѣя Клешина, и инѣхъ съ нимъ подобныхъ ему и угодныхъ, и много отъ священническаго чина, и тако же объщеваетъ имъ чести и богатства многа и наказуетъ имъ сказати царю и встѣмъ людемъ, якоже ему годѣ. Они же, слышавше отъ него та словеса его, ово прелщаются, паче же реци, овиѣ страха ради объщеваются ему вся тако сотворити, яко же отъ него речеся. И утверди съ ними той совѣтъ крѣпкими клятвами, неизмѣнно*

сотворити по реченному, и приводить ихъ ко царю <...> (ЖЦД, л. 208 об. – 209).

Процессное значение представлено сравнительно небольшим числом примеров (30 случаев в общей сложности), ср. отсутствие нарративной цепочки в следующих контекстах:

- *Таже боляре и всенародное множество на погребеніе благочестиваго царя собираются и глаголы жалостныя испущаютъ и паки воплемъ многимъ воздухъ исполняютъ и слезы яко рѣки изливаютъ* (ПжФИ, с. 21) – глагол *собираются* может быть прочтен как в процессном, так и в событийном значении, остальные же интерпретируются однозначно;

- *Того жь прездереченаго града нѣкто же именовъ Борисъ, зовомый Мясникъ, сего подружіе именовъ Меланія прииде къ началствующему граду и повѣда еще гласъ: Спящи де намъ съ мужемъ своимъ во единой храминѣ, и се внезапно отворишася двери храмины тоя, и обсія мя свѣтъ несотворенный. И вниде во храмину ту жена въ свѣтлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держитъ великъ и чуденъ велми. Азь же видѣхъ сія и ужасохся, восхотѣхъ возбудитися мужа своего, и въ томъ часть руки моя ослабли и языкъ ми не проглаголя. <...>»* (ПвВ, л. 10 об.).

В отличие от событийного НИ, процессное значение, как кажется, выполняет во всех приведенных примерах экспрессивную функцию, характерную для этого временного плана в живом языке, хотя определенно установить это мы, естественно, не можем.

В книжных контекстах такие формы в большинстве текстов единичны, однако в некоторых памятниках их число сопоставимо или даже превышает количество употреблений презенса в событийном значении (Лет. 1619 – 1691, ВЛ, УЛет., ЖИР). Присутствие процессного НИ в книжных контекстах особенно заметно в связи с тем, что, как мы видели выше, оно было совершенно нехарактерно для них в более ранние периоды.

Это же можно сказать и о формах презенса от глаголов СВ в значении завершенных однократных действий в прошлом. Они представлены всего 3

случаями, причем в ЖЦД презенс СВ содержится в одном списке (в остальных ему соответствует аорист). Приведем контекст из УЛет:

Утру же бывшу свитающу дню, тии же злии врази наши, полския и литовския люди, послаша от себе многих своих людей на гору, глаголемую Гледен <...>, дабы им осмотреть некрепко град Великий Устюг з горы тоя и уловити человека от граждан, дабы уведать крепость острога <...>. И егда приближася к монастырю и хотяху его зажещи, всещедрый же премилостивый бог наш <...> не восхоте предати в насмеяние и в поругание и осквернение злым иноплеменником святых божских церквей и святых честных чудотворных икон <...> и ущедрит свое создание, и избавит град Великий Устюг и живущая в нем люди от иноплеменников <...>. Яко они, злии, не улучиша искомаго обрести в руках своих ни единого от граждан и монастыря живоначальных Троицы зажещи не успеша (УЛет, 2 ред., л. 14 об., 1613 г.).

Среди глаголов, значение которых мы не можем однозначно определить как процессное или событийное, абсолютное большинство относится к глаголам чувственного восприятия: *видѣти*, *слышати*, *зрѣти* и т. п. По меньшей мере часть из них еще сохраняет в этот период способность употребляться в обоих видовых значениях. Например:

- *В ноци же възляже почити, и бысть сонъ тонокъ, и видит на том месте, аки поле чисто и велико зело и свет велик, аки некую луну божественную сияющую. И воспрянув от сна, мысляше в себе: «Что сие мне будет знамение сие?» (ПзОМ, л. 7 об.);*

- *По том же видитъ во снѣ архимарита, о немже присно скорбяше. Видѣние же сицево бяше: слышитъ паки сказующихъ ему архимаричье преставление, якоже и прежде, онъ же яко наяве спѣшно грядый, хотя желаемое от него благословение и послѣднее прощение воспряти, и пред нимъ представъ, видитъ мноземъ благословение рукою подавающа. Он же между протчими подходя и главу свою наклоня к благословению, и ничтоже получивъ, паки наклоня пред нимъ главу свою, требуя*

благословения. Той же рече ему тихо: «Почто нудишися, тии благословения просять, здѣ остаются, ты же, — рече, — и самъ вскоре за мною будеши, протчее же не стужай ми» (ЖД, с. 400).

В то же время глаголы речи в форме НИ в рассмотренных текстах практически не употребляются – чужое высказывание чаще всего вводится формой аориста (*рече, глагола* и т. п.).

Таким образом, мы видим, что в книжных контекстах памятников XVII в., в отличие от памятников XIV – XV вв., возможно не только событийное НИ от глаголов НСВ или основ, допускающих оба видовых значения, но и те разновидности НИ, которые ранее оставались характерной чертой некнижного нарратива. Соответственно, тенденция к менее жесткому распределению типов Praesens Historicum между книжными и некнижными контекстами, намеченная в памятниках XVI в., в этот период получает более заметное выражение. Различия между московскими и севернорусскими источниками не обнаруживаются.

Некнижные тексты демонстрируют несколько иное распределение значений презенса НСВ в плане НИ. Преобладающим здесь оказывается процессное значение – 268 случаев из 373. Оно значительно превосходит событийное в ПФЕ и, прежде всего, в ЖпА, сопоставимо с ним по частотности в некнижных фрагментах ПпСкШ, ВЕЧ, ПГЗ и является единственным вариантом употребления НИ в «Ином видении», а также некнижных контекстах ЖИР и ВЛ. Приведем некоторые примеры:

- *Захотелось им, двум братом, позавтракати,
Вышли они на базар погулять.
Ерема сел в лавку, а Фома на прилавок.
Долго они сидят, ничего не едят;
Люди ядят, а они, аки оглядни,
Глядят, зывают да вздыхают, да усы потирают (ПФЕ, с. 43).*

▪ В дому же моемъ иные родные два, брата, – Козма и Герасимъ, – болиши ево, а не смогли удержатъ ево Евѡмїя; и всѣхъ домашнихъ челоувѣкъ с тритцетъ, держа ево, рыдають и плачуть, вопїюще ко Владыке: «Господи помилуй! <....>» А онъ пуци бѣсится, кричитъ, и дрожитъ, и бѣется (ЖПА, л. 268 об.).

▪ Какъ де будетъ въ 5-мъ часу ночи, и учалъ де быти въ церкви у собора Архангела Михаила, <...> шумъ быти и говоръ великъ, по смѣте голосовъ зъ дватцать или съ тритцать; а одинъ де изъ нихъ говорилъ по книжнему за упокой безъ престани; а рѣчей де его и тѣхъ людей, у которыхъ промежъ ими говоръ и шумъ великъ, не разумѣти, и ихъ въ лица не видѣти никого же; а в тѣ поры въ церкви свѣчя горитъ. И послѣ де того промежъ ими учалъ быти смѣхъ. И одинъ де изъ нихъ изо всѣхъ голосъ толсть, а противъ де его говорили всѣ встрѣчно; а одинъ де таки говоритъ по книжному за упокой; и толстоголосой на нихъ на всѣхъ крикнулъ, и они де предъ нимъ всѣ умолкли (Иное видение, л. 292 об. – 293). Глагол *горит* может иметь хабитуальное значение и однозначно не интерпретируется, *говорит* же обозначает однократное действие, взятое в процессе его протекания.

Несмотря на сохраняющееся преобладание в некнижных контекстах процессного значения, событийное НИ все же употребляется активнее по сравнению с предшествующими периодами. При этом оказывается, что большинство примеров НИ с событийным значением составляют глаголы речи и глаголы зрительного восприятия – 73 употребления из 85.

Самым популярным оказывается глагол *говоритъ* (49 случаев из 69) – некнижный глагол речи, который в современном своем значении известен в памятниках с позднего времени (в частности, в НЛ для введения чужой речи он начинает использоваться только в XV в.) [Власова 2014: 86, 96]. В ПФЕ *говоритъ* представлен во всех имеющихся 5 случаях, например:

- *Захотелось им, двум братом, за охотою походить:*
Ерема с сетми, а Фома с теньты.

*Ерема за зайцы, а Фома за лисицы,
Ерема кричит, а Фома больше зычит,
Ерема хватает, Фома перенимает,
Сами они друг другу говорят:
«Брате, много ли поймал?»
Фома говорит: «Чего поймать, коли нет ничево».
Ерема стал, а Фома устал (ПФЕ, с. 44).*

В числе других глаголов речи – *сказывать, просить, кричать, вопить, молвить, пенять*. Большинство из них, по-видимому, сохраняют в XVII в. свойственное им ранее употребление в значении и СВ, и НСВ. Глаголы, однозначно определяемые как НСВ (*сказывать, помышлять* и др.) оказываются единичными.

Книжные фрагменты ни в текстах XVII в., ни в более ранний период не дают сколько-нибудь существенного преобладания глаголов речи в плане НИ – напротив, основной формой введения чужого высказывания, как уже говорилось, является прошедшее СВ (аорист или л-форма). Возможно, регулярное обращение к презенсу НСВ или неохарактеризованных по виду глаголов в таких случаях – это особенность не книжного нарратива: именно глаголы речи чаще других употребляются в форме НИ НСВ в былинах, эта форма также является основной при введении чужой речи в сказках, а также, как кажется, в современном устном нарративе.

Выше мы отмечали, что глаголы речи и зрительного восприятия, вводящие чужое высказывание или описание увиденного, в определенном смысле занимают пограничное положение между событийным и процессным значением: с одной стороны, они обозначают одно из последовательных действий, с другой – не утрачивают при этом и значения процессности, фактически соотнося темп речи со скоростью изображаемых событий – а с началом прямой речи персонажа и вовсе уравнивая их. Возможно, эта особенность является следствием того, что большинство из них в более

ранний период имело немаркированные по виду основы и многие сохраняли этот статус вплоть до позднего времени.

Глаголы «неречевых» действий в гибридных текстах единичны – всего 12 случаев, и некоторые из них в этот период, по-видимому, также могут употребляться в обоих видовых значениях. Ср., например, ЖПА:

▪ *Азь же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповаю, здѣлалъ такъ, какъ захотѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онъ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сѣтяхъ рыба? <...>» (ЖПА, л. 83 об.).*

▪ *А ея бѣси мучать; зѣло голка велика бысть. Пришелъ я домой: печално мнѣ и жалъ. Опять панъ илеть ко мнѣ; прощения просить. Я и опять к ней пришелъ <...> (ЖПА, ред. Б, л. 74).*

Если в первом примере глагол однозначно определяется как НСВ, то глаголы, представленные во втором контексте, еще могут сохранять немаркированность основы.

Показательно, что наибольшее число форм событийного НИ НСВ, образованных от «неречевых» глаголов, содержат ПГЗ и ПпСкШ – памятники, ориентированные на устную народную традицию, былины и духовные стихи. Ср., например, эпизод об отравлении князя и встрече его с матерью из ПпСкШ с похожими фрагментами из былин:

▪ *И какъ будетъ после честного стола пиръ на весело, и дѣвольскимъ омраченіемъ злодѣянница та княгина Марья, кума подкрестная, подносила чару питія куму подкрестному и била челомъ, здоровала съ крестникомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ. И въ той чарѣ въ питіи уготовано лютое питіе смертное. И князь Михайло Васильевичъ выпиваетъ ту чару до суха, а не въдаетъ, что злое питіе лютое смертное. И не въ долгъ часъ у князя Михаила во утробѣ возмутилося, и не допировалъ пиру почестного и поѣхалъ къ своей матушке княгине Елене Петровне. И какъ въсходитъ въ свои хоромы княженесуцкіе, и усмотрила его мати, и возрила ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно*

кровию знаменуется, а власы у него на главѣ, стоя, колеблются. И восплакалася горько матери его родимая, и во слезахъ говоритъ ему слово жалостно: «Чадо мое сынъ, князь Михайло Васильевичъ, для чего ты рано и борзо съ честнаго пиру отъѣхал? <...> Любо тобѣ въ пиру мѣсто было не по отечеству? Или бо тебѣ кумъ и кума подарки дарили не почестные? <...>» (ПпСкШ, л. 897 – 897 об.).

Ср. в былинах:

- *Узнавает Марья лебедь белая,
Лебедь белая да королевична,
Королевична да тут подолянка.
Скорешенько выбегает да на широк двор,
Наливает она чару зеленым вином
И подносит ему зелье было сонное.
Молода Настасья королевична
По поясу бросилася в окошечко:
— Михаила Потык сын Иванович!
Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
Гди ты выпьешь, тут же в сон заснешь (Онеж., с. 179);*
- *Ставает тут Добрыня на резвы ноги,
Отдает ему великое почтениѣ
Ему нунь за весело пированиѣ.
И пошел же ко родители ко матушке
И к честной вдовы Офимьи Александровной.
Тут стретает его да родитель матушка,
Сама же тут Добрыне испроговорит:
— Что же ты рожоное не весело,
Буйну голову рожоное повесило?
Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Али ествы-ты были не по уму?
Али питыица-ты были не по разуму? (Онеж., с. 134)*

Такие же аналогии с былинными текстами обнаруживает и ПГЗ:

- *Какъ будетъ день уже до вечера <...>, отъ сна молодець пробужаетца, в тѣ поры молодець озирается: а что сняты съ него драгіе порты, чары и чулочки все поснимано <...>, а кирпичекъ положень подъ буйну его голову <...>, в головахъ мила-друга и близко нѣтъ (ПГЗ, с. 56 – 57) – ср.:*
- *Как ото сну богатырь пробуждается, На улицу он сам пометається, Выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов В тонких белых рубашки без пояса. Смотрит тут Михайло на вси стороны, А некого он не нагядел тут был (Онеж., с. 464).*

Наличие событийного НИ в памятниках, демонстрирующих очевидные аналогии с устными народными текстами, позволяет утверждать, что в XVII в. этот тип употребления Praesens Historicum был характерен для традиции фольклорного нарратива.

Что касается глаголов СВ, то из 20 имеющихся в нашем распоряжении случаев 2 соответствуют литературной норме (выражают «модальное значение нежелания произвести действия» [Бондарко 1958/2005: 467, 468]) – на них мы не будем останавливаться.

Еще в 9 случаях презенс СВ представлен в составе придаточного временного предложения с союзами *как, когда, егда*, аналогичное которому мы обсуждали выше, например:

- *<...> еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣтямъ по рыбу <...>, и у дѣтей накладше рыбы нарту болюю, и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ послѣ Рождества Христова и, егда буду нареди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу <...>; ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла, выбился из*

силы, вспотѣль и ноги не служатъ (ЖПА, ред. В, л. 84 об. – 85) – глагол имеет значение ‘оказаться, появиться’;

▪ И какъ будеть после честного стола пиръ на весело, и дѣвольскимъ омраченіемъ злодѣянница та княгина Марья, кума подкрестная, подносила чару питія куму подкрестному и била челомъ, здоровала съ крестникомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ. И въ той чарѣ въ питіи уготовано лютое питіе смертное (ПпСкШ, л. 897).

Описание пира в последнем контексте вновь указывает на следование устной народной традиции, устойчиво повторяющей этот эпизод в произведениях разных жанров, ср. фрагменты из ПГЗ и текстов былин:

- Какъ будеть пиръ на веселіе,
и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
и съдя всѣ похваляются, –
молодецъ на пиру не весель съдитъ,
кручиновать, скорбень, не радостень <...> (ПГЗ, с. 58);
- Солнышко идет на вечера,
А почетный пир идет на весели,
Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честном да наедалися,
Вси же на пиру и порасхвастались (Онеж., с. 154);
- А у солнышка да у Владимира
Пированьицо было на третий день.
А вси-то на пиру да напивалиси,
Вся же на честном наедалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались. <...>
Сидит молодой Ставѣр да сын Гоудинович,
Он не ест, не пьет, не кушаёт,
Да ничим Ставѣр не хвастает (Онеж., с. 181).

Именно к употреблению презенса СВ в придаточных предложениях с временными союзами (прежде всего с союзом *как*) А. В. Бондарко возводит

современные обороты типа (*вдруг*) *как прыгнет* с экспрессивным значением глагольной формы [Бондарко 1958/2005: 461 – 462].

Презенс СВ представлен и в независимых предложениях:

И я взялъ кадило и крестъ, благословилъ, и мѣсто все водою покропилъ; такъ перекрестилась и молвила: «отступили [бесы], отченько; но стужаютъ мнѣ и просятъ души моей; и я не могла отбыть, – отдала имъ душу свою, симъ крючкомъ вытаща». Я, старецъ, посмотрю в руку у нея – ано булабочка, крючикъ малехонекъ! И я отнялъ у нея, да зашумгълъ на служанокъ, нашто ей булавку дали. И онъ всѣ божатся: никакъ-де не давали! Ано ей бѣси дали булавку-ту! (ЖПА, ред. Б, л. 73 об.).

▪ *Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,*

а Горе подъ руку подъ правую:

научаетъ молотца богато жить

убити и ограбить,

чтобы молодца за то повѣсили,

или съ камнемъ въ воду посадили.

Спамятуетъ *молодецъ спасенный путь –*

и оттолкъ молодецъ въ монастырь пошелъ постригаться,

а Горе у святыхъ воротъ оставається,

къ молодцу впредь не привяжетца! (ПГЗ, с. 67)

В этих текстах, как и в былинах, не встретилось ни одного «чистого» оборота типа (*вдруг*) *как прыгнет* – сочетание «*как* + V» во всех случаях предполагает вторую часть с собственным предикатом, обозначающим следующее затем действие или событие. Глаголы внезапных мгновенных действий в рассмотренных текстах XVII в., в отличие от былин, вообще не встречаются. Заметим также, что и в былинах, и в текстах XVII в. наличие союза *как* не является обязательным – презенс СВ одинаково свободно употребляется с ним и без него, хотя тенденция к закреплению союза *как* при этой форме прослеживается.

Итак, в XVII в. разница в употреблении НИ в разных по степени книжности гибридных текстах еще достаточно заметна: в книжных контекстах по-прежнему преобладает событийное НИ НСВ, в некнижных презенс НСВ имеет в основном процессное значение. Однако тенденция, отмеченная в текстах XVI вв., проявляется здесь более отчетливо: процессное НИ НСВ и презенс СВ достаточно активно проникают в книжные контексты, в некнижных же растет частотность форм презенса НСВ в событийном значении.

I. 4. Итоги

Анализ функционирования презенса, обозначающего события в прошлом, в текстах Онежских былин и сказок, записанных в том же регионе, показал, что в основном употребление этой нарративной формы соответствует литературному: в подавляющем большинстве случаев в НИ употребляются глаголы НСВ, называющие последовательные или одновременные действия, то есть имеющие событийное или процессное значение. Главное отличие от литературной нормы заключается в более широком употреблении в этом временном плане глаголов СВ, способных обозначать законченные однократные действия.

Известно, однако, что в более ранние периоды развития русского языка событийное НИ НСВ было связано исключительно с книжной традицией и широко распространилось в церковнославянском языке со вторым южнославянским влиянием [Колесов 1976: 78; об этом также Шевелева 1986: 85 – 88; Пентковская 2008: 9; Духанина 2008: 205 – 206]. Употребление же аналогичной формы в эпических текстах, имеющих длительную историю, бытовавших только в устной форме и связанных исключительно с народным творчеством, очевидным образом не может ассоциироваться с церковнославянской традицией. Анализ разнородных в жанровом и

стилистическом отношении текстов, принадлежащим к разным периодам истории языка, позволил, как кажется, снять это противоречие.

По-видимому, можно говорить о том, что на протяжении нескольких веков, начиная с самых ранних восточнославянских повествовательных текстов и заканчивая XVII веком, непосредственно предшествовавшим появлению литературы нового времени, сосуществовали две разных традиции употребления НИ.

Одну из них мы находим в церковнославянских текстах высокой степени книжности: презенс НСВ употребляется только в событийном значении; процессное НИ НСВ и презенс СВ отсутствуют. Хотя НИ этого типа широко распространяется с началом второго южнославянского влияния, оно было известно и ранее (в частности, в ЖФП). Это употребление отличает книжные фрагменты летописных сводов XIV – XVI вв. и текстов XVII в., достаточно строго выдерживающих книжную норму. Применительно к периоду второго южнославянского влияния исследователи констатируют полное отсутствие у этого НИ какой-либо «живой образности», кроме собственно грамматической, присущей любой переносной грамматической форме [Шевелева 1986: 85 – 88]. Совершенно так же событийное НИ НСВ употребляется в древнерусском ЖФП и памятниках XVII в., следующих книжной норме. Каких-либо различий в функционировании этой формы в разные периоды не обнаруживается.

Второй вариант употребления НИ мы находим в ранних летописях, некнижных фрагментах сводов конца XIV – XVI вв., памятниках, связанных с устной поэтической традицией (Слово о полку Игореве, «Задонщина»). В этих текстах НИ НСВ имеет процессное значение, для выражения событийного значения используются глаголы СВ, а неохарактеризованные по виду основы возможны в обоих случаях. Как кажется, у нас слишком мало данных, чтобы говорить о полном видовом противопоставлении в этом временном плане (в памятниках XII – XIII и XIV – XV вв. оно встречается

очень редко), однако в названных текстах не встретилось ни одного примера событийного НИ от глагола НСВ.

Строгое распределение обоих вариантов НИ между книжными и некнижными контекстами сохраняется в рассмотренных текстах до XV в. включительно. Первые «нарушения» фиксируются в XVI в. и в XVII в. становятся уже достаточно заметными: в книжных контекстах появляются (хотя и очень редко) процессное НИ НСВ и презенс СВ, в некнижных же контекстах, напротив, глаголы НСВ встречаются уже не только в процессном, но и в событийном значении.

Интересно, что первые отмеченные случаи употребления глаголов не-СВ в событийном значении в некнижных контекстах представлены глаголами речи. Абсолютное большинство глаголов этого класса до самого позднего времени сохраняло видовую неохарактеризованность или имело омонимичные основы СВ и НСВ. При этом позиция введения чужой речи чаще всего не позволяет однозначно определить в таких случаях, в каком видовом значении выступает глагол, поскольку он фактически совмещает в своей семантике событийное значение (смена реплик в диалоге) и процессное (благодаря следующему затем высказыванию). Эти факторы могли способствовать тому, что среди глаголов НСВ именно глаголы речи первыми получили событийное значение. Данные XVII в. подтверждают этот предположение: большинство примеров событийного НИ представлено глаголами этого класса. «Неречевые» глаголы в этот период редки, хотя и более многочисленны, чем раньше.

Таким образом, если в древнерусский период в событийном значении выступали только глаголы СВ, то теперь они начинают делить сферу своего употребления с событийными НСВ. Но презенс СВ в этом значении продолжает употребляться в XVII в., в говорах же он известен до сих пор. Приписывать ему выражение значения «подчеркнутого предшествования» одного действия другому [Потебня 1941: 109; Бондарко 1959 / 2005: 461] кажется необоснованным. По-видимому, смена временных и/или видовых

значений в пределах одной цепочки действий имеет основной своей целью выделение одного события в ряду других, значение же предшествования является контекстуально обусловленным и не связано с собственно видовой семантикой формы настоящего времени. Во всех рассмотренных выше памятниках такая «выделительная» функция присутствовала не только у глаголов СВ, но также у НСВ и неохарактеризованных по виду глаголов. Разница между ними, как мы видели, лежала исключительно в плоскости видовой семантики: если последние два типа основ сохраняли значение процессности (вспомним, к примеру, глаголы движения, не утрачивавшие его даже в событийном значении), то СВ исключал его полностью.

Такое «некнижное» НИ обнаруживает очевидные аналогии с функционированием формы презенса в сказках и былинах. Кроме того, оно представлено в памятниках, отражающих устную поэтическую традицию (таких, как СПИ, «Задонщина») или особенности живой разговорной речи (ЖПА). Это позволяет предполагать, что именно такой тип НИ был характерен для живого языка. В отличие от первого типа, связанного исключительно с книжной традицией и сохраняющегося неизменным на протяжении всего рассмотренного нами периода, эта нарративная форма – как и любая живая грамматическая форма – переживала определенное развитие, итогом которого стало употребление в событийном значении глаголов НСВ при сокращении сферы употребления СВ (за исключением ряда говоров). Возможно, одним из ключевых факторов в процессе вытеснения СВ из сферы НИ оказалась грамматикализация значения будущего времени у презенса СВ¹.

¹ Хотя в некоторых славянских языках личная форма СВ может или могла употребляться и в значении будущего времени, и в НИ (А. В. Бондарко называет в числе таких языков, в частности, сербохорватский и словенский [Бондарко 1958/2005: 562]), она не является там основной формой будущего времени. В древнерусском языке раннего периода значение будущего времени не было грамматикализовано.

Можно предполагать, что и в древнерусском языке, и в более поздние периоды НИ выполняло экспрессивную функцию, свойственную этому временному плану и в современном русском языке, – изображение событий развивающимися «как бы на глазах у говорящего». В этой связи кажется верным предположение А. А. Потебни, объяснявшего замену греческих форм Praesens Historicum аористом в ранних славянских переводах тем, что «настоящее историческое, столь обыкновенное теперь <...>, дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон» [Потебня 1941: 158]. Возможно, распространение в книжных текстах в период второго южнославянского влияния НИ, калькирующего греческую форму, позволило живой форме презенса из устной повествовательной традиции проникнуть в письменную, сохранив при этом отличающую ее экспрессию. На это, в частности, указывает тот факт, что в повестях XV в. (в том числе книжного характера) появляются случаи употребления процессного НИ НСВ и презенса СВ в качестве стилистического приема, призванного «оживить» повествование.

Наконец, возвращаясь к Онежским былинам, заметим, что они фиксируют архаичный по отношению к литературному языку вариант видового распределения в НИ, заключающийся в более широком употреблении в этом временном плане основ СВ. Заметим при этом, что употребление презенса СВ в южнорусских былинах не отличается от современной литературной нормы.

Что же касается употребления в фольклорных текстах НСВ в событийном значении, то оно, как мы увидели, является естественным продолжением тенденции, начавшейся в живом языке в XV – XVI вв., и не связано с существовавшей в то же время церковнославянской традицией употребления этой нарративной формы.

Глава II. Прошедшее НСВ в событийном значении

Характерной особенностью языка русских былин является использование форм несовершенного вида прошедшего времени при обозначении нового действия, продвигающего повествование. Подобные употребления в эпических текстах являются одной из самых частотных и регулярных повествовательных форм, ср.:

- *Зовет его Вольга Всеславьевич
С собою ехать в Курчовец,
С собою ехать в Ореховец.
Не отнимался Викула Селягин сын,
Выпрягал кобылку он солову,
Клал сошку на ноженку,
Липнул сошку далеко в край.
Садился на кобылку на солову,
Поехал Викула Селягин сын (Онеж., с. 109).*

Однако очевидно, что такое употребление НСВ совершенно нехарактерно для современного русского литературного языка (за редкими исключениями, о которых будет сказано ниже) и заслуживает отдельного исследования.

II. 1. История вопроса

II. 1. 1. Как было сказано во Введении, НСВ в своем основном значении предполагает неизменность ситуации: глагол НСВ обозначает «одну и ту же ситуацию, одно и то же (= неизменное) положение вещей», в то время как СВ предполагает переход из одного положения вещей в другой [Шатуновский 2009: 25]. Обратившись к былинам, мы увидим, что интересующие нас глаголы НСВ соответствуют скорее определению СВ: они обозначают единичное определенное событие, приводящее к изменению ситуации.

Одним из первых способность прошедшего НСВ обозначать последовательные действия отметил как характерную особенность былинных текстов А. А. Потебня, приведя примеры, «подобные коим можно встретить на каждой странице любого издания былин», из текстов, собранных П. В. Киреевским, П. Н. Рыбниковым, Е. В. Барсовым и др. [Потебня 1941: 65, 69]. «Постоянное стремление <...> употреблять глаголы более длительные вместо менее длительных и конкретных, несовершенные вместо совершенных» А. А. Потебня объясняет «слабостью синтеза, низкой степенью отвлеченности <...> мысли [певца], медленностью ее течения»: «Его [певца] мысль дольше останавливается на том, что предшествует результату, вследствие чего он изображает действие еще совершающимся» [Потебня 1941: 69 – 70].

Д. С. Лихачев интерпретирует подобные формы в связи с проблемой «замедления / ускорения» художественного времени былины и считает, что формы прошедшего времени НСВ, как и формы НИ, выполняют прежде всего изобразительную функцию, которая связана «со стремлением условно приравнять время исполнения былины ко времени действия в ней» [Лихачев 1979: 234].

Б. М. Гаспаров относит глаголы НСВ в прошедшем времени в значении совершенных однократных действий к числу «протяженных глагольных форм», употребление которых продиктовано «ритмическими требованиями эпического стиха и его музыкального распева», а также присущей ему «стратегии расширения», «протяжения» [Гаспаров 1995: 4 – 5, 9]. «Скрадывание» видовых различий Б. М. Гаспаров рассматривает как одно из средств (наряду с двойной префиксацией, повтором и вокализацией предлогов и др.) создания особого «эпического модуса повествования», для которого характерно «ощущение повышенной протяженности, плавно текущей длительности, по сравнению с обычным, неэпическим рассказом» [Гаспаров 1995: 10 – 11].

Такое употребление прошедшего НСВ М. Я. Гловинская называет «значением “сказового” действия», отмечая при этом, что представление действия «более растянутым, как бы замедленно протекающим на глазах говорящего и слушающего от начала и до конца» полностью соответствует «общей замедленности изображаемого течения событий», характерной для былинного нарратива [Гловинская 2001: 188].

Как уточняет М. А. Шелякин, способность прошедшего НСВ называть завершённое действие не предполагает видовой двусмысленности этих форм, поскольку это значение (или, в терминологии М. А. Шелякина, единично-фактическая функция) не может быть выражено ими самостоятельно, вне контекста последовательных событий [Шелякин 2006: 22].

Способность глаголов НСВ в прошедшем времени «вторгаться в область употребления форм СВ в аористой функции без какой-либо лексической поддержки» отмечает Е. В. Петрухина, отдельно подчеркивая стилистическую маркированность такого употребления [Петрухина 2000: 81 – 82]. В текстах «былинного, сказового типа» глаголы НСВ, выступающие фактически вместо СВ, «актуализируют протяженность, длительность каждого из последовательных действий» – такое значение НСВ исследователь называет процессно-фактическим, причем другой формой его выражения служит НСВ в настоящем историческом [Петрухина 2013: 56].

Б. А. Успенский функционально сближает формы НСВ прошедшего времени и НИ, но его в большей степени интересует «точка зрения» повествователя: употребление названных форм маркирует перемещение автора (в былинах, соответственно, исполнителя) в систему временных координат его героя, поэтому в подобных случаях имеет место «синхронная авторская позиция» [Успенский 2005: 97]. Употребление л-формы НСВ для обозначения законченных однократных действий в фольклорных текстах и нефольклорной художественной литературе Б. А. Успенский связывает с условиями письменной (литературной) речи и выделяет как специальную

повествовательную форму, соотносимую, например, с английским continuous [Успенский 2005: 100 – 101].

Е. В. Петрухина подробно останавливается на «вторичной (аористой) функции» форм прошедшего НСВ, способных «передавать не только фон, но и этап повествования» [Петрухина 2009: 143]. По наблюдениям исследователя, без определенной лексической поддержки такое употребление НСВ оказывается стилистически маркированным, что делает эти формы востребованными не только в фольклорных текстах, но и в современной художественной литературе [Петрухина 2009: 144 – 145].

В диахроническом аспекте подобные формы рассматриваются только в работе О. В. Кукушкиной и М. Л. Ремневой. Употребление в цепи однократных завершенных действий бесприставочных глаголов, имеющих в современном языке значение НСВ, рассматривается как доказательство их исконной неохарактеризованности. Распространение же подобного употребления на приставочные основы НСВ названо вторичным явлением, которое объясняется влиянием исконно неохарактеризованных глаголов и превратилось в стилистический прием, «стилистическую примету фольклорного языка» [Ремнева, Кукушкина 1984: 45 – 46].

Несмотря на то что способность прошедшего НСВ обозначать последовательные события является одной из самых ярких особенностей былинного нарратива, специальных исследований, посвященных этой форме не существует.

II. 1. 2. Обратившись к вопросу происхождения интересующего нас употребления НСВ в былинах, мы не можем не сопоставить его с употреблением в восточнославянских письменных текстах древнего функционального эквивалента л-форм НСВ – имперфекта, поскольку отдельные исследователи отмечали случаи использования этой формы для обозначения однократных завершенных событий, то есть в несвойственной ей функции.

В исторической русистике остается дискуссионным вопрос о соотношении видовой и временной семантики в простых претеритах. Положение о том, что противопоставление аориста и имперфекта сводится к оппозиции СВ и НСВ (так называемая «видовая теория»), уже не пользуется значительной поддержкой. Большинство исследователей придерживается мнения о «некоторой близости значений СВ и аориста и соответственно НСВ и имперфекта, но в то же время об отсутствии их тождества» [Маслов 1984/2004: 40]. Тем не менее традиционно предлагаемые формулировки семантики аориста и имперфекта, как правило, приближены к определениям видовых значений.

П. С. Кузнецов в числе значимых признаков аориста называет обозначение действия, «осознаваемого (говорящим) как целое, не расчлененное на отдельные моменты», основные же составляющие семантики имперфекта – длительность, неограниченность во времени и повторяемость, но «опять-таки без ограничения этой повторяемости» [Кузнецов 1963/2006: 257 – 258].

Важность «обозначения внутреннего времени или структуры действия» в семантике имперфекта подчеркивает О. Ф. Жолобов, лаконично определяя значение этой формы как «значение текущего, длящегося действия презенса, перенесенное в прошедшее» [Жолобов 2016а: 67].

Аналогично определяет категориальное значение имперфекта Ю. С. Маслов: «неограниченность протекания или повторения действия или состояния, неограниченная продолжительность, непрерывная или прерывистая; действие или состояние рассматривается *in medias res*, в середине своего течения или многократного возобновления»; аорист же «просто констатирует действие, событие как факт прошлого» [Маслов 1984/2004: 39].

Е. Н. Этерлей характеризует действие, выраженное имперфектом, как «лишенное поступательного момента и не продвигающее повествование», тогда как действие, выраженное аористом, отличается «активным,

действенным, направленным характером». Общим инвариантным значением имперфекта, отличающим его от аориста и определяющим все остальные частные значения она считает «статичность действия» [Этерлей 1970: 21, 29].

Спецификой семантики простых претеритов обуславливается и их употребление: если аорист «последовательно используется при “хронологическом” изложении событий», то имперфект «появляется при описании событий синхронных, относящихся к определенному периоду прошлого» [Хабургаев 1981: 301]. Г. А. Хабургаев подчеркивает, что выбор формы (аориста или имперфекта) зависит «от интерпретации действия в соответствии с авторскими задачами»: называя факты, относящиеся к прошлому и не связанные с настоящим, говорящий использует аорист, «когда надо было сообщить, что это произошло; имперфект – когда надо было сообщить, что это происходило так...» [Хабургаев 1981: 302].

Сходство (но не тождество!) грамматической семантики и функциональных особенностей имперфекта и л-форм НСВ является, таким образом, достаточно очевидным: «семантика несовершенного вида (фокус внимания на действии в процессе протекания) хорошо сочетается с семантикой имперфекта (обозначение фоновых состояний, длящихся и повторяющихся действий), а такие семантические компоненты, как фокус внимания на достижении предела и ретроспективность, хорошо сочетаются с семантикой аориста, обозначающего событие в прошлом» [Мишина 2015: 164]. В этой связи сопоставление такой редкой функции имперфекта, как обозначение однократного завершеного действия, продвигающего повествование, с аналогичным употреблением НСВ в былинах представляется оправданным.

Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о функциональном сходстве данных форм. В исторической русистике нет единого мнения относительно того, был ли имперфект живой формой в древнерусском языке, и о том, когда он утратился. С точки зрения А. И. Соболевского, Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецова, Дж. Ланта и др., система прошедших времен, состоявшая из

четырёх форм, начала перестраиваться не ранее XIII в. и имперфект до этого времени был живой древнерусской формой. Г. А. Хабургаеву принадлежит гипотеза, согласно которой после утраты в праславянском языке индоевропейского имперфекта славянский имперфект как морфологическая инновация возник только в южных позднепраславянских диалектах. В северных и северо-восточных диалектах он не сформировался вообще и, соответственно, правильное употребление форм имперфекта в ранний период в восточнославянских памятниках обусловлено исключительно следованием южнославянской традиции [Хабургаев 1991: 42 – 54]. Наконец, Л. П. Якубинский предполагал, что формы имперфекта и аориста являлись архаизмом по отношению к живому древнерусскому языку раннего периода, но не были элементом исключительно книжной южнославянской традиции [Якубинский 1953: 289, 313]. А. А. Зализняк развивает эту мысль и считает, что длительный процесс утраты простых претеритов предполагает сохранение их в пассивном знании, аналогично французской повествовательной форме *passé simple*, чем и объясняется правильное употребление этих форм в раннедревнерусский период [Зализняк 2004: 173 – 174].

В задачу данной работы не входит непосредственное изучение вопроса о наличии или отсутствии имперфекта как живой формы на восточнославянской территории. Существование имперфекта в праславянский период, а также наличие его в некоторых современных славянских языках позволяет привлекать его как форму, аналогичную по *функции* некнижной форме прошедшего НСВ, независимо от того, был ли имперфект живой формой в древнерусский период.

По данным некоторых исследователей, в восточнославянских памятниках – как в книжных житиях, так и в летописях – отмечается употребление имперфекта, аналогичное тому, какое мы встречаем в былинах.

Принципиальную способность имперфекта обозначать однократные завершённые действия, продвигающие повествование, впервые отметил

Р. Ружичка. В тексте Повести временных лет он обнаружил «такие примеры, в которых имперфект глагола, не бывшего в древнерусском языке совершенным, должен быть передан согласно современным нормам синтаксического употребления видов совершенным претеритом», проиллюстрировав этот тезис следующими контекстами: *се слышавше людье с радостью идяху; и хотяще поити в Русь . и идяше с ними никтоже от дружины княжее* (в Радзивиловской летописи и Московском Академическом списке – *не идяше с ними от дружины княжее*) [Ружичка 1962: 317].

Употребление имперфекта для обозначения одного из последовательных событий в цепочке отмечали также К. Схонефельд и Е. Н. Этерлей [Schooneveld 1959: 34 – 58; Этерлей 1970: 15].

П. В. Петрухин также обнаруживает в древнерусских летописях примеры, иллюстрирующие способность имперфекта называть новые события в нарративной последовательности; имперфект в этой функции он называет консекутивным [Петрухин 2001: 223 – 224]. Сравнивая Лаврентьевский и Ипатьевский списки Повести временных лет, П. В. Петрухин замечает, что в ряде случаев в одном списке глагол стоит в форме имперфекта, а в другом – тот же глагол, но в форме аориста, ср. его примеры:

И при 9-мь часть испусти духъ Исусъ. и церковъная запона раздрася надвое. и мертви въстяху мнози. имъже повелъ в раи быти (Ипат. лет., л. 40 об.; Лаврентьевская летопись, л. 35 об. – *всташа*);

И ту абье повелъ копати. преку трубамъ. и переяша воду. и людье изнемогаху жажею водною. и предашася (Ипат. лет., л. 41 об.; Лавр. лет., л. 37 об. – *изнемогоша*);

Избывъ же Володимѣрь сего. постави церковъ. и творяше праздникъ великъ. варя 300 переваръ меду (Ипат. лет., л. 47; Лавр. лет., л. 43 – *створи*);

И приведоша я къ кладязю. идѣже цѣжъ. и почерпоша въдромъ. и льяху в ладкы (Ипат. лет., л. 48; Лавр. лет., л. 44 об. – *ляша*).

Во всех приведенных примерах формы имперфекта употреблены в значении единичного завершеного действия, продвигающего повествование и не являющегося при этом фоновым, сопровождающим другое действие. При этом замена имперфекта на аорист в списках Повести временных лет подтверждает, что именно он был «обычным» в подобного рода функции [Петрухин 2001: 225]. П. В. Петрухин подчеркивает, что такое употребление имперфекта возможно только в определенного типа контекстах, причем в старорусских текстах оно «уже характеризует не разговорный узус (если брать видовую основу), а письменную традицию» [Петрухин 2002: 258].

Ранее возможность обозначения цепи последовательных завершеного действий (или одного из событий в цепочке) посредством формы имперфекта обнаружила в церковнославянских житийных текстах М. Н. Шевелева. Она называет подобное употребление «выделительной функцией имперфекта» и приводит, в частности, следующий пример:

Бяше нѣкто святаго ученикъ, Антоние именов, великъ сый по Бозѣ житием и разсужение имѣя въ иночьских и въ мирских. Сего убо блаженный Кирилъ единою лѣтом посылаше купити еже к тельсней потребѣ братиам – рекше одежду и обузу, масло же и прочая (Житие Кирилла Белозерского, 23 об., XV в.) [Шевелева 1986: 42].

М. Н. Шевелева отдельно подчеркивает, что такое употребление имперфекта подтверждает интерпретационный характер противопоставления имперфекта/аориста: «представление действия в процессе/не в процессе его развертывания зависит от языковой интерпретации, а не от объективного характера действий» [Шевелева 1986: 43].

По данным целого ряда исследователей, в системах славянских языков на разных этапах их развития также обнаруживалось употребление имперфекта для обозначения однократного завершеного действия.

Описывая систему времен старославянского языка, И. К. Бунина пишет, что «для обозначения действий, составляющих одно из последующих

звеньев в цепи событий данного периода прошлого», могли употребляться формы не только аориста, но и имперфекта: последние в соответствующих контекстуальных условиях могли называться как завершённые действия, так и «действия, неохарактеризованные со стороны своей законченности» [Бунина 1959: 107, 93]. Ср. ее пример из Мариинского евангелия: *възиде же на гору ис. і тоу сѣдѣаше съ оученикы своими* (Ин 6:3) [Бунина 1959: 107].

И. К. Бунина объясняет такое употребление имперфекта, исходя из общей концепции разделения времен в болгарском языке (как древнем, так и современном) на абсолютные и относительные. В соответствии с этой концепцией имперфект как относительное время выражает второстепенное действие, время которого соотносится со временем главного события, названного аористом. Однако, не касаясь общей трактовки имперфекта как времени относительного или абсолютного, отметим пока только саму возможность употребления в старославянском языке форм имперфекта наряду с формами аориста для обозначения действий в «цепи последовательно развивавшихся событий» [Бунина 1959: 104], поскольку такая функция имперфекта оказывается аналогичной той, в которой регулярно употребляются формы НСВ в былинах.

Соответствующее употребление имперфекта (если в языке сохранилась оппозиция аорист / имперфект) или л-форм НСВ (если оппозиция не сохранилась) известно также в некоторых современных славянских языках.

В современном болгарском языке длительное действие может быть обозначено формой имперфекта НСВ только в том случае, если оно не составляет нового этапа в продвижении повествования. Но на более раннем этапе развития языка, как отмечает Ю. С. Маслов, имперфектом могло быть обозначено длительное и при этом завершённое действие, продвигающее повествование, в подтверждение тому исследователь приводит пример М. Деяновой из Тихонравовского Дамаскина: *И влезе врѣху водата и ходеше*

и приближи се при краи ('И ступил на воду, и ходил, и приблизился к краю') [Маслов 1984/2004: 237 – 238].

В сербском языке оппозиция «аорист/имперфект» является архаизмом – уже несколько десятилетий назад имперфект достаточно редко употреблялся в повествовании. Эта форма обозначала длительное или повторяющееся действие в прошлом, но тем не менее ее употребление также было возможно для обозначения последовательных завершенных действий. Например: *Stojan ustuknu kad je opazi i dugo vremena gledaše je, ne zboreći ništa i ne trepćući očima* ('Стоян отпрянул, когда ее увидел, и долго смотрел на нее, не говоря ни слова и не моргая') [Маслов 1984/2004: 242].

Наконец, в чешском языке, где утратилось противопоставление аориста и имперфекта, в указанной функции употребляется претерит НСВ: *Bretschneider umkl a díval se zklamané po pusté hospodé* (Бретшнейдер замолчал и стал с разочарованием рассматривать пустой трактир) – букв. замолчал и смотрел [Маслов 1984/2004: 232]. Это именно такие формы, которые характерны для былинного нарратива.

Таким образом, в современных славянских языках также обнаруживается употребление для обозначения однократного завершенного действия как имперфекта, так и л-форм НСВ, что подтверждает их функциональное сходство.

Возможность обозначения с помощью имперфекта не фоновых, но основных действий, однократных, завершенных и продвигающих повествование, отмеченная исследователями в гибридных и книжных памятниках, созданных на территории Древней Руси, а также в ряде славянских языков, как современных, так и древних, обнаруживает аналогию с интересующим нас употреблением прошедшего НСВ в былинах. В этой связи представляется интересным не только подробнее проанализировать эпические тексты в этом аспекте, но и сопоставить их с более ранними памятниками.

II. 2. Прошедшее НСВ в событийном значении в Онежских былинах

В рассмотренных текстах былин встречается более 1500 случаев употребления глаголов НСВ в значении однократных завершённых действий, несвойственном им в современном литературном языке, например:

- *А скорешенько ставала на резвы ноги,
Здумала своим умом-разумом,
Садилась на ременчат стул,
Подбривала волоса свои женскии по мужичьему,
Надевала она платьица мужичьи,
Седлала она добра коня.
Как видли Настасьюшку сядучи,
И не видли Настасьюшки поедучи (Онеж., с. 270);*
- *Умывался тут Добрыня в ключеву воду,
Сокрутился тут Добрыня в платье цветное,
Выходил он во свою конюшню белодубову,
Брал да своего-то сиза бурушка <...>.
Надевал он уздицу тесмяную,
Кладывал он потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Седельшко черкальского (так),
Двенадцать подпружек шелковых,
Не ради красы, не ради басы,
Ради крепости богатырския (Онеж., с. 345 – 346) и др.*

Надёжных примеров не встретилось только в текстах С. Койбина, однако А. Ф. Гильфердинг замечает, что «он знает содержание многих былин, но рассказывает их словами, некоторые в прежнее время певал, теперь мог припомнить “голосом”, т. е. нараспев, только одну, про грозного царя Ивана Васильевича» [Гильфердинг 1949: 292]. В текстах остальных исполнителей НСВ в указанном значении – одна из наиболее частотных и

регулярных глагольных форм наряду с НИ и прошедшим СВ. Можно встретить практически одинаковые контексты, отличающиеся друг от друга только повествовательными глагольными формами. Ср.:

- *Ставае он по утрушку ранехонько,
Умывается он да и белехонько,
Снаряжается да хорошихонько,
А седлае своего да он добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
А на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седельшко,
И садился тут Добрыня на добра коня <...> (Онеж., с. 135);*
- *Как скоро тут Добрынюшка седлал добрых коней,
Кладывал он подпруги на подпруги
А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Седельшка еще на седельшка,
Черкальское седёлко наверх еще <...> (Онеж., с. 441).*

Первый из представленных контекстов показывает также, что исполнители достаточно свободно меняют временные планы, сохраняя в обоих случаях НСВ и «представляя действия совершенно однородные то настоящим, то прошедшим» [Потебня 1941: 69].

Прошедшее НСВ в интересующем нас употреблении оказывается достаточно частотной повествовательной формой и в южнорусских эпических текстах – в рассмотренных нами былинах встретилось более 400 случаев, приведем один из них:

- *Он обратывал Добрыня,
Ой, свово дóброго коня,
Да сядлал его седелищем
Да не влáданым <...>,
Поклада он, ну, Добрыня,*

*Вот потник шёлковый,
Подтягал жа он да подпружечки,
Вот тесьмёные <...>,
Да и брал с собою плёточку
Всё двухпудную <...> (ЮжнБ, I, с. 87).*

Такое употребление прошедшего НСВ мы можем найти не только в текстах былин, но и в целом ряде других жанров русского фольклора. Так, материал, собранный М. А. Колосовым, демонстрирует наличие подобных форм в колядках, свадебных и лирических песнях:

- *Как заутра ко Натальѣ*

К ней сваты то приѣзжали,

Што съ собою ее брали,

Што к Ивану то вручалы,

Ты владѣй-владѣй, Иван свѣт,

Ты владѣй-владѣй, Васильевич,

Ты владѣй нашей Наташей,

Ты владѣй же Константиновной [Колосов 1877: 150, свадебная песня].

Прошедшее НСВ в значении завершённых однократных событий встречается в сказках, записанных как в севернорусских говорах, так и в других регионах. В рассмотренных нами текстах сказок встретилось более 200 примеров, среди них, в частности, следующие:

- *Благословился Федор-царевич ко своей матери за синёе морё бежать и пошел на караб. Заходят они на караб, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побегали за синёе морё. Дал им бог тишины пособной (СкАз, I, с. 111, Коми);*

- *Взял Иван-царевич, оцанил этого коня и поехал. Приезжае сюда. Вот лиса и говорить: «Вот, Иван-царевич, бери, перьву с тобой согласится эта княгина». Иван-царевич подходил к этой княгине. Потом княгина соглашению дала (СкПушк, с. 55. Псковская обл.);*

- Ну пригнал ён коровушок к старушки домой. «Давай, старуха, деньги мои, зажилыи мои, коровушки дома твои». Старушка деньги отдавала, хперёд ёу нанимала на третей день. Еще денёг дороже ёму давала, ёна ёму давала пятьдесят рублей, а от нёго шестьдесят (она всё выше сибѣ берёт, а ниже ёму даёт). И, Господи, стала дочёрей (этых нетёлок, это её дочери) бить и говорит: «Так бежыте в синёэ морё, и ён как выгонит вас на луг, так вы падитё в синё мёрё». И ён пастух выстал по ўтру и согнал скотину на долину; тут некёлки розбежались, пали в синёэ море (ССк, с. 212).

Как и в севернорусских былинах, рассказчики меняют временные планы, обращаясь как к прошедшему, так и к НИ. Так, в одной из сказок повторяющийся эпизод в первом случае рассказан с использованием НИ, а во втором и последующих – прошедшего НСВ:

- Стават царь-чернокнижник поутру рано, затопляет печку, садится на ремещат стул, берёт свою книжку волшебную, начал читать-гадать, куда молодец ушел <...> (СкАз, I, с. 99, Коми);

- Царь-чернокнижник ночью просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался, полотёнышком утирался, затопил свою печку, берет свою книгу волшебну, садился на ремещат стул, начал читать-гадать, куда молодец ушел <...> (СкАз, I, с. 100, Коми).

По наблюдениям А. А. Потебни, подобные формы многочисленны не только в русских былинах, но также в украинских думах и песнях:

- Він тоді добре дбав, чоботи татарьські истягав, на свої козацькі ноги обував;

Одежду истягав, на свої козацькі плечи надівав;

Бархатный шлик издиймає,

На свою козацьку голову нидіває,

Коня татарьского за поводи взяв,

У город Січи припав [Потебня 1941: 70];

- Тоді-то... Хмельницький до сходу сонця уставав,

Під город Поляное ближсей прибуває,

Пушку сироту упереду постановляє,

У город Поляного гостинця подавав [Потебня 1941: 71].

Таким образом, возможность употребления НСВ для обозначения последовательных завершённых действий явно не ограничивается ни жанром былин (хотя и сохранилась там лучше всего), ни севернорусской территорией, а была известна значительно шире.

Из приведенных примеров хорошо видно: глагол в интересующем нас употреблении называет единичное завершённое действие в прошлом, предполагающее переход к новой ситуации, а цепочка форм обозначает последовательность действий. В отличие от «обычных» глаголов НСВ в конкретно-процессном или неограниченно-кратном значениях, в былинах прошедшее НСВ характеризуется ретроспективной позицией наблюдателя: ситуация рассматривается «извне». Соответственно, прошедшее НСВ характеризуется особенностями, которые принято указывать в качестве инвариантного значения СВ.

Обратившись к перечню частных видовых значений, мы также найдем, что интересующему нас употреблению НСВ в наибольшей степени соответствует конкретно-фактическое значение СВ. Среди частных значений, выделяемых для НСВ, наиболее близким к былинному употреблению могло бы показаться общефактическое, однако «событие (и процесс) превращается в факт, когда оно отвлечено, извлечено из реальной цепи событий, из цепи причин и следствий, когда в фокус перенесено то, что это имеет место», то есть основным признаком общефактического значения становится неопределенность [Шатуновский 2009: 139, 142], «внимание не сосредоточено на самом процессе действия, следовательно, не может акцентироваться и направленность действия на достижение результата», в таких случаях имеет место «обобщенное выражение факта самого по себе, без всякой дальнейшей конкретизации характера протекания действия»

[Бондарко 1971: 29]. Очевидно, что характеристики общефактического действия неприменимы к интересующему нас употреблению прошедшего несовершенного: действия, названные этой формой, представляются как конкретные, определенные, они всегда четко локализованы во времени (в эпическом, текстовом времени былины), связаны с определенной ситуацией и направлены на достижение результата, обычно являясь одним из звеньев в цепи последовательно разворачивающихся событий.

Разница между общефактическим значением НСВ и тем употреблением, которое мы находим в былинах, становится особенно наглядной на примере некоторых глаголов движения. Так, форма прошедшего времени от глагола *идти* не употребляется в общефактическом значении – для выражения последнего используется форма от основы *ходить*. Употребление формы *шел* (а не *ходил*) исключает возможность прочтения контекста как общефактического:

- *Шел же тур да златорогии*

А во то было во стадо во скотинное,

Ко тому было ко скóту ко рогатому,

Притоптал же всих коров да до единою,

Не оставил им коровушки на симена (Онеж., с. 127) – в общефактическом контексте мы обнаружили бы здесь форму *ходил*.

Показательно для определения семантики глаголов НСВ и поведение реверсивных глаголов. В обычном случае в прошедшем времени глаголы НСВ получают значение аннулированного результата: *приходил [и ушел]*. Ср. тот же глагол в былинах:

Ср. тот же глагол в былинах:

- *Пошол тут Ильюшенка скорым скоро*

Той ли-то каликой перехожею.

Как приходил Ильюшенка во Царь-от град,

Хватил он там татарина под пазуху,

Вытащил его он на чисто полё,

Как начал у татарина доспрашивать <...> (Онеж., с. 431);

- *Прознала это дело тут Васильёва матушка,
Пало тут еще к ей известьицо,
Наб-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы с хоробрыма
А на том мосточику на Волховом.
Ну **приходил** Васильюшко назад домой
Ко своей ко родной ко матушке,
Ко честной вдовы к Офимье к Александровной.
Как тут эта Васильёва матушка
Положила спать во погребы глубоки,
Замнула молодца его во погребы (Онеж., с. 504).*

Значение аннулированного результата здесь отсутствует: прошедшее НСВ обозначает одно из последовательных действий, результат которого не только не аннулирован, но находится в фокусе.

Отдельные сочетаемостные особенности, характерные для былинного употребления прошедшего НСВ, в литературном языке, напротив, отличают СВ – в частности, способность сочетаться с наречием *вдруг*:

- *Идёт-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Вдруг посылал он повесточку
К старому казাকে Ильи Муромцу,
К Ильи Муромцу да во чисто полё,
Поспевал бы он да на боицо (Онеж., с. 275).*

Очевидно, что общефактическое значение не может быть приписано глаголам НСВ в подобных контекстах.

Если в литературном языке глагол НСВ, входящий в нетривиальную видовую пару, называет какую-то фазу процесса совершения действия, а соответствующий ему глагол СВ обозначает сам момент завершения действия (с возможным включением предшествующего этапа процесса)

[Маслов 1948/2004: 83; Булыгина 1982: 84 – 85; Падучева 1996: 89], то в былинах глаголы НСВ этого типа, называя последовательные события, фактически включают в свою семантику значение достижения результата, которое в литературном языке характерно для СВ. Например:

- *А ставали ведь тут сильнии могучи богатыри,
А скоро-то ставали на резвы ноги
А й выходили-то оны да из шатра долой,
А садились оны да на добрых коней,
А спущались оны да с высокой горы,
Нападали на поганных татаровей,
А прибили, прирубил да всю силу ту несметную (Онеж., с. 531);*
- *А й берет ведь старый-то Маришку за белы руки,
Выводил-то Маришку во чисто полё,
А й вязал-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивал-то старый да свой тугой лук <...>,
Роздробил-то у Маришки ретиво сердце (Онеж., с. 536).*

Употребление НСВ в событийном значении не означает, впрочем, отождествления его с СВ: НСВ, как кажется, ни в каком случае не утрачивает семантического компонента процессности.

К этой же группе относятся глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта», обозначающие такие действия, которые, «даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся “неэффективными”, безуспешными» [Маслов 1948/2004: 86]. Это прежде всего глаголы речи и чувственного восприятия: *говорить, сказать, благодарить, видеть, слышать* и т. п. Противопоставление НСВ/СВ в таких парах в литературном языке разграничивает значения длительности / мгновенности действия соответственно. В былинах же такие глаголы НСВ, хотя и обозначают последовательные действия, не приобретают при этом характерного для СВ значения мгновенности, ср.:

- *Зашел он в стойло лошадиное <...>,

И начал по белу шатру он побегивать,

А ведь бел шатер стал подрагивать.

А **говорил-то** тут младенчик таково слово:

— А не наш ли то дядюшка побегивает,

Что бел шатер да подрагивает? (Онеж., с. 392)*
- *Как царь-тот Костянтин Боголюбович

Насыпал ему чашу красна золота,

А другую-ту чашу скачна жемчугу,

Третью еще чиста серебра.

Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,

Высыпал-то в карман злато серебро,

Тот ли-то этот скачный жемчужок,

Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:

— Это ведь мое-то зарбочее (Онеж., с. 435).*

Значение завершенности сочетается здесь со значением длительности действия.

Глаголы НСВ, образующие тривиальные видовые пары, называют «многократное повторение той ситуации, которая обозначена глаголом СВ» [Падучева 1996: 89]. Глаголы СВ, образующие видовую пару с глаголами НСВ этой группы, обозначают «факт скачкообразного, “точечного” перехода к новому качеству» [Маслов 1948/2004: 88], причем, как замечает Т. В. Булыгина, глаголы НСВ «всегда обозначают именно событие (или ряд событий), а не процесс» и вообще не могут участвовать в «процессуальной предикации» [Булыгина 1982: 64 – 65].

В интересующем нас употреблении значение многократности у подобных глаголов НСВ отсутствует, ср.:

- *И тот же князь да Карамышевской

Заводил же он тут да почестный пир,

На князей пир да он на бояр пир*

И на всих гостей да званых браньих.

Приезжали тут Илья да кум же темный,

Илья да кум же темный разбойничёк

Со своей было дружинишкой хороброю,

И с Гришкой нынь с Олешкой со Баскаковым,

На то же на велико пированиё

А на тот же на почестный пир (Онеж., с. 215);

- *С горы на гору да с холмы на холму*

Реки взял озера перескакивал,

Широки раздолья промеж ног пуцал.

Он ко городу ко Киеву прискакивал.

Приезжае что ли к солнышку к Владимиру,

А ко князю столье-киевскому (Онеж., с. 200).

В последнем примере разница между литературным и былинным употреблением НСВ глаголов этого типа представлена особенно наглядно: в одном и том же контексте два глагола НСВ (*перескакивал*, *пуцал*) обозначают (как и в литературном языке) многократно повторяющиеся действия, а глагол *прискакивал* – однократное законченное действие.

К этой же группе относятся видовые пары, СВ в составе которых обозначает мгновенное действие, «выполняемое одним движением, в один, неразложимый на составные части прием» [Маслов 1948/2004: 88]. Парные им глаголы НСВ в литературном языке также ни в каком случае не могут обозначать действие в процессе его осуществления и употребляются для обозначения ряда однородных действий. Это глаголы типа *качать(ся) / качнуть(ся)*, *махать / махнуть*, *ударять(ся) / ударить(ся)* и т. п. В былинном нарративе подобные глаголы НСВ вполне могут обозначать однократные действия, например:

- *Спомнил тут он прежний завет-то свой,*

Кидал он эту чару зелена вина,

Зелена вина да на сыру землю,

Хватал тут Марью лебедь белу королевичну,

Кидал он Марью о сыру землю (Онеж., с. 362 – 363);

- *Горносталь же был тот поверток,*

Да в рукав-то горносталь да вон выскакивал,

Что ль в окошечко да вон вымахивал.

Обвернулся он да черным вороном (Онеж., с. 233);

- *Как тут-то в земли Сарацинских*

Теремы во царствии пошатались,

Хрустальные оконницы посыпались

А от того от крику от каличьяго.

Как тут она в окошко по поясу бросалася,

А этая-то Марья лебедь белая,

А смотреть-то калик переходящих.

А смотрит, что сама вопроговорит:

– Прекрасный ты царь Иван Окулевич!

А это не калики, есть русские богатыри <...> (Онеж., с. 483).

В разделе I. 2. 2, посвященном настоящему историческому СВ, мы отдельно обсуждали глаголы мгновенных действий: исследователями подчеркивается тот факт, что в оборотах типа (*вдруг*) как прыгнет принципиально возможен только СВ, поскольку семантика НСВ несовместима с выражением внезапного наступления и особой интенсивности действия [Бондарко 1958/2005: 454]. Наличие у былинного НСВ специфической возможности обозначать завершённые однократные действия не соответствует этому утверждению: как видно из приведенных примеров, основа НСВ, в принципе, не мешает выражению указанного значения.

Оказывается, таким образом, что в фольклорном нарративе глаголы НСВ в прошедшем времени могут выступать функциональными эквивалентами СВ и называть неповторяющиеся завершённые события в прошлом вне зависимости от того, способны ли они называть однократные

действия в литературном языке. Повторим, что это не предполагает отождествления видовых значений: присущее НСВ значение длительности, как кажется, характерно для этих глаголов в том числе и в случаях, когда они называют последовательные события. Кроме того, хотя в интересующем нас употреблении НСВ актуализируются семантические компоненты завершенности, результативности действия, которые в литературном языке отличают прежде всего СВ, это возможно только в соответствующих контекстуальных условиях – в составе нарративной цепочки.

Отдельно остановимся на группе непроизводных глаголов однонаправленного движения. Как и в форме НИ (о них подробнее в разделе I. 2. 1), в прошедшем времени эти глаголы немногочисленны: в Онежских былинах встретилось чуть больше 30 примеров (*скакать, ехать, идти, бежать*). Приставочные же их производные вновь оказываются гораздо более употребительными – свыше 150 случаев (*выскакивать, отъезжать, проходить, прибегать* и др.).

Приведем некоторые примеры:

- *Обвернулась тут Маришка да сорокою,
А летела тут сорока во чисто поле,
А садиласи к туру да на златы рога (Онеж., с. 128);*
- *Как тут эта Настасья Окульевна
Бежала-то она назад домой скорым скоро,
Приходит-то ко родному братцу-то:
- Благодаримте тебя, братец мой родимый! (Онеж., с. 490);*
- *А как шли оны во церковь тут во божию,
Да тут приняли они да что ль златы венцы,
А млад Соловей да сын Гудимирович
А с молодой Любавушкой Забавичной (Онеж., с. 500).*

В подобных случаях формы прошедшего могут иметь ингрессивное значение ('полетела', 'побежала', 'пошли') или давать некоторое комплексное представление действия.

Приставочные глаголы, безусловно, всегда интерпретируются однозначно, ср.:

ехали они тут во чисто полё (Онеж., с. 442) – как *отъезжала тут она на чисто поле* (Онеж., с. 489),

как скоро *шли на мосточик на Волховой* (Онеж., с. 504) – как тут *честна вдова Офимья Александровна <...> // Заходила на мосточик на Волхов-тот* (Онеж., с. 507).

Такую же «недетализированность» семантики мы отмечали у этих глаголов и в НИ, сравним похожие случаи:

- А как шли оны во церковь тут во божию,
Да тут приняли они да что ль златы венцы (Онеж., с. 500).
- Привязал-то он коня своего тут добраго
И сам идё в полаты белокаменны (Онеж., с. 325).
- Как тут эта Настасья Окульевна
Бежала-то она назад домой скорым скоро,
Приходит-то ко родному братцу-то:
– Благодаримте тебя, братец мой родимый! (Онеж., с. 490).
- А й Марфа-та Романовна
Кинулась она в одной рубашки бёз костьца <...>,
А и бегом бежит на горочку на Вишвую
К тому братцу ко родимому (Онеж., с. 237 – 238).

Очевидно, что особенности, отмеченные нами для форм презенса в контексте прошедшего, в равной степени характеризуют и прошедшее НСВ: бесприставочный глагол включает все фазы действия: 'пошел', 'шел' и 'сейчас находится в месте назначения', и – так же, как в случаях с формами презенса, – в зависимости от контекста значение формы «“достраивается” до событийного значения нужного типа» [Шатуновский 2009: 208].

Безусловно, глаголы НСВ в прошедшем времени употребляются в фольклорных текстах и в своем «обычном» значении, то есть называют длительные действия, взятые в процессе их протекания, одно и то же, неизменное положение вещей, не предполагающее смены ситуаций, ср., в частности:

- *Тут Михаиле Потык сын Иванович
Он пошел было ходить гулять по заводям,
Стрелять же он да белых лебедушек.
Ходил гулял по заводям,
Стрелял же он да белых лебедушек,
Находил же он да белую лебедушку,
Плавают лебедушка на заводи (Онеж., с. 159).*

- *Отправляются они во славный во Новгород,
Выезжали они среди моря.
Становились корабли новгородскийи,
Стояли на мори трои сутки,
Не куда оны не подаваются.
Говорят купци новгородскийи:
— Требуе из нас Водяной царь*

Каку ни с нас он пошлину (Онеж., с. 101) – момент наблюдения приходится на «серединную фазу ситуации, а ее начальная и конечная точка остаются вне поля зрения» [Князев 2007: 97].

Оказывается, таким образом, что в эпическом нарративе глаголы НСВ в прошедшем времени могут обозначать как действия, не продвигающие повествование, так и события в их хронологической последовательности. Соответственно, в прошедшем времени в таких случаях имеет место частичная нейтрализация видового противопоставления (или по крайней мере более широкое употребление НСВ), которая характеризует план НИ: глагол НСВ способен употребляться как в процессном, так и в событийном

значении (с поправкой на то, что в плане НИ в литературном языке видовое противопоставление нейтрализуется полностью).

Анализируя особенности видового употребления в НИ (в современном литературном языке), А. В. Бондарко замечает, что НСВ, полученный в результате видовой нейтрализации, оказывается наделенным такими свойствами, которые в обычном случае (например, в плане прошедшего) для него нехарактерны: «это его способность обозначать сменяющие друг друга действия, наступление действия, способность группы глаголов выражать однократное действие, тогда как в других условиях эти глаголы могут обозначать лишь действие, состоящее из нескольких актов» [Бондарко 1958/2005: 571 – 572]. Кроме того, настоящее историческое является фактически единственной нарративной формой НСВ, допускающей внешнюю позицию наблюдателя. Нельзя не заметить, что именно эти особенности, несвойственные прошедшему НСВ в литературном языке, и составляют ту главную характерную черту этой формы в эпических текстах, которая стала основным предметом нашего внимания.

Разница в функционировании форм НСВ прошедшего-настоящего сводится, таким образом, исключительно к временной транспозиции при полном тождестве собственно видового употребления.

По аналогии с НИ далее мы будем называть прошедшее НСВ, обозначающее завершённые, однократные, сменяющие друг друга действия, событийным.

В связи со всем сказанным выше закономерно возникает вопрос, насколько древним является употребление прошедшего НСВ в значении завершённых однократных событий, имеет ли оно параллели в письменных текстах более раннего времени и как соотносится с планом настоящего исторического.

II. 3. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках XII – XVII вв.

Формы имперфекта в событийном значении, отмеченные исследователями в Повести временных лет [Ружичка 1962; Петрухин 2001] и житиях XV – XVI вв. [Шевелева 1986: 42], обнаруживают функциональное сходство с употреблением прошедшего НСВ в былинах. Рассмотрим функционирование событийного имперфекта в раннедревнерусских текстах и текстах более позднего периода, а в последних – также л-форм НСВ в этом значении и сравним его с былинным употреблением прошедшего НСВ.

II. 3. 1. Имперфект в событийном значении в памятниках XII – XIII вв.

Нас интересуют случаи употребления имперфекта для обозначения нового события в нарративной последовательности. Формы имперфекта с событийным значением представлены во всех исследованных памятниках древнерусской эпохи, кроме НПЛ¹. Примеров употребления в этом значении форм нового прошедшего на -л- не засвидетельствовано, в том числе и в гибридных памятниках, что вполне объяснимо: л-формы вообще не являются частотными в памятниках раннего периода (в частности, в КЛ они представлены только в прямой и косвенной речи и практически отсутствуют в нарративе [Шевелева 2009: 154]).

¹ Заметим, что во всех памятниках достаточно велико число контекстов, не позволяющих однозначно определить, имеет ли имперфект событийное значение или употреблен в нормальных для этой формы значениях многократно повторяющегося события или действия, взятого в процессе его протекания. Мы принимаем во внимание (и, соответственно, учитываем в подсчетах) только те примеры, интерпретация которых представляется однозначной.

Число употреблений имперфекта¹ в событийном значении в общей сложности составляет 65 случаев.

Прежде всего обращает на себя внимание преобладание среди них глаголов речевых действий: их число составило 44 примера. Статистика по памятникам выглядит следующим образом:

Текст	Общее количество форм событийного имперфекта	Глаголы речи	Глаголы других семантических классов
Киевская летопись	18	11	7
Галицко-Волынская летопись	15	8	7
Житие Феодосия Печерского	16	15	1
Житие Авраамия Смоленского	8	7	1
Житие Андрея Юродивого	1	1	–
Сказание о Борисе и Глебе	4	2	2
Слово о полку Игореве	3	–	3

¹ Нас интересуют только формы имперфекта, образованные от глаголов НСВ и неохарактеризованных по виду, имперфект СВ не рассматривается. При этом, поскольку наличие у имперфекта процессного значения (а в нашем случае и способность употребляться в событийном значении) не зависит от того, образован он от основы НСВ или немаркированной в видовом отношении, далее мы не будем отдельно оговаривать характер видовой основы – по умолчанию имеются в виду формы имперфекта, образованные не от глаголов СВ.

Как видно из таблицы, количество глаголов речи и других семантических классов сопоставимо (как в КЛ, ГВЛ и СкБГ) или же число первых значительно превосходит (как в ЖФП). Исключением является СПИ, его мы рассмотрим отдельно.

Самым «популярным» глаголом в этой функции оказывается *глаголати*, в числе других – *молвити*, *отъвъщевати*, *молити*, *велѣти*, *просити*, *прашати*, *объщевати*, *казати*, *въпрашати*, *гласъ испущати*. Эти глаголы вводят прямую речь (таких примеров большинство) или предваряют косвенную речь, в некоторых случаях содержание сообщения заключается в синтагме, которой они управляют. Приведем соответствующие примеры:

- и присла ѿръ дары многы . Ростиславу *о*жсамоты и паволокы . и вса оузорочь различнага . посоль же ѿръ молваше Ростиславу . молвить ти ѿръ аще примеша с любовью . блѣвниѣ ѿ стыга Софыа || и ѿтрекоша дружинѣ *ѿ*лгови . кнѣже не страпаи . гди вборзѣ . <...> *ѿ*леге же вборзѣ гха Чернигову и не заста . ѿца живого (КЛ, л. 187, 1164 г.);

- Мьстиславоу же *сто*гацоу . на Зоу брыи . Дмитръ прибѣже к немуу . Мьстиславоу же // не могиоу битьсѣ съ Оугры . и просаше *зат*а своего Данила и *ѿ*лександра . да быѣта затвориста в Галичѣ . ѿбѣщасѣ емоу Даниль и *ѿ*лександрѣ ити в Галичѣ . Даниль же затворисѣ в Галичѣ . а *ѿ*лександроу не смѣвѣшию (ГВЛ, л. 250 – 250 об., 1213 г.);

- *хот*ацоу же емоу пакы изиити на нѣ на бранѣ . и собираюцоу *во*га . оувѣдав же *ѿ*дѣвѣзи се . послаша послы *сво*га . и дань даша . и ѿбѣщевахоусѣ работѣ быти емоу . и города рубити в землѣ своєї (ГВЛ, л. 279 об., 1256 г.).

Но основной формой для введения чужого высказывания в памятниках раннего периода, как уже говорилось выше, является аорист. В некоторых

случаях мы находим диалоги, в которых реплики вводятся обоими простыми претеритами, ср.:

▪ *се же **тако** рѣкъхъ приѣхавъ и сѣстѣде съ конѣа · ни бо николи же гѣха на дворъ манастырѣскыи · и пристоупивъ къ вратомъ повелъ отъврѣсти вънити хотѣа · онъ же отъвѣща **ѣ**моу **тако** повелѣни**ѣ** **ѣ**сть великааго бѣа не отъврѣзати вратъ никому же донде же годъ вечерныи боудеть · таче пакы х̄олубѣць възвѣщаѣа **ѣ**моу да оувѣсть кѣто **ѣ**сть · и глагоше се бо азъ **ѣ**смь · и мнѣ отъврѣзи врата **ѣ**диномоу · онъ же не въдыи **тако** князь **ѣ**сть · отъвѣщавааше **ѣ**моу сице · рѣхъ ти **тако** повелѣно ми **ѣ**сть отъ игоумена · **тако** аще и князь придетъ не отъврѣзи вратъ · то оуже аще хоцещи потрѣпи мало дондеже годъ боудеть вечерныи · онъ же отвѣща **тако** азъ **ѣ**смь князь · то или мнѣ не отъврѣзещи (ЖФП, 40б – 40в).*

Цепочка глаголов, участвующих в построении диалога, включает в себя 3 формы аориста и 2 формы имперфекта: *повелъ* – *отъвѣща* – *глагоше* – *отъвѣщавааше* – *отвѣща*. Вполне очевидно при этом, что ни в одном из приведенных случаев употребления имперфекта не идет речи о фоновом действии: действия, названные этой формой, сменяют друг друга и приводят к появлению новой ситуации.

То же видим в СкБГ, ср:

▪ *Блжєныи же борисъ **тако** же сѣ бѣ воротилъ и сталъ бѣ на лѣтъ шатѣры · и рѣша къ немуу дружина поиди сѣди кы**ѣ**въ на столъ отъни · се бо вси вои въ роукоу тво**ѣ**ю суть · **итнѣ** же имъ отъвѣщавааше · не боуди ми въз**ѣ**ти роуки на брата сво**ѣ**го и **ѣ**ще же быхъ имѣлъ акы бѣа · си слышавъше вои разидоша сѣ **ит** него · а самъ оста тѣкъмо съ*

отроки своими (СкБГ, 10г) – цепочка образуется двумя аористами и имперфектом: *рѣша – отвѣщавааше – разидоша*.

Стоит отметить, что в летописной повести о Борисе и Глебе (мы читаем ее, например, в КЛ и ранних записях ХЛ) форма имперфекта для введения чужой речи не используется – в подобных контекстах употребляется аорист или аорист с причастием: *Он же к ним отвеща, рек...* (ХЛ, л. 85, 1015 г.); *рѣша ему дружина ишнѣ ... ишнѣ же рече ...* (КЛ, л. 49 об. – 50, 1015 г.).

Можно утверждать, таким образом, что в определенных контекстных условиях имперфект способен называть действия, продвигающие повествование, и в этих случаях он сближается по своей функции с аористом.

По-видимому, глаголы речи в исследованных памятниках неслучайно составляют большую часть всех примеров (заметим, что это характерно не только для текстов раннего периода). В. В. Бородич со ссылкой на других исследователей замечает, что глаголы этой семантической группы «во всех индоевропейских языках отличаются наименьшей выразительностью в отношении видов». В частности, констатируется «довольно безразличное употребление имперфекта и аориста при глаголах высказывания» в древнегреческом языке: «при простом отдельном высказывании предпочитается аорист, перед длинной речью – имперфект». Впрочем, сама В. В. Бородич подчеркивает, что это правило «не всегда соблюдается» [Бородич 1954: 61, 95]. О возможности переводить древнегреческий имперфект «прошедшим временем недлительного вида» ранее писал С. И. Соболевский, уточняя, что это относится «главным образом к имперфектам глаголов с значениями: *идти, посылать, говорить, спрашивать, думать, пытаться*», и замечая, что в русском языке глаголы НСВ *говорил, спрашивал, думал, пытался* и т. п. могут употребляться «в одном значении с прошедшим недлительного вида этих глаголов: *сказал, спросил, подумал, попытался* и т. п.» [Соболевский 1948/2000: 294].

Частые случаи выбора формы аориста вместо греческого имперфекта и наоборот, встречающиеся и в старославянских памятниках, В. В. Бородич отчасти объясняет «колебаниями» между этими формами в греческом оригинале и, соответственно, наличием множества вариантов в греческих рукописях, «потому что, очевидно, не было существенной разницы в способе выражения между аористом и имперфектом, что переводчики, по-видимому, чувствовали и не старались буквально следовать за оригиналом» [Бородич 1954: 95]. Таким образом, по ее мнению, «как в греческом языке, так и в славянском между этими формами не было существенной разницы» [Бородич 1954: 111].

Сопоставляя разные редакции Евангелия XIII – XV вв., В. В. Колесов также отмечает взаимную мену аориста и имперфекта, «лексически ограниченную глаголами говорения и мышления». Он связывает это с «контекстуальным переосмыслением последовательности событий» и желанием редактора изменить соотношение основного и второстепенного действий [Колесов 1976: 77 - 78]. Приведем один из его примеров:

И ставъ архиереи посредъ вопроси Иисуса глаголя, Мк. XIV, 60. В другой редакции: вста ... впрашаше [Колесов 1976: 77].

Возможность введения чужой речи посредством имперфекта (равно как и употребление других глаголов в событийном значении), обнаруженная в оригинальных восточнославянских памятниках подтверждает предположение, что колебания в выборе аориста и имперфекта в подобных случаях в старославянских текстах не связаны с одним только влиянием греческого оригинала, но объясняются аналогичным поведением этой формы в славянских языках.

Глаголы «неречевых» действий (21 случай) в рассмотренных текстах семантически достаточно разнообразны: *слати, даяти, приходити, пасати, понужати, соволочати, облачати, убивати, прилагати, грести* и др. Как видно из приведенного списка, здесь представлены и глаголы, неспособные

иметь процессное значение, и, напротив, глаголы, для НСВ которых это значение является обычным. Рассмотрим сначала первую группу.

В абсолютном большинстве контекстов с такими глаголами, как *слати*, *посылати*, *приходити* и т. п., определить, не обозначает ли форма многократно повторяющееся действие, однозначно невозможно, ср.:

▪ *Изѡславъ же пришедъ к Бѣлугороду . и стоѡ ѡколо дѣтинца . бѣ . не ѡли ѡстрогъ бѡше Ростиславъ до него самъ пожегъ . Стославъ же слаше и Щернигова къ Изѡславу . велѡ ему миръ взѡти . <...> Изѡславъ же не послушавъ . брата своего Стослава . но ре^ч ему <...> а лѣпле хочю сде оумерети (КЛ, л. 185, 1161 г.).*

Контекстов, подобных приведенному, в летописях достаточно много – как правило, мы не знаем, одно или несколько сообщений с тем или иным приказом было отправлено. Особого внимания заслуживают те немногочисленные случаи, когда однократность действия несомненна, например:

▪ *том же лѣ^т поча ратъ || Изѡславъ Дѣвдичъ . на Ярослава на Галичьскаго . ища волости . Иванови Ростислави^ч рекшему Берладнику . слахуть бо сѡ к нему Галичане велѡче ему вѣсти на конѣ . и тѣмъ словомъ поощиваютъ его к собѣ . рекуче толико гави^ш стѡгы . и мы ѡступимъ ѡ Ярослава . а ко Изѡславу приходѡшетъ же ему та вѣсть из Володимира . ѡже хотѡтъ на нь поити <...> . и нача слати . къ брату Стославу къ ѡлговичю . и къ Всеволодичю Стославу велѡ има . поити съ собою . на Галичь (КЛ, л. 179 – 179 об., 1159 г.).*

Если первая из двух форм имперфекта в этом отрывке, по всей видимости, имеет значение неоднократного действия, то во втором случае мы видим уже явно единичное событие, причем акцент на процессе его совершения отсутствует – важен результат: ‘ему [Ярославу] пришла весть из

Владимира о том, что хотят на него пойти, и он начал слать сообщения брату Святославу Олеговичу...'. Узнав о готовящемся нападении, князь Ярослав обращается за помощью к братьям – эти события связаны как чисто временными, так и причинно-следственными отношениями.

Напомним один из былинных примеров употребления этого же глагола:

- *Он выходил с почестнаго пира от князя от Владимира,
И приходил-то к государыни к своей да родной маменьки
И воспроговорил же ей да таково слово:
– Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
А Ефимья ты же Александровна!
И ты когда меня спородила,
Завернула бы в камочки во крушатья,
Ты кидала бы меня да во сине море (Онеж., с. 278).*

Достаточно часто имперфект употребляется в ингрессивном значении, которое также предполагает переход к новой ситуации. Так, глагол *убиваху*, по-видимому, означает *начали убивать, стали убивать*:

- *Прииде Святоша и Путьята августа 5 день, а воем Давыдовом облежающим град в полуденье, и Давыдови спящу, и внезапно пришедше начаша стъци а, а гражане вытекъше из города на них же и убиваху их. И побъже Давыд и Мъстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путьята вшедше въ градъ, и посадиста Святополча посадника Василя (МЛС, л. 25 об., 1099 г.) – форма *побъже* выражает непосредственный результат нападения, а именно действий, обозначенных глаголами *начаша стъци* и *убиваху*. Следовательно, имперфект – это одна из тех форм, которые в этом контексте содержат указание на переход к новой ситуации.*

Рассмотрим глаголы, НСВ которых в нейтральном контексте не предполагает обязательного значения повторяемости названного действия: *понужати, соволочати, облачати* и др. В следующем примере стандартная

нарративная цепочка, состоящая из законченных недлительных действий в прошлом, замыкается имперфектом:

▪ *Приде король в Галичь . и приведе ~~пат~~ровь свою . великоую княгиню Романовоую . и ~~бо~~ре Володимерьскыи . <...> // времени же минуовишу . король спѣашеть рать великоу (ГВЛ, л. 248 – 248 об., 1209 г.) – на этом заканчивается погодная запись, и точно определить, имеет ли имперфект начинательное значение или называет завершенное действие, мы не можем. Но присутствие в контексте дательного самостоятельного делает действие, названное имперфектом, основным в цепочке: *по прошествии времени король стал собирать (или собрал) большое войско.**

В ЖФП из 16 обнаруженных примеров имперфекта в событийном значении только один не имеет отношения к речевым действиям – глагол *влещи*:

▪ *и пришедъши въ преже реченьи градъ и искавъши ѡбрете и въ домоу презвутерове . и имъши влечаше и въ градъ свои биюци . и въ домъ свои приведъши и запрети ѡмоу глѣци . ~~та~~ко къ томоу не имаши ѡтити мене . ѡлико бо аще камо идеши . азъ шедъши и обрѣтъши ~~та~~ съвѣзана биюци приведоу въ сии градъ (ЖФП, с. 30а).*

Это один из достаточно редких в рассмотренных нами ранних текстах случаев употребления однонаправленного глагола движения. Как и в других случаях, представляя действие как длительное, имперфект при этом имеет ингрессивное значение и приводит к появлению новой ситуации. Такое прочтение этой грамматической формы демонстрирует и перевод О. В. Творогова, в котором мы видим начинательный глагол СВ: ... *и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня <...>»* [Творогов 2004: 361].

Аналогичные пример находим в Сказании о Борисе и Глебе:

▪ *Стыи же поиде въ кораблицы · и тако оузъръ га стыи въздрадова ста бшею · а они оузъръвъше и омрачаахоу сѧ и гребѧахоу ста къ нему (СкБГ, 13Г).*

Ср. перевод Д. С. Лихачева: *Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят [Дмитриев 1978: 293].*

Тот факт, что автор перевода обращается к глаголам СВ, подтверждает наше предположение: имперфект в данном случае воспринимается как форма, продвигающая сюжетное действие, распространяясь на ту семантическую область, которая в современном литературном языке находится в ведении СВ.

Возвращаясь к былинам, отметим, что в них можно найти схожие примеры, которые, не будучи тождественными, демонстрируют тем не менее функциональное подобие имперфекта и л-форм НСВ, ср. два контекста:

▪ *Возьѧха же король с ними · противоу же Данилоу князю · Данила же приде к нему · исполчи всѧ люди своѧ · <...> // и просисѧ оу него въ станъ · зане || знои бѧ великъ · ѡне того ѡнъ же зѧ и за роукоу · и веде его в полатоу свою · и самъ соволочашеть е̃ · и ѡблачашеть и · и во порты своѧ · и такоу ч̃ть творишеть емоу · и прииде в домъ свои (ГВЛ, л. 273 об. – 274, 1252 г.).*

▪ *Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с сѣбя платьѧ-ты каличьии,
Розувал лапѧтцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надевал на ся платьѧца цветныи,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня, <...>
Да поехал тут Ильюшенка во Киев град (Онеж., с. 435).*

Мы видим, что и в былинном, и в летописном тексте действия, обозначенные глаголами прошедшего НСВ, включены в цепочку следующих друг за другом событий, и каждое последующее происходит после завершения предыдущего.

СПИ требует отдельного обсуждения. Во-первых, этот текст обособлен от рассмотренных ранее с точки зрения его жанровой характеристики. Во-вторых, это один из древнейших известных нам поэтических памятников, созданных на основе устной традиции и обнаруживающих явные параллели с современным фольклором. Поэтому единственный эпизод в этом тексте (а именно сон Святослава), содержащий интересующее нас употребление имперфекта, может оказаться для нас очень ценным. Приведем его:

▪ *А Святъславъ мутень сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ: «Си ночь съ вечера одѣвах<у>т<ь> мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великій женчюгъ на лоно; и нѣгують мя; уже дѣски безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръстѣмъ. Всю ночь съ вечера б<у>с<и>ви врани възгряху; у Пльсьнска на болони бѣша дебрь(с)ки сан<и> и несош<а я> къ синему морю» (СПИ, 93 – 99).*

Исследователи неоднократно обращались к анализу этого фрагмента, однако в фокусе их внимания, как правило, оказывались вопросы его интерпретации и включенности в культурный, исторический и этнографический контекст.

В наиболее известных переводах СПИ (в частности, у Д. С. Лихачева, Н. А. Заболоцкого, В. А. Жуковского, К. Д. Бальмонта и др.) мы неизменно находим на месте имперфекта л-формы НСВ. В одних случаях они употребляются в общефактическом значении, в других – в конкретно-процессном (если то, о чем рассказывает Святослав, воспринимается как длящееся в течение всей ночи). Наконец, возможен вариант стилизации, при

котором формы НСВ обозначают завершённые однократные действия, то есть употребляются в «былинной» функции. Ср.:

И Святославу мутный сон привиделся:

«В Киеве на горах в ночь сию с вечера

***Одевали** меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;*

***Черпали** мне синее вино, с горечью смешанное;*

***Сыпали** мне пустыми колчанами*

Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно

И меня нежили.

А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.

И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,

Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...

Уж не послать ли мне к синему морю?» (перевод

В. А. Жуковского);

*А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера **одевали** меня, — говорил, — черной паполомой на кровати тисовой, **черпали** мне синее вино, с горем смешанное, **осыпали** меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисановой и понесли к синему морю» (перевод Д. С. Лихачева).*

По всей видимости, у нас нет оснований считать действия, обозначенные в этом фрагменте формами имперфекта, неоднократными (в отличие, например, от имперфекта СВ *възгряху*, указывающего на многократное повторение действия), равно как и расценивать их как фоновые по отношению к каким-либо другим событиям в этом эпизоде.

Определение глагольной семантики в данном случае в известной степени зависит от того, как мы понимаем обстоятельство времени *си ночь съ вечера*. Следующее за ним анафорическое начало фразы *всю ночь съ вечера* в сочетании с имперфектом СВ (*възгряху*) показывает, что здесь речь идет о

длительном периоде с вечера до утра, в течение которого повторялось действие, выраженное предикатом. В первом же случае аналогичная интерпретация не кажется столь очевидной.

Для выражения *си ночь* значение *‘этой (прошлой) ночью’* подтверждается встретившимся в берестяной грамоте XII века № 794 сочетанием *зиму си* – *‘этой зимой’* [Зализняк 2007: 123]. Соответственно, вопрос сводится к тому, как мы понимаем выражение *съ вечера*.

Известно, что в диалектах широко распространено употребление этого выражения в значении *‘вечером, в вечернее время’*, ср. пример из Национального корпуса русского языка (диалектного):

- *А с вечера нам все сказали, что тридцать пять километров по фронту пролежью будем лежать на Кенигсберх* [И. Я. Горбачев. Военные будни [с. Высокое, Глушковский район Курской области, 2000] – НКРЯ (диалектный)].

Аналогичные примеры мы найдем и в художественной литературе:

- *Скварыш опять стал выхаживать по квартире, подошел к темному окну в зальчике. Во дворе внизу словно бы ярче, чем с **вечера**, горел на мачте фонарь, сильнее светились кузова автомобилей в прогалах черных тополевых крон. Было сонно и пусто. И так же пусто и устало-сонно делалось на душе у профессора* (В. Быков. Бедные люди).

- *Сына же на самом деле никакого не было, была дочь, и проснулась она в ужасе оттого, что сон был сильнее яви, и в первую минуту после пробуждения она была уверена, что сын-то у нее есть, но она про него совершенно забыла. Потом она зажгла свет, при свете наваждение рассеялось, и она вспомнила, что с **вечера** ей пришлось долго лазать по ящичкам письменного стола в поисках некоторой потерянной бумаги, и от этих поисков и завязался дурацкий сон* (Л. Улицкая. Пиковая дама).

В этой связи кажется возможным прочтение фразы *си ночь съ вечера* как *‘этим (прошлым) вечером’*, где сначала дается общее указание на время суток, а затем следует уточнение временных рамок, аналогично тому, что мы

видим в выражениях типа *сегодня вечером, вчера вечером*. Ср. также: *Вчера с утра дождь был – ‘вчера утром’*.

Ограниченный подобным образом временной период позволяет нам воспринимать действия не как повторяющиеся в течение некоторого времени (такое прочтение в любом случае кажется не вполне логичным) и не как фоновые, сопровождающие какие-либо другие события, но как действия завершённые и следующие друг за другом. Таким образом, перед нами последовательность событий, каждое из которых завершается до наступления следующего. При этом мы видим, что действие, обозначенное имперфектом СВ *възгряху*, является как раз фоновым по отношению ко всей цепочке – оно сопровождает все события, происходившие в течение ночи, что вполне соответствует значению имперфекта.

Приведенный эпизод СПИ интересен для нас прежде всего тем, что демонстрирует полное функциональное соответствие употребленного здесь имперфекта былинному претериту НСВ. В текстах былин нам не удалось найти фрагмент, хотя бы в некоторой степени приближенный к содержанию этого эпизода из СПИ, однако даже произвольно выбранный контекст, как кажется, показывает функциональную близость форм прошедшего несовершенного:

- *А и проводили-то Добрыню во больше место <...>*

А за тыи ли за питья за медвяныи.

Наливали ему чару зелена вина,

Наливали-то вторую пива пьянаго,

Наливали ему третью меду сладкого <...>.

А и принимал Добрыня единой рукой,

Выпивает-то Добрыня на единый дух (Онежские былины, с. 543).

Интересно в этой связи, что все три формы событийного имперфекта, содержащиеся в СПИ, появляются именно во сне Святослава, то есть в эпизоде, отдельные особенности которого – языковые, исторические и этнографические – позволяют исследователям видеть в нем обработанный

фольклорный текст, включенный в состав СПИ и архаичный по отношению ко всему произведению [Николаев 2014: 82].

Таким образом, несмотря на то что СПИ, по-видимому, не является произведением народного творчества, явные элементы устного дружинного эпоса и следование автора «гипотетическому стандарту “эпического языка”, в котором искусственно поддерживалась древняя норма» [Николаев 2014: 35], делают его исключительно ценным для сопоставления с былинными текстами, поскольку дают возможность предположить следы древней устной традиции в позднейших записях эпических текстов.

Обсуждая употребление в СПИ настоящего исторического, мы говорили, что в тексте не встретилось ни одного примера презенса НСВ, который имел бы событийное значение. В то же время именно в этом значении выступает здесь имперфект (в приведенном выше контексте), поведение которого оказывается, таким образом, аналогичным поведению глаголов НСВ в плане настоящего исторического в более поздний период.

Эта особенность характерна, разумеется, не только для имперфекта в СПИ, но и для рассмотренных выше других текстов XII – XIII вв.: во всех случаях употребления имперфекта в событийном значении мы можем провести аналогию с современным функционированием НСВ в настоящем историческом. При этом в настоящем историческом глаголы НСВ в раннедревнерусских не книжных памятниках, как было сказано выше, в событийном значении еще не употребляются.

Функциональное сходство славянского имперфекта и древнегреческого настоящего исторического в старославянских текстах отмечала Т. В. Пентковская. Как правило, древнегреческий *Praesens Historicum* при переводе заменялся аористом, однако в отдельных случаях ему соответствует имперфект, ср. в Зографском евангелии: *идосте же ѿ обрътосте ... ѿ отрѣшаашете*. Замена греческого презенса не аористом, а имперфектом, по ее мнению, «выделяет последнее действие из ряда других и подчеркивает его длительный характер» [Пентковская 2008: 11].

Ранее В. В. Колесов, отмечая взаимную мену форм имперфекта и причастий настоящего времени в разных редакциях Евангелия (в частности, в Карпинском евангелии XIII в.), также считал это подтверждением «функциональной близости имперфекта к формам настоящего времени» [Колесов 1976: 86].

На семантическое сходство форм презенса и имперфекта обращает внимание О. Ф. Жолобов, предполагая, что в развитии последнего в древнерусском языке ключевую роль мог сыграть тот же механизм, что и в развитии генетически не связанного с ним индоевропейского имперфекта: «источником развития вторичного претерита стал перенос значения текущего действия презенса в прошедшее время» [Жолобов 2016а: 65].

Нельзя не заметить и еще одно сходство между этими временными планами: имперфект, образованный от глаголов СВ, имеет то же значение, что и презенс СВ в плане настоящего исторического [Маслов 1954: 81; Зализняк 2008: 94 – 106; Мишина 2015: 164 – 167; Жолобов 2016: 93]. Ср., в частности, фрагменты из СПИ и былины:

▪ *Камо турь поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвъчывая, тамо лежатъ поганья головы Половецкыя* (СПИ, 54).

▪ *Как выскакивал Василий Богуслаевич <...>,*

Ухватил да ось тележную,

Тележную да железную.

Да куда размахнет, лежит сила войская (Онеж. III, с. 622).

А выскакивал Василей со погребя <...>,

А он стал слягóй помахивать,

Куды ма́хнет – туды улица,

Переулками на́род валится (Онеж., 312).

Значение презенса СВ в таком употреблении в современном литературном языке А. В. Бондарко определяет как «настоящее историческое повторяющегося и обычного действия» [Бондарко 1971: 163]. Как кажется, этой нарративной форме полностью подходит определение,

сформулированное для имперфекта СВ: каждая из них обозначает «многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения, стал “готовым фактом”» [Маслов 1954: 81]. Подтверждают это случаи замены имперфекта СВ на презенс СВ, обнаруженные Ю. С. Масловым в некоторых поздних списках ранних памятников, и регулярное обращение для выражения этого значения к презенсу СВ в текстах более позднего происхождения и в современном русском языке [Маслов 1954: 86 – 88].

Можно утверждать, таким образом, что имперфект способен называть действия, продвигающие повествование. Оставаясь маркированно процессной, эта форма, безусловно, не может быть тождественной по своему значению с аористом, но конкурирует с ним в определенных контекстуальных условиях (а именно в цепи последовательных событий). Характер употребления событийного имперфекта в СПИ позволяет предполагать наличие у этой формы определенной изобразительной функции, сближающей ее с современным настоящим историческим.

В этой связи интересно обратиться к текстам последней трети XIV – XVI вв., поскольку этот период характеризуется параллельным употреблением в летописном нарративе имперфекта и л-форм НСВ, что дает возможность сопоставить особенности функционирования этих двух форм.

II. 3. 2. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках последней трети XIV – XVI вв.

Параллельное употребление форм имперфекта и л-форм НСВ в летописном нарративе последней трети XIV – XVI вв. дает возможность не только сопоставить особенности функционирования этих форм, но и проследить хронологию постепенного сокращения употребления форм аориста и имперфекта и все большего распространения форм на -л,

принимающих на себя все функции простых претеритов, в том числе и указанную функцию имперфекта.

Исследование событийного употребления форм прошедшего НСВ проводилось по данным НЛ, МЛС, ЦКн, севернорусских ХЛ и УЛ, а также выделяющейся на их фоне «Задонщины». Летописные записи последней трети XIV – XVI вв. и текст «Задонщины» содержат 69 форм имперфекта и 55 л-форм НСВ в событийном значении, они демонстрируют нам следующую статистику:

	Формы имперфекта	л-формы
Московский свод ¹	8	2
Никоновская летопись	36	45
Царственная книга	5	3
Холмогорская летопись	11	4
Устюжская летопись	4	1
Задонщина	5	–

Функционирование имперфекта в событийном значении в текстах последней трети XIV – XVI вв. не отличается от употребления его в ранних текстах. Число глаголов речи не менее значительно – 45 случаев из 69, приведем два из них – из рассказа о взятии Нижнего Новгорода, читающемся в МЛС, и вставного фрагмента из Повести о Луке Колочском:

¹ Ранние записи Московского свода и Холмогорской летописи также содержат 14 и 13 случаев употребления событийного имперфекта соответственно (в их числе соответственно 9 и 10 глаголов речи), однако однозначно определить, относятся ли эти формы к раннему периоду или были включены позднее, при составлении сводов, вряд ли возможно, поэтому, имея в виду их наличие в памятниках, мы не добавляем число этих употреблений в общие подсчеты по обоим рассматриваемым периодам. Устюжская летопись целиком рассматривается в этой главе, поскольку ее ранние записи содержат следы явной переработки в поздний период.

▪ *Християне крестъ цѣваша, а Татарове по своєю вѣре даша правду, што им ни которого зла христьяномъ не творити. И по том Татарове створиша лестъ и роту свою измѣниша и пограбивъше всѣх христьян, нагих попуцаша 7, а князь Семень глаголаше: «не аз створих лестъ, но Татарове, а яз не поволень в них, а с них не могу». И тако взяша град октовриа въ 25 и быша ту двѣ недѣли <...> (МЛС, л. 315 – 315 об., 1400 г.);*

▪ *... Лука же умоливъ его, давъ ему хлѣбъ овсянъ, и взятъ къ себѣ паки икону и поиде съ нею въ домъ свой. И бысть въ дому его разслабленъ человекъ, лежа много лѣтъ, Лука же показа ему икону и, како наиде ея, повѣда ему вся, человекъ же онъ разслабленный удивися и моляше Луку, да принесетъ къ нему икону тую; Лука же принесе къ нему, разслабленный же приложи чело и устнѣ ко святѣй иконѣ Божіа Матери и въ той часъ вста весь здоровъ, якоже никогда же болѣвъ (НЛ, т. 11, с. 221).*

Включенность действий, названных имперфектом, в последовательность действий, выраженных формами аориста, заставляет нас рассматривать *глаголаше* и *моляше* как завершенные, однако компонент процессности все же присутствует в этих случаях хотя бы потому, что имперфект маркирован по этому признаку.

Среди контекстов, содержащих глаголы других семантических классов, обратим внимание лишь на отдельные показательные примеры. Один из них содержится во вставном Житии Михаила Ярославича Тверского:

▪ *В той же колоде и руце его [Михаила], и много мучивше и позорующе за рекою Терком на реке Сешеице под городом Тетяковым, минувши все города высокие аские и черкаские близ Ворот Железных. В той бо час окаянный Кавгадѣй вхожа (так) ко царю, исхожаше со ответы на убиение блаженнаго. А то все его вожаху со царем, а царю в ловех ходящу (ХЛ, л. 245 – 245 об.) – обращает на себя внимание наличие указания на точное время действия: указания на четкую временную локализованность действия принято считать одним из отличительных признаков аориста, для*

имперфекта же, чаще (хотя и необязательно) выражающего действие, нелокализованное во времени, они мало характерны [Этерлей 1970: 18]. Присутствие временного конкретизатора при имперфекте подтверждает, что последний обозначает локализованное во времени, определенное действие, прекратившее свое существование.

Достаточно редко встречающееся обозначение последовательных действий двумя формами имперфекта обнаруживается в сообщении о присоединении Нижнего Новгорода к Московскому княжеству:

▪ *И тако Татарове внидоша въ градъ, и боаре Московстїи, и начяша въ колоколы звонити, и стекошася людїе. Князь великій же Борисъ Константиновичъ посылаше къ своимъ боаромъ, глаголя: «господїе мои и братїа и милая дружина, <...> не выдаите мене врагомъ моимъ». И отвѣщеваше отъ нихъ единъ старѣйшїй его боаринъ Василей Рамянецъ: «господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы». И тако поиманъ бысть князь велики Борисъ Константиновичъ Нижняго Новагорода (НЛ, т. 11, с. 148, 1392 г.) – это относительно автономный, законченный фрагмент, рассказывающий об отказе нижегородских бояр поддержать своего князя после взятия города. Последовательно совершающиеся события названы формами аориста во всех случаях, кроме двух – *посылаше* и *отвѣщеваше*. Очевидно при этом, что формы имперфекта также обозначают завершенные действия, включенные в общую последовательность событий.*

В следующем фрагменте, сообщающем о преставлении князя Михаила Тверского (из жития, включенного в состав НЛ), значение длительности действий, названных формами имперфекта, очевидно, но они тем не менее являются не фоновыми, а основными, продвигающими повествование:

▪ *Преставижеся въ монастыри святаго Афонасіа во вторникъ, вечеру глубоку сущу, и въ томъ часъ увѣдѣся по всему граду преставленїе его, и возплакаша чловѣци въ домѣхъ своихъ, и смятеся весь градъ ноци тоя*

печали ради бывшіа. Наутріе же, свитаюци средѣ, стекахуся людіе всего града, мужи и жены, раби и убозіи и чада маломощныхъ, старіи же и болніи влечахуся, глаголюще: «конечное дадимъ благыи конецъ добраго поспѣтителя нашего». Блаженный же епископъ Арсеней събравъ весь соборъ, и сидошася всего града архимандрити, и игумени, и попове, и діакони и <...> въ свѣтлыхъ ризахъ придоша ко одру блаженнаго (НЛ, т. 11, с. 182, 1399 г.).

Наконец, интересно обратить внимание на два случая употребления глагола *скакати* – из Повести о взятии Царьграда в составе ХЛ и «Задонщины»:

- *Проповедником их кликнувшим скверную молитву, абие воскрячавше все воинство и скакаху ко граду. И прикативше пушки и пищали <...>, начаша бити град отвсяду, и мосты ко граду на рвех мостити <...>* (ХЛ, л. 359, 1453 г.) – ‘Когда их проповедники кликнули..., войско, вскричав, поскакало...’;

- *И нукнувъ князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булытныа о шеломы хыновскыа <...>* (Задон., список Исторический 1-й, л. 221 об.) – ‘Кликнув боевой клич, князь Владимир поскакал...’.

В обоих случаях глагол *скакати* называет однонаправленное движение и имеет ингрессивное значение, и – наряду с формами причастия и аориста, образованных от глаголов СВ, – образует последовательность действий, сменяющих друг друга.

Возможность прочтения глагола *скакаше* в ингрессивном значении в приведенных контекстах обнаруживает явную аналогию с употреблением непроизводных глаголов однонаправленного движения в былинах, о котором подробно говорилось в разделе II. 2:

- *Обвернулась тут Маришка да сорокою,
А летела тут сорока во чисто поле,
А садиласи к туру да на златы рога* (Онеж., с. 128);

*Как скоро он приправливал добра коня,
Тут скорым-скоро, скоро да скорёшенько
Ехал он на гору на высокую*

А на тое-то на шоломцѣ искатнеѣ (Онеж., с. 437).

Сходство между былинным употреблением таких глаголов и представленным фрагментом из «Задонщины», безусловно, особенно важно для нас, поскольку последняя является единственным памятником этого периода, отражающим следование фольклорной традиции и непосредственную связь со СПИ.

Общее число л-форм НСВ в событийном значении в записях последней трети XIV – XVI вв. сопоставимо с числом форм имперфекта – 55 случаев, основная часть которых приходится на XVI в.

Заметим, что в нашу выборку не попадает значительное число л-форм от глаголов, немаркированных в видовом отношении: если в случае с имперфектом этот фактор не играл роли, поскольку значение процессности характерно для этой формы независимо от видовой основы, то л-формы, способные употребляться в обоих видовых значениях, исключаются из рассмотрения.

Кроме того, в отличие от имперфекта, л-формы НСВ могут иметь общефактическое значение, что многократно увеличивает количество неоднозначно интерпретируемых контекстов. Так, определенную сложность представляют примеры с л-формой *посылалъ*. Рассмотрим один из наиболее показательных примеров:

▪ *Тоъ же весны князь велики Василей Васильевичъ посылалъ ратью на Болгары Воложскіа и Камскіа князя Феодора Давидовича Пестрого; онъ же, шедъ, воева ихъ и всю землю ихъ плъни (НЛ, т. 12, с. 9, 1431 г.).*

Следующие за глаголом *посылалъ* формы аориста образуют последовательность завершенных событий. Более того, глаголы *воева* и *плъни* выражают непосредственный результат действия, выраженного л-

формой, и вполне логично поэтому предполагать, что глагол НСВ включен в эту последовательность, называя не просто обобщенный факт, а действие, достигшее результата. Однако принцип «нанизывания» предикативных единиц, представляющий характерную особенность летописного синтаксиса, вполне допускает в данном случае возможность обозначения обобщенного факта в прошлом и «присоединения» затем следующих за ним событий. В пользу именно такого прочтения свидетельствует и то, что многие погодные записи подобного содержания ограничиваются только сообщением о том, что войско было отправлено, без указания результатов этого похода. Соответственно, если имперфект от глагола *посылати* не допускает общефактического значения ни в каком случае, то в случае с л-формой возможность «нанизывания» синтаксических конструкций часто не позволяет его исключить.

С аналогичной проблемой мы сталкиваемся и в случаях с глаголом *приходилъ*, ср.:

▪ *Тоя же зимы царь Улу-Махметъ **приходилъ** ратью къ Мурому из Новагорода изъ Старого изъ Нижняго, и князь велики Василей Васильевичъ поиде противу его, и царь възвратися бѣгомъ въ Новѣгородъ Старой* (НЛ, т. 12, с. 63, 1445 г.).

Подобных примеров в рассмотренных летописях встретилось очень много, и в силу своей неоднозначности они не могут учитываться. Однако есть контексты, которые представляются надежными, например:

▪ *Князь же великий Василей Васильевичъ Московский сосватався с великим князем тверским с Борисом Александровичем, дщерю его, и **обручал** тогда князь великий Василей за большого сына своего за князя Ивана Горбатого, так бо зва его отец* (ХЛ, л. 339 об., 1446 г.);

▪ *И гъла того дни Ѡатма-Салтанъ царица у великіе государыни въ полатъ у Лазаря Святаго, а князь великій гъль з боляры въ материнъ избѣ. <...> А кравчій былъ у великіе книгини Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, а у царицы былъ кравчій князь Василій Репнинъ <...>. А послѣ стола великая*

государыни подавала чаю царици да туто ее и дарила да и отпустила ее на подворіе; и велѣла ее великая государыни боярынямъ своимъ проводити по тому же, какъ ее встрѣчали (НЛ, т. 11, с. 10, 1368 г.).

В составе нарративной цепочки глаголы НСВ получают значение действий, по завершении которых следуют новые действия, однако можно предполагать, что значение процессности остается компонентом семантики этих глаголов в той же степени, в какой оно характеризует формы презенса НСВ в событийном значении в плане настоящего исторического.

Глаголы речи составляют почти половину всех употреблений событийного прошедшего НСВ – 25 случаев, из которых 20 – контексты с глаголом *сказывати*, три – *приказывати* и один – *спрашивати*. Частотность употребления глагола *сказывати* при введении чужого высказывания, причем как в форме прошедшего времени, так и в форме презенса, позволяет предполагать, что он превращается в устойчивый, формульный способ введения чужой речи, ср.:

▪ *Того же мѣсяца Августа прислалъ изъ Асторохани голова стрѣлецкой сотника Стефана Кобелева, а сказывает: Приехалъ Григорей Каотыревъ съ стрѣлцы и Ѳедка Павловъ съ казаки и посолъ Петръ Тургеневъ <...>. Да Стефанъ же сказывалъ, что Исмаиль-князь собрався з дѣтьми и съ племянники да пришелъ на Исуюовыхъ дѣтей да ихъ побиль <...>* (НЛ, т. 13 (1), с. 258 – 259, 1555 г.).

Другие же глаголы речи, образованные от основ НСВ, в событийном значении не более частотны, чем глаголы других семантических классов.

В то же время чужое высказывание регулярно вводится глаголами, которые в тот период, по-видимому, все еще имели основы, неохарактеризованные по виду (*велѣти*, *молвити*, *просити* и др.) или омонимичные основы СВ и НСВ (*отвѣчати*) [Кукушкина, Шевелева 1991: 43], ср.:

▪ *И князь великы выслал за ними боарь о волостех и о селех, а велѣл говорити так. «Князь великы Иван Васильевич всеа Руси глаголетъ:*

“посылал есмь к тебѣ <...>”. И владыка и посадники и житии отвѣчали: «скажем то, господине, Новугороду» (МЛС, л. 448 – 448 об., 1478 г.);

▪ Генваря 10 князь велѣдъ боаромъ своимъ говорити владыцѣ и посадником и житиимъ и черным о Ярославль дворѣ, что бы тотъ дворъ ему очистили. И владыка и бояря и житии отвѣчали: «о том, господине, едемъ в город, да и скажем Новугороду» (МЛС, л. 448 – 448 об., 1478 г.).

Мы видим, таким образом, что событийное употребление имперфекта и л-форм НСВ аналогично употреблению презенса НСВ в плане настоящего исторического в современном литературном языке. Анализируя жития и повести XV – XVI вв., функциональное сходство этих двух форм отмечала М. Н. Шевелева, подчеркивая их экспрессивную, «выделительную» функцию: «поскольку и настоящее историческое, и имперфект имеют выделительный элемент в семантике, их функции в определенных условиях могут сближаться; это происходит в контекстах собственно выделительного имперфекта, обозначающего последовательные действия, событийные по своей объективной природе» [Шевелева 1986: 88].

Заметим здесь, что если прошедшее НСВ в этой функции возможно как в книжных, так и в некнижных контекстах и, по-видимому, было известно в живом языке, то настоящее историческое событийное в это время фактически ограничивалось церковнославянскими текстами, в живом же языке глаголы НСВ в этом временном плане употреблялись, судя по всему, в основном в процессном значении (подробнее об этом в Главе I). Как было показано выше, в этот период глаголы речи, образованные от основ НСВ, только начинают употребляться в форме презенса с событийным значением.

В заключение еще раз заметим, что основной проблемой для интерпретации обеих форм прошедшего НСВ в рассмотренных летописях оказался недостаточный контекст, не позволяющий четко отграничить интересующее нас употребление этих форм для обозначения завершенных однократных действий от обычных для них значений повторяемого действия

или же действия, взятого в процессе его неограниченного протекания. В случае с имперфектом трактовка примеров с определенного времени начинает осложняться и все возрастающей вероятностью смешения 3 лица единственного числа имперфекта с 3-м лицом множественного числа аориста (-ше//-ша), и нам остается учитывать лишь те контексты, из которых совершенно определенно следует, кто является субъектом действия. Для л-форм НСВ такая проблема отсутствует, но их интерпретация, в свою очередь, осложняется возможностью употребления этих форм в общефактическом значении, нехарактерном для имперфекта, однако затрудняющем трактовку значения л-формы.

Так или иначе, даже те немногочисленные примеры, которые можно считать однозначными, подтверждают возможность обозначения в летописных записях последней трети XIV – XVI вв. однократных завершенных действий формами имперфекта. Источники этого времени демонстрируют параллельное употребление имперфекта и л-форм НСВ, и это, во-первых, позволило сопоставить их употребление и, во-вторых, доказать, что специфическая функция л-форм НСВ, частотная в былинах, не является уникальной именно для фольклорного нарратива, но совпадает с аналогичной функцией имперфекта.

II. 3. 3. Прошедшее НСВ в событийном значении в памятниках XVII в.

Среди рассмотренных текстов XVII в. не содержат прошедшего НСВ в событийном значении Улет, ДЛ, Лет. 1619 – 1691, ВЛ, а также ВпГ (в том числе «Иное видение»), ПвВН, ПвНН, ПвВ, ЖцД.

В остальных памятниках находим в общей сложности 21 пример событийного имперфекта и 22 случая употребления в событийном значении л-форм:

	Прошедшее НСВ в событийном значении	
	Имперфект	л-формы
Золотаревский летописец	2	1
Мазуринский летописец	3	
Устюжский летописец		1
Житие Дионисия	4	
Повесть о житии Федора Ивановича	1	
Повесть о зачатии Отроча монастыря	6	
Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря	4	
Житие Иринарха Ростовского	1	
Видения Евфимия Чакольского		1
Писание о преставлении князя Скопина-Шуйского		3
Повесть о Горе-Злосчастии		16

Значительную часть всех примеров, как и ранее, составляют глаголы речи – 13 случаев из 21: *глаголаше, отвѣщаще, вопрошаше, повѣдаше*. Приведем один из контекстов:

▪ *Въ той же день иде въ церковь святыа Троица клирикъ Корнилей, и внезапно прилетѣ ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колено, и внесоша его въ паперть. И по божественей литоргіи причастися Животворящихъ Таинъ Христовыхъ и глаголаше архимариту: «Се, отче, Господь Богъ архистратигомъ своимъ Михаиломъ отомститъ кровь православныхъ христіан». И сіа рекъ, старецъ Корнилей, преставися (СкАП, л. 85 – 85 об.).*

Имперфект употребляется в цепочке форм аориста и называет одно из последовательных, сменяющих друг друга действий.

В остальных случаях употребление событийного имперфекта также не отличается от того, что мы видели в более ранних текстах, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем и ограничимся одним примером:

▪ *Давидъ же Жеребцовъ, егда приде и видѣ такую простоту твориму во исходищихъ на выласки, ихъ же много бесчестивъ и отславъ прочь, не повелѣ съ собою исходити на брань. Надеженъ же на избранное воинство и къ раздражителемъ добръ урядився, исходитъ извъдатися; стиснувъ же ся съ сопостаты, и со срамотою одолъваемъ, вмѣсто же пота побѣдительства слезами обліяся, урядный неурядно утече. И помалѣ, еще дыша рвеніемъ, исходитъ мститися. Къ нему же простцы рекоша на пути: «Мы, государь бояринъ, преже сего прося у чудотворца Сергіа помощи, малоурядно исхаживали, <...> пастырь же нашъ самъ нами промышляя и не погуби нас николи же». Давидъ же, вѣжди зъ гнѣвомъ возводя на прерѣкущихъ, и исхождаше ко врагомъ на бой. Смятію же брани бывши, и зрятъ простцы мужа храбра и мудра нестроение; но по его отреченію не смѣют помощи тому подати (СкАП, л. 149 об. – 150) – к числу аористов, образующих нарративную цепочку, здесь добавляются формы НИ в событийном значении (исключение представляет собой последняя форма, которая в равной степени может иметь как процессное, так и событийное значение); имперфект прочитывается однозначно – как завершённое однократное действие, приводящее к новой ситуации.*

Что касается употребления в текстах XVII в. л-форм НСВ в событийном значении¹, то нельзя не обратить внимание на то, что основная их часть сосредоточена в двух памятниках – ПГЗ и ПпСкШ, отражающих

¹ Заметим, что в этот период число контекстов, в которых значение л-форм НСВ однозначно определяется как общефактическое, вырастает по сравнению с текстами XV – XVI вв. Экспансию форм прошедшего НСВ с общефактическим значением в МЛ отмечал В. М. Живов [Живов 1995: 74], это же, по наблюдениям П. В. Петрухина, демонстрирует Пискаревский летописец XVII в. [Петрухин 1996: 76].

явную ориентацию на фольклорную традицию. Во втором случае речь идет о небольшом фрагменте, в котором и содержатся все три формы:

▪ *И какъ будетъ после честного стола пиръ на весело, и дїявольскимъ омраченіемъ злодѣянница та княгина Марья, кума подкрестная, подносила чару питія куму подкрестному и била челомъ, здоровала съ крестникомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ. И въ той чарѣ въ питіи уготовано лютое питіе смертное. И князь Михайло Васильевичъ выпиваетъ ту чару до суха, а не въдаеть, что злое питіе лютое смертное. И не въ долгъ часъ у князя Михаила во утробѣ возмутилося, и не допироваль пиру почестного и поѣхаль къ своей матушке княгине Елене Петровне (ПпСкШ, л. 897).*

Этот пример мы уже обсуждали в связи с употреблением в нем презенса СВ и отмечали явную ориентацию автора на устное народное творчество, в частности, по-видимому, на эпические тексты, содержащие схожие эпизоды.

ПГЗ также обнаруживает очевидные параллели с былинами, например:

▪ *принимался онъ за питья за пьяныя
и испиваль чару зелена вина,
запиваль онъ чашею меду слаткаго,
и пилъ онъ, молодець, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился,
понадѣялся онъ на брата названаго (ПГЗ, с. 56).*

Аналогичный эпизод находим в целом ряде былин, ср.:

▪ *А ѡ проводили-то Добрыню во больше место <...>.
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкого,
Слили эты чары в едино место, <...>
А и принимал Добрыня единой рукой,
Выпивает-то Добрыня на единый дух. (Онеж., с. 543).*

Ср. другие показательные фрагменты из ПГЗ и былин соответственно:

- *И вставаль молодець на бѣлыи ноги,
учаль молодець наряжатися:
обуваль онъ лапотки,
надѣваль онъ гунку кабацкую,
покрываль онъ свое тѣло бѣлое,
умываль онъ лице свое бѣлое;
стоя, молодець закручинился <...> (ПГЗ, с. 57);*
- *Крутились было они каликами,
Обували они лапти было липовы,
Надевали они платица нецветныи,
Пошли оны да туда-ка каликамы (Онеж., с. 171);*
- *А ставал же тут прегрозный царь Иван Васильевич
Он по утрышку ранехонько,
Умывается он да белехонько,
Снаряжается он хорошохонько,
Одевае платье опалёныи,
Коней подпрягают воронёных (Онеж., с. 240).*

Гибридные тексты, не связанные напрямую с фольклорной традицией, содержат лишь единичные примеры л-форм НСВ в событийном значении, приведем один из контекстов:

- *И тот поп Иосиф почал ево розоблачать, и не умел. И он великий святитель оглянулся на сторону и почал говорить протодьякону: «Что де стал, не розоблачаеш? Уже де прииде мой [час]». И протодьякон снял омофор и сакос и всю одежду, и отдавал священником; и великий святитель остался в одной ряске бархатной черной, без камилавки <...>. И нас всех ис круга выбили вон, а говорили: «До вас де дела нет». А ево великого святителя повели на зелейной двор пытать (ЗЛ, л. 71, 1670 г., Простр. ред.).*

Отдельного комментария вновь заслуживают глаголы речи: в более чем 45 случаях чужое высказывание вводится глаголами, в течение долгого времени сохраняющими видовую неохарактеризованность или имеющими омонимичные основы СВ и НСВ. Так, в ВЕЧ содержится 6 примеров с глаголом *говорити*, в том числе следующий:

▪ *И в воскресение Христово отстоявъ святую литоргию и над кануномъ тропари и «Свято» отговоря. И чакольской поп почал канун молити Всемилостивому Спасу, въ Троицы славимому Богу, и Пречистой Богородицы, и всем святым. И яз, Еуфимей, почаль говорити попу Феофилакту: «Попъ, будет ты хошь меня слушати, и ты меня слушай Пречистой Богородицы наказаная». И поп говорил: «Яз Пречистой Богородицы наказаная рад слушати». Еуфимей говориль: «И ты пой молебен звоном Пречистой Богородицы. И яз вам Пречистые Богородицы наказание без трудовъ скажу». И попъ не пивъ канонъ и почаль пѣти молебен звономъ Пречистой Богородицы (ВЕЧ, с. 230).*

Глагол *отвѣщати*, имевший совпадающие основы СВ и НСВ, встретился в ЖпА в 11 употреблениях:

▪ *И азъ не пошелъ за бѣсомъ, но напоилъ святою водою брата во имя Господне. Онъ же, воздохня из глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко <...>! Будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту <...>». И я ему говорю: «я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль: «какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батко <...>». Азъ же паки ему далъ святыя воды <...>. Изошла вода, и я пополоскалъ и давать сталь; онъ и не сталь пить (ЖпА, л. 270 – 271).*

Видовая характеристика таких глаголов даже в художественных текстах XIX – XX вв. еще остается дискуссионной. Так, словарь под редакцией Д. Н. Ушакова выделяет глагол *отвечать* в позиции введения прямой речи в отдельное четвертое значение, определяя его основу в таких случаях как СВ [Ушаков 1939: 904]. В. В. Виноградов определяет этот глагол в значении ‘дать, давать ответ’ как СВ и НСВ [Виноградов 2000: 202].

Б. А. Успенский же считает *отвечать* глаголом НСВ, рассматривая употребление НСВ для введения чужого высказывания как нарративный прием [Успенский 2005: 100]. Эту точку зрения находим, в частности, и в более ранней работе Н. С. Власовой, где констатируется способность глаголов речи НСВ выступать в прошедшем времени «в аористическом значении» [Власова 1954: 9]. По его наблюдениям, глаголы класса *verba dicendi*, вводящие прямую речь, являются той единственной областью, в которой в современном литературном языке возможно подобное использование формы прошедшего НСВ. Б. А. Успенский приводит пример из «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова:

– *Чего это вы так радуетесь?* – *спросила Катерина Львовна свекровых приказчиков.*

– *А вот, матушка Катерина Ильвовна, свинью живую вешали, - отвечал ей старый приказчик.*

– *Какую свинью?*

– *А вот свинью Аксинью... - смело и весело рассказывал молодец...*

– *Черти, дьяволы гадкие, - ругалась кухарка.*

– *Восемь пудов до обеда тянет... - опять объяснял красивый молодец... (т. 1, с. 99) [Успенский 2005: 100].*

Абсолютно аналогичные контексты с употреблением глаголов речи мы можем найти и в других художественных текстах. Ср., диалог из рассказа А. П. Чехова «Беззащитное существо»:

– *Я женщина беззащитная, слабая, я женщина болезненная, - говорила Щукина. <...>*

А Алексей Николаевич объяснял ей разницу между ведомствами и сложную систему направления бумаг. Скоро он утомился, и его сменил бухгалтер.

– *Удивительно противная баба! – возмущался Кистунов, нервно ломая пальцы и то и дело подходя к графину с водой. – Это идиотка, пробка! Меня замучила и их заездит, подлая! <...>*

Через полчаса он позвонил. Явился Алексей Николаевич.

Что касается функциональной нагрузки этих форм прошедшего НСВ, то Б. А. Успенский полагает, что они позволяют «фиксировать момент и передать синхронность позиции повествователя», «производить описание как бы изнутри самого действия – т. е. с синхронной, а не ретроспективной позиции, - помещая читателя непосредственно в центр описываемой сцены» [Успенский 2005: 98, 99]. Он отмечает также, что с точки зрения разговорного языка такие формы совершенно неуместны и возможны «только при связном повествовании и в специальных условиях письменной (литературной) речи» [Успенский 2005: 101], то есть имеют очень ограниченную сферу употребления.

Можно предположить, что именно позиция введения прямой речи, располагающая к проявлению как событийного, так и процессного значений, позволила многим глаголам этого класса так долго сохранять в этих контекстах своего рода видовую «неопределенность», хотя во всех остальных случаях принадлежность их к НСВ не вызывает вопросов.

Помимо таких случаев более или менее регулярно прошедшее НСВ в событийном значении в XVII в. встречается только в текстах, отражающих влияние фольклорной традиции, в остальных же текстах эта функция НСВ уже практически не представлена.

Отдельного комментария заслуживает тот факт, что такая редкая для имперфекта функция вообще представлена в текстах XVII в. Поскольку сам имперфект к этому времени уже давно отсутствовал даже в пассивной памяти носителей языка, при употреблении его книжники, с одной стороны, опирались на письменный узус, а с другой, руководствовались системой «пересчета», ориентируясь на современный им разговорный язык [Живов 1995: 45 – 52]. П. В. Петрухин предполагает, что при выборе событийного (в его терминологии – консекutiveного) имперфекта вместо аориста решающую роль играл первый фактор: писцы, «начитанные в книжных текстах, умели

определять именно тот тип прагматического контекста, в котором – по нормам книжного языка – допускалось (или требовалось) употребление КИ» [Петрухин 2001: 235]. Однако исследователь оставляет этот вопрос открытым, объясняя это «почти полным отсутствием в нашем распоряжении некнижных нарративных текстов, которые могли бы пролить свет на употребление СВ и НСВ в древнейший период» [Петрухин 2003: 10].

Как кажется, присутствие л-форм НСВ в событийном значении в текстах разного времени и разной степени книжности и – прежде всего – широкое функционирование этих форм в фольклорных текстах может свидетельствовать в пользу того, что событийное прошедшее НСВ в большей или меньшей степени всегда было характерно для устной нарративной традиции и при «пересчете» могло служить для создателей литературных текстов ориентиром.

II. 4. Итоги

Подробно рассмотрев употребление прошедшего НСВ для обозначения однократных завершённых действий в былинах и сопоставив его с соответствующим употреблением этой формы в предшествующие периоды истории русского языка, мы можем утверждать, что соответствующая функция прошедшего НСВ, воспринимаемая сейчас как специфическая особенность былинного нарратива, не является уникальной чертой, характерной исключительно для фольклорных текстов. В книжных и некнижных памятниках, созданных в разное время, мы находим употребление в событийном значении форм имперфекта и л-форм НСВ, и их функциональное сходство достаточно очевидно.

Памятники каждого из рассмотренных периодов демонстрируют следующую особенность: концентрация форм прошедшего НСВ с событийным значением более высока в текстах, отражающих связь с фольклором: в Слове о полку Игореве три событийных имперфекта встретились в одном очень кратком эпизоде описания сна Святослава; в небольшой по объёму «Задонщине» содержится 5 форм событийного имперфекта; в коротком некнижном фрагменте Писания о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского – 3 л-формы, в Повести о Горе и Злосчасти – 16 л-форм с событийным значением. При этом глаголы речи во всех текстах, кроме «Задонщины», отсутствуют, что также выделяет перечисленные тексты на фоне остальных и, напротив, сближает их с былинами: в последних глаголы других семантических классов не менее (а возможно, даже более) активны в таком употреблении прошедшего НСВ, чем глаголы речи.

Что же касается текстов, не проявляющих явной ориентации на фольклорную традицию, то во все рассмотренные периоды количество форм прошедшего НСВ в событийном значении в них невелико. Среди форм имперфекта значительную часть всех случаев (в среднем от 60 до 70% в

разные периоды) составляют глаголы речи, и употребление этой формы не показывает каких-либо изменений на протяжении XII – XVII вв.

Частотность л-форм НСВ в этой функции со временем снижалась. При этом глаголы речи, основная масса которых имела неохарактеризованную по виду основу и могла, соответственно, выступать в обоих видовых значениях, регулярно употреблялись в прошедшем времени для введения чужого высказывания. Участвуя в образовании нарративной цепочки, они в то же время не утрачивают и процессного значения благодаря следующей за ними прямой речи. По-видимому, долгое сохранение этими глаголами видовой неоднозначности именно при введении чужой речи и тот факт, что все они в конечном счете стали характеризоваться как НСВ, способствовали той любопытной особенности, которую мы наблюдаем в современном литературном языке: глаголы речи – это единственный семантический класс, допускающий событийное употребление в прошедшем НСВ. Очевидно, впрочем, что, имея очень ограниченную сферу употребления, эта функция прошедшего НСВ продолжает уходить на периферию и все меньше используется даже в художественных текстах.

Способность глагола НСВ выступать не только в процессном, но и в событийном значении, в современном русском языке нехарактерная для форм прошедшего времени, является отличительной чертой формы презенса в плане настоящего исторического. Разница между двумя этими нарративными формами (помимо временной транспозиции) оказывается лишь в том, что в настоящем историческом СВ практически не употребляется и имеет место полная нейтрализация видового противопоставления, тогда как в прошедшем СВ очень активен и можно говорить лишь о более широком употреблении НСВ.

Обозначив выводы, которые не вызывают вопросов и представляются надежными, мы можем гипотетически порассуждать об основных тенденциях развития этой особой функции НСВ.

В частности, интересен вопрос о том, какой временной план был первичным для рассмотренного употребления НСВ. Уже исходя из того, что формы НИ имеют переносное грамматическое значение, можно предполагать его вторичность по отношению к прошедшему времени, однако этого аргумента в данном случае недостаточно, поскольку мы говорим об экспрессивной функции НСВ.

Обратившись к самому раннему периоду, о котором мы можем судить по письменным источникам, мы увидим, что в НИ (не церковнославянском, а древнерусском) НСВ употребляется только в процессном значении – завершённые однократные действия в прошлом выражаются с помощью глаголов СВ или неохарактеризованных по виду. С уверенностью утверждать, что презенс НСВ в древнерусский период совершенно не употреблялся в событийном значении, мы не можем, поскольку в нашем распоряжении имеется не так много примеров, однако ни одного событийного НСВ вне книжных церковнославянских текстов нам не встретилось (равно как не встретились они и другим исследователям, изучавшим тексты этого периода [Мишина (Горбунова) 1999]). Первыми примерами событийного НСВ в НИ являются единичные случаи употребления глаголов речи в XVI вв. Что же касается имперфекта¹, то в этой временной форме в событийном значении глаголы НСВ известны с самого раннего времени. В этой связи более вероятным кажется предположение, что изначально НСВ в событийном значении стал употребляться именно в прошедшем времени, план настоящего же здесь вторичен.

Следующий вопрос касается происхождения событийного значения НСВ и основных тенденций его развития. В НИ среди всех глаголов не-СВ первыми событийное значение получили неохарактеризованные по виду основы, значительную часть всех случаев они составляют и в имперфекте.

¹ Был ли имперфект в раннедревнерусский период живой формой или уже утратился, в данном случае неважно: на основании письменных источников мы можем судить о его употреблении в это время в первом случае или же в более ранний период – во втором.

Кажется вероятным, что именно этот класс основ стал употребляться в этой функции первоначально, глаголы НСВ же добавились позднее. Поскольку глаголы, неохарактеризованные по виду, в этом отношении семантически нейтральны и зависят от контекста, можно предположить, что способность обозначать последовательные завершённые действия – это экспрессивная функция имперфекта как аспектуально-временной формы, а не НСВ в узком смысле. Косвенным подтверждением тому может служить аналогичная способность имперфекта в некоторых индоевропейских языках (в частности, древнегреческом¹). В процессе реформирования системы прошедших времен событийное значение, характерное для экспрессивного употребления имперфекта, унаследовали л-формы, образованные, соответственно, от глаголов НСВ и неохарактеризованных по виду.

Сужение сферы употребления л-форм НСВ в событийном значении шло параллельно с ростом активности событийного НСВ в НИ. Не исключено, что последнее послужило одним из факторов, способствовавших утрате формами прошедшего НСВ событийного значения.

Фольклорные тексты, таким образом, сохраняют архаичное употребление прошедшего НСВ, которое, как можно предполагать, восходит еще к дописьменному употреблению имперфекта.

¹ Хотя славянский имперфект является новообразованием и не связан с индоевропейским имперфектом, типологическое сопоставление этих форм все же возможно.

Глава III. Имперфективы, образованные от основ НСВ (типа *хаживал, нашивал, приезживал* и т. п.)

К числу глагольных форм, участвующих в построении былинного повествования и отличающихся в своем употреблении от литературного, следует также причислить глаголы НСВ, мотивированные основами НСВ: *езживал, сиживал, едал, бирал, прихаживал, принашивал* и т. п., например:

- *А стоит же тут Чурилушка сын Плѣнкович,
Говорил же тут Чурила сын же Пленкович:
– Ай же ты мужик да деревеничина,
А пустым ты, мужик, да нуньчу хвастаешь!
Ты убил купця либо боярина,
Снял же тут сапожки да зелен сафьян,
Сам же ты сапожков знать не держивал,
Все же на сапожки ты поглядывать* (Онеж., с. 201).

В былинах эти глаголы несопоставимы по частотности употребления с формами, рассмотренными ранее, однако сужение сферы их употребления в современном литературном языке фактически до средства стилизации и, напротив, сохранение ими продуктивности в севернорусских говорах дает основания для подробного их рассмотрения.

На употребление таких имперфективов в былинах обращали внимание исследователи. Так, Б. А. Успенский приводил былинные контексты в качестве иллюстраций наряду с примерами из деловых текстов XVII в. [Успенский 2004: 50]. П. С. Кузнецов отмечал возможность употребления в былинах «многократных основ» не только в прошедшем времени, но и в настоящем в качестве исключения, оговариваясь при этом, что «здесь мы, по-видимому, имеем дело не с фактами, идущими из живого говора, а с особенностью фольклорного стиля» [Кузнецов 1953: 264].

III. 1. История вопроса

III. 1. 1. Глаголы типа *хаживал* в современном литературном языке

Глаголы НСВ, образованные от исходных глаголов НСВ при помощи суффиксов *-ива-/-ыва-*, *-ва*, *-а* с возможным удлинением корневого гласного, в современной русистике относят к глаголам многократного способа действия [Маслов 1965/2004: 392; Авилова 1976: 35; АГ 1980: 598; ТФГ 1987/2007: 149; Ремчукова 2004: 17; Петрухина 2009а: 94; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128 и др.].

В современном литературном языке круг основ, от которых образуются глаголы этого типа, достаточно узок – АГ 1980 указывает в их числе, в частности, бесприставочные глаголы «со значением неоднаправленного движения, восприятия, речи, существования, положения и изменения положения в пространстве, конкретного физического действия» [АГ 1980: 598 (Н. С. Авилова)]: *ходил* – *хаживал*, *ездил* – *езживал*, *сидел* – *сиживал*, *видел* – *видывал* и т. п. Среди приставочных основ НСВ, образующих глаголы многократного способа действия, АГ 1980 называет лишь глаголы движения: *захаживал*, *принашивал* и т. п. [АГ 1980: 598 (Н. С. Авилова)], а ТФГ и вовсе ограничивает число приставочных основ единственным глаголом – *захаживать* [ТФГ 1987/2007: 148 (В. С. Храковский)].

Бесприставочные и приставочные имперфективы многократного способа действия употребляются в современном литературном языке практически только в целях стилизации – «преимущественно при изображении народного быта» и в качестве «средства архаизации стиля» [АГ 1980: 598 (Н. С. Авилова)], «входя в арсенал изобразительных средств языка русской художественной литературы» [Прокопович 1982: 184; об этом также – Зализняк Анна, Шмелев 2015: 129; Ровнова 1991: 95; Ровнова 1993: 2]. Таким образом, этот класс глаголов еще сохраняет свою продуктивность, но только «как свободу потенциального или окказионального образования <...> в определенных стилистических целях при крайне редкой и убывающей их

употребительности» [Пожарицкая 1991: 85; о непродуктивности и ограниченной сфере употребления глаголов этого класса – также Виноградов 1947/2001: 413 – 414; Исаченко 1960: 275; Авилова 1964: 142; Прокопович 1982: 184; Силина 1982: 190; Петрухина 2009: 119 – 120; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128].

Основы этого типа не имеют полной парадигмы. Наиболее частотной оказывается форма прошедшего времени, и на протяжении долгого времени это давало основания исследователям считать глаголы типа *хаживал* особой формой прошедшего времени – «давнопрошедшее многократное», «давнопрошедшее неопределенное» и т. п. [в частности, Пешковский 1938/2001: 211; Барановская 1956: 6]. По мнению Е. Н. Прокопович, на этом основании подобные глаголы вообще «не могут быть причислены к видовым образованиям», поскольку форма прошедшего времени, в которой они в основном употребляются, «и является носителем особых значений», отличающих эти глаголы [Прокопович 1982: 182].

Редко, но возможно также образование форм инфинитива, причастия и презенса: *...водка незаменима на поминках, а мне на них приходится сиживать все чаще и чаще* (Е. Евтушенко. Волчий паспорт); *...Григорий, не любивший ожидания, всегда говаривавший, что «хуже всего на свете – это дожидаться и догонять», решил ехать сейчас же* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Она не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту* (В. Бианки. Лесные были и небылицы). Исключение составляет глагол *бывать*, имеющий полную парадигму [Зализняк Анна, Шмелев 2015: 128].

Значение глаголов многократного способа действия, соответственно, формулируется как значение «неоднократной повторяемости» действия [АГ 1980: 598 (Н. С. Авилова)], указание на «многократное повторение действия, названного производящим неопределенным глаголом» [Ремчукова 2004: 17], обозначение «квантифицируемых ситуаций, способных неоднократно переставать и начинать иметь место» [Князев 1989: 142]; на присутствие

значения неоднократной повторяемости действия в семантике глаголов типа *хаживал* указывали Ф. И. Буслаев, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др. (в русской грамматической традиции XIX – начала XX в. они трактовались как глаголы особого многократного вида) [Буслаев 1959: 364; Пешковский 1938/2001: 211; Потебня 1941: 84; Шахматов 1925/2001: 475; Виноградов 1947/2001: 413 – 414; Власова 1954: 11; Исаченко 1960: 276; Прокопович 1982: 182 – 200].

Особым предметом дискуссии становится тот факт, что глаголы многократного способа действия употребляются в современном литературном языке в том числе с отрицанием, «хотя если действия не было, то, естественно, не возникает вопрос о его повторяемости» [ТФГ 1987/2007: 149 (В. С. Храковский)]. В. С. Храковский, принимающий значение неоднократности в качестве основного для форм типа *хаживал*, предлагает две возможных интерпретации предложений с отрицанием: обозначение «того периода времени, в который до момента речи не осуществлялось повторявшееся ранее действие», и «категорическое, с повышенной экспрессией» отрицание «ситуации, которая актуальна для момента речи» [ТФГ 1987/2007: 149]. Эти варианты он иллюстрирует следующими примерами соответственно: *Проходи, батюшко, да садись, давно не захаживал* (В. Белов); *–...Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив? – Что вы? Да такого бешеного я сроду не видывала* (А. Пушкин) [ТФГ 1987/2007: 149].

«Повышенная экспрессия», категоричность отрицания и его «экспрессивно-усилительный характер» часто указываются как основное значение многократных глаголов в контекстах с частицей *не* [например, Буслаев 1959: 364; Потебня 1941: 85; Авилова 1964: 147; Власова 1954: 12; АГ 1980: 598; Ровнова 2001: 116; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 129]. Аналогичным образом интерпретирует отрицательные контексты с итеративами и Б. А. Успенский, объясняя появление эмфатического усиления отрицания как раз наличием значения повторяемости: поскольку отрицание

относится к каждому из повторяющихся компонентов действия, «подчеркивается именно, что ни один из моментов, составляющих данное действие, не имел места» [Успенский 2004: 55].

В числе значений, выражаемых глаголами типа *хаживал*, регулярно указывается значение отнесенности называемого ими действия в далекое прошлое [Буслаев 1959: 364; Власова 1954: 11 – 13; Барановская 1956: 6; Авилова 1964: 141; Прокопович 1982: 182]. А. В. Исаченко уточняет, что речь идет о неактуальном прошедшем: имперфектив, мотивированный основой НСВ, называет такое действие в прошлом, которое «в момент речи больше не повторяется» [Исаченко 1960: 276].

Наконец, в ряде работ отмечается способность глаголов типа *хаживал* употребляться в общефактических контекстах. Так, А. В. Исаченко пишет о том, что подобные образования «при благоприятных контекстуальных условиях» могут иметь общефактическое значение, подчеркивая, что в этом случае они не отличаются от обычных форм прошедшего времени типа *ходил* [Исаченко 1960: 433]. Возможность выражения такими глаголами общефактического значения в современном литературном языке отмечают, в частности, Ю. П. Князев и Д. В. Сичинава [Князев 1989: 142; Князев 2007: 64; Сичинава 2013: 33].

III. 1. 2. Глаголы типа *хаживал* в памятниках XV – XVII вв.

В памятниках имперфективы, мотивированные основами НСВ, начинают фиксироваться сравнительно поздно. Первые подобные случаи, обнаруженные исследователями в текстах второй половины XIV в. (*канчивати* – [Кузнецов 1959: 258], *кладывати* – [Силина 1982: 175]), еще не могут считаться надежными, поскольку эти глаголы образованы от основ, допускающих оба видовых значения [Юрьева 2009: 21 – 22; Шевелева 2012: 144], и «даже к XV в. такие глаголы еще очень редки» [Кузнецов 1959: 258].

С формальной точки зрения интересующие нас глаголы, представленные в памятниках XV – XVII вв., не отличаются от современного

литературного языка: они образуются от основ НСВ посредством суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ива-/-ыва-*, могут быть как бесприставочными (*хаживал*), так и приставочными (*прихаживал*), встречаются в формах прошедшего времени на *-л*, инфинитива и страдательного причастия¹.

Приставочные глаголы типа *прихаживать* заслуживают отдельного комментария. В свое время А. К. Кошелевым была высказана гипотеза о том, что бесприставочные имперфективы образовались от приставочных «в результате декомпозиции» [Кошелев 1958: 34]. Точку зрения А. К. Кошелева о вторичности бесприставочных глаголов по отношению к приставочным и образовании первых путем «отбрасывания приставки» поддержали, в частности, П. С. Кузнецов, Г. А. Хабургаев, В. Б. Силина [Кузнецов 1965/2006: 291; Хабургаев 1981: 320 – 321; Силина 1982: 188].

Однако нельзя не учитывать неодинаковую природу вторичных имперфективов и глаголов типа *прихаживать*. Во-первых, модель образования вторичного имперфектива от основы СВ при помощи имперфективирующих суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ива-/-ыва-* (*подписать* → *подписывать*) известна уже в самых ранних памятниках и является одним из основных способов видообразования, продуктивность которого не только не утрачивается, но, напротив, растет с течением времени. Образование же имперфективов НСВ от основ НСВ (*приходить* → *прихаживать*), как уже говорилось, становится известно в памятниках не ранее конца XIV в. Во-вторых, как справедливо замечает Г. Я. Сими́на, в говорах (заметим, что это верно и для старорусских памятников) «нет ни одного случая, подтверждающего “отбрасывание” приставки в качестве способа выражения итеративности» [Сими́на 1970: 43]. В этой связи с гипотезой такого происхождения глаголов типа *хаживал* нельзя согласиться. Мы исходим из

¹ Исключение в отдельных случаях составляет глагол *бывати*, подробнее он будет обсуждаться ниже.

того, что специфику этих основ составляет их производность от НСВ [Пожарицкая 1991; Шевелева 2012].

Бесприставочные и приставочные глаголы НСВ, мотивированные основами НСВ, широко распространяются в памятниках XVI – XVII вв. [Кузнецов 1953: 262; 1959: 263]. Они частотны в текстах бытового содержания, приказных грамотах и допросных речах [Успенский 2004: 49 – 52, 55 – 56]. Не только на присутствие, но и на высокую продуктивность модели в живом языке XVI – XVIII вв. указывает обращение к итеративным основам при переводе плюсквамперфекта в «Донатусе» Дмитрия Герасимова 1522 г. [Ягич 1896: 566 – 567, 572, 575, 578], латинских грамматиках Копиевича и Василя Лебедева 1700 г. и 1746 г. соответственно, сопоставительной грамматике русского и немецкого языков Ивана Афанасьева 1725 г. [Успенский 2004: 47 – 48; Живов 1992: 254 – 255]. Приводятся формы прошедшего от бесприставочных итеративных основ также в «Технологии...» Федора Поликарпова 1725 г., грамматиках М. В. Ломоносова и А. А. Барсова 1757 г. и 1783 – 1788 гг. соответственно [Успенский 2004: 48, 260 – 261].

Единственный глагол, встречающийся уже в самых ранних памятниках, – это *бывати*, но считать ранние примеры его употребления полным аналогом более поздним примерам с глаголами типа *хаживать* нельзя, поскольку производящий для него глагол *быти* в ранний период не являлся глаголом НСВ, употребляясь в обоих видовых значениях и образуя ряд форм со значением СВ [Шевелева 2012: 144 – 146]. Ранее других, еще в древнерусском языке, стали употребляться также глаголы *слыхати*, *видати* [Маслов 1958/2004: 465; Шевелева 2016: в печати].

Относительно семантики глаголов типа *хаживал* в памятниках XV – XVII вв. не существует единого мнения. В качестве инварианта в русистике в разное время предлагались следующие значения: 1) значение многократности, 2) таксисное значение предшествования одного действия

другому, 3) давнопрошедшее и 4) общефактическое значение. Однако, выбирая то или иное значение в качестве основного, исследователи, как правило, подчеркивают, что оно осложняется и другими дополнительными семантическими компонентами.

Так, С. Д. Никифоров, рассматривавший деловые тексты XVI в., и П. С. Кузнецов, анализирувавший памятники XV – XVII вв., указывают на свойственное глаголам типа *хаживал* значение неоднократного повторения, но оговариваются, что возможно также и обозначение ими однократных действий [Никифоров 1952: 8 – 9; Кузнецов 1953: 263; Кузнецов 1959: 260, 261]. С. Д. Никифоров указывает, что в прошедшем времени значение повторяемости может отсутствовать – глаголы типа *хаживал* в этом случае он называет формой давнопрошедшего времени, необходимой для выражения «единичного законченного в далеком прошлом действия» [Никифоров 1952: 9]. Об этом же пишет П. С. Кузнецов, определяя значение глаголов типа *хаживал* как «нечто давно бывшее, возможно (но не обязательно) повторяемое, обычно длительное» [Кузнецов 1959: 263; 1953: 263 – 264]. Похожие определения находим в работах Н. А. Федотовой, В. Г. Барановской, В. А. Бондаревой, В. Б. Силиной [Федотова 1954: 12 – 13; Барановская 1956: 6, 11; Бондарева 1973: 12 – 13; Силина 1981: 187].

«Отнесенность в давнее прошлое», а также «значение более раннего прошедшего» называет в качестве основного значения глаголов типа *хаживал* Г. А. Хабургаев, подчеркивая что значение повторяемости не является обязательным для этих образований [Хабургаев 1981: 333]. Как «давнопрошедшее» – «действие, закончившееся до некоторого момента в прошлом», – определяет семантику таких глаголов в Пискаревском летописце XVII в. П. В. Петрухин [Петрухин 1996: 82].

Ту же трактовку семантики имперфективов от основ НСВ находим в работах Б. А. Успенского: рассматривая употребление глаголов типа *хаживал* в допросных речах XVII в., он также считает основным значением этих образований не многократность действия, а отнесенность его «к

отдаленному прошлому» или – в некоторых случаях – «значение преждепрошедшего времени, т. е. плюсквамперфекта» [Успенский 2004: 46, 47]. Кроме того, Б. А. Успенский отмечает вариантное употребление в исследованных текстах глаголов типа *хаживал* и «обычных» глаголов НСВ, заключая, что первые находятся в привативной оппозиции по отношению ко вторым, то есть маркированы как выражающие значение «давнопрошедшего или преждепрошедшего времени» [Успенский 2004: 49].

По наблюдениям А. Ю. Курмачева, основным контекстом употребления имперфективов от основ НСВ в деловых текстах XV – XVII вв. является общефактический [Курмачев 1996]. Как показала М. Н. Шевелева, в летописях XV – XVI вв. общефактическое значение «наиболее часто реализуется в контексте длительного временного интервала и противопоставления последующей ситуации», и это обусловило развитие у форм типа *хаживал* значения давнопрошедшего времени, которое, первоначально будучи контекстуально обусловленным, «со временем становится в диалектной системе Центра основным значением» глаголов этого типа [Шевелева 2012: 159]. По мнению М. Н. Шевелевой, семантической базой для развития общефактического значения послужила итеративность, понимаемая «не как повторяемость, а как членимость действия на отдельные кванты, его дискретность, потенциальная способность неоднократно переставать и начинать иметь место» [Шевелева 2016: в печати]. Именно «маркированная итеративность», характерная для глаголов этого типа, отличает их от остальных глаголов НСВ в выражении общефактического значения, «эмфатически усиливая» все свойства последнего. Таким образом, основным значением глаголов типа *хаживал*, по мнению М. Н. Шевелевой, оказывается «эмфатически подчеркнутое общефактическое значение», развившееся на базе значения кратности, дискретности, присущего глагольной основе [Шевелева 2012: 156 – 157].

Отдельный сюжет представляет глагол *бывати*. Поскольку он известен с самого раннего времени, требуют внимания не только особенности его употребления наряду с глаголами типа *хаживать* начиная с XV в., но также семантика этого глагола в более ранний период. По наблюдениям М. Н. Шевелевой, в ранних летописях глагол *бывати* ведет себя не как итератив, но «как простой имперфектив при не имеющей однозначной видовой характеристики основе» [Шевелева 2012: 146, 151]. Тот факт же, что в ряде контекстов он получает значение неоднократно повторяющегося действия или состояния, М. Н. Шевелева объясняет спецификой его бытийной семантики: «имперфектив от глагола существования или статива должен был получить значение кратности, членимости данного состояния на тождественные друг другу составляющие, дискретности» [Шевелева 2012: 146]. Что же касается более позднего употребления, то в летописях XV – XVI вв., исследованных М. Н. Шевелевой, глагол *бывати* встречается существенно чаще и «подстраивается» под имперфективы от основ НСВ типа *хаживал*, *нашивал* и т. п., уже проявлявшие в этот период свою специфику [Шевелева 2012: 151].

На отсутствие в семантике глагола *бывати* обязательного значения многократности по крайней мере до XVIII в. указывает также Д. В. Сичинава, подтверждая это контекстами из словарей русского языка XI – XVII и XVI – XVII вв.: *бывал солдат* [а теперь уже не солдат], *бывал нашъ братъ мужичий сынъ* (1637) [а теперь изменил социальный статус, став царем] и др. *Бывати* в таких случаях имеет значение ‘существовать, являться’, «в том числе в неактуальном замкнутом временном интервале» [Сичинава 2013: 277].

До сих пор малоисследованным остается диалектное распределение имперфективов, мотивированных глаголами НСВ, в период наибольшего роста их продуктивности.

Хорошо известно, что глаголы типа *хаживал* были широко распространены в деловом языке XV – XVII вв. [Кузнецов 1953; Хабургаев 1981: 320, 334], в других некнижных памятниках встречаются реже: «в частных письмах она [эта особенность канцелярского языка] незначительна, а в челобитных (деловых памятниках неофициального происхождения) не столь высока» [Хабургаев 1981: 334]. Несмотря на то что в деловых текстах имперфективы от основ НСВ употребляются повсеместно, утверждать присутствие их в живом языке разных регионов только на этом основании невозможно: поскольку эта особенность делового языка могла сложиться под влиянием московской нормы, необходимо сопоставление с диалектными данными и материалом других типов памятников.

Широкое присутствие имперфективов от основ НСВ в Москве и на Северо-Востоке, очевидное по современным диалектным данным и деловым текстам XV – XVII вв., подтверждается также наличием их в летописях: М. Н. Шевелева проанализировала употребление этих глаголов в московской Никоновской и Вологодско-Пермской летописях [Шевелева 2012].

При этом в псковских летописях XV – XVI вв., по ее наблюдениям, они отсутствуют, за исключением глагола *бывати*, который повсеместно встречается с самого раннего времени, и одного употребления глагола *живати* в «контексте общефактического отрицания, распространяющегося на неограниченно длительный временной период» [Шевелева 2012: 165]. Модель образования имперфективов типа *хаживал* «если и получает здесь некоторое развитие, то явно гораздо менее широкое, чем на северо-востоке» [Шевелева 2012: 165].

Сложнее всего судить об употреблении глаголов типа *хаживал* в южнорусской диалектной зоне, поскольку примеров употребления их в современных говорах Юга практически нет (подробнее об этом ниже). Согласно неопубликованному исследованию деловых памятников XV – XVII вв. различной диалектной локализации, выполненному А. Ю. Курмачевым, южнорусские тексты демонстрируют некоторые отличия

от севернорусских и московских. Прежде всего речь идет о более широком (и даже возрастающем с течением времени) употреблении глаголов типа *хаживал* «в экзистенциальном значении в утвердительных контекстах», в то время как для памятников Центра и Севера эта сфера употребления имперфективов от основ НСВ «практически закрыта», а основным является отрицательный контекст [Курмачев 1996: 119]. Кроме того, как замечает М. Н. Шевелева, южнорусские памятники «не показывают хронологического “отставания” от севернорусских и московских источников», что было бы логичным в случае распространения их на Юге под влиянием деловой нормы Центра [Шевелева 2012: 166].

Эти факторы могут служить подтверждением гипотезы П. С. Кузнецова, предполагавшего возможность ранней утраты образований типа *хаживал* в южнорусских говорах [Кузнецов 1953: 267]. В этом случае допустимо предполагать, что модель образования вторичных бесприставочных имперфективов от основ НСВ также сформировалась в южнорусских диалектах XV – XVI вв., однако позднее по каким-то причинам была утрачена [Шевелева 2012: 166 – 167].

Дальнейшее исследование диалектных различий в образовании и употреблении вторичных бесприставочных имперфективов в диахронном аспекте предполагает продолжение работы с памятниками, не принадлежащими к деловому регистру, а также современными диалектными данными.

III. 1. 3. Глаголы типа *хаживал* в современных русских говорах

В современных русских говорах вторичные бесприставочные и приставочные имперфективы, мотивированные глаголами НСВ, представлены в целом шире, чем в литературном языке.

Центральные и южнорусские говоры мало исследованы в этом отношении, Диалектологический атлас русского языка вообще не содержит информации об употреблении имперфективов от основ НСВ [ДАРЯ 1986 –

1989]. Ученые отмечают сам факт более широкого бытования глаголов типа *хаживал* в говорах [Потебня 1941: 82], однако уточняют, что «их почти нет в южновеликорусском наречии, и притом не только они не наблюдаются или почти не наблюдаются в живых говорах, но их очень мало и в фольклорных записях, сделанных на юге» [Кузнецов 1953: 266]. О. Г. Ровнова обнаружила в рассмотренных ей материалах «всего несколько примеров из наиболее архаичных южнорусских говоров», заключая, что «в южно- и среднерусских говорах многократные глаголы фиксируются редко или не фиксируются вовсе» [Ровнова 2011: 112].

В севернорусских же говорах имперфективы от основ НСВ хорошо известны и в настоящее время употребляются достаточно широко [Мансикка 1914: 215; Кузнецов 1953: 266, 1959: 266; Барановская 1956: 8; Сими́на 1970, 1970а; Пожарицкая 1991; Ровнова 1991]. Обширный собранный и исследованный диалектный материал позволяет утверждать, что глаголы типа *хаживал* «являются характерной чертой видовой системы архангельских, вологодских, кировских, сибирских (верхне- и среднеобских), русских говоров Карелии» [Ровнова 1991: 95]. Любопытно наблюдение Н. А. Лукьяновой относительно употребления имперфективов от основ НСВ в говорах Новосибирской области: по словам исследователя, эти глаголы присутствуют преимущественно в речи жителей тех населенных пунктов, где «концентрировалось в прошлом севернорусское население, и совершенно отсутствуют в речи новосёлов-южнорусов» [Лукьянова 1972: 90].

Вторичные имперфективы (от основ НСВ), представленные в говорах, образуются так же, как и в литературном языке, – посредством суффиксов имперфективации и, как правило, удлинения корневого гласного. Основное отличие состоит в том, что в говорах эта модель сохраняет свою продуктивность – круг основ НСВ, допускающих образование производного имперфектива, значительно шире: *бирал, теривался, рабливал, баливал, ночевывал* и др. [Пожарицкая 1991]. Кроме того, в говорах известно удвоение суффикса имперфективации (*бирал – бирывал, рассказывал – рассказывливал,*

сказывал – *сказывливал* и т. п.), также свидетельствующее о высокой продуктивности этой модели [Обнорский 1953: 38; Сими́на 1970: 38 – 39; Ровнова 1991: 97; Ровнова 2011: 117].

Наконец, все исследователи, рассматривавшие диалектный материал, отмечают значительное количество или преобладание в своих выборках контекстов с отрицанием, что также совпадает с общей тенденцией, отмеченной для литературного языка [Сими́на 1970; Пожарицкая 1991: 86; Ровнова 1991: 96; Пак 1993].

Дискуссионным остается вопрос о семантике глаголов типа *хаживал* в говорах. В качестве основного их значения часто называют отнесенность к далекому прошлому или значение неоднократной повторяемости действия, в ряде работ предполагается сочетание в семантике глаголов типа *хаживал* обоих значений – многократности и отнесенности в далекое прошлое [Барановская 1956; Сими́на 1970; Лукьянова 1972; Си́лина 1981; Пак 1993]. Однако исследователи, определяющие значение повторяемости действия в качестве основного (или одного из основных) для глаголов типа *хаживал*, зачастую признают, что оно представлено не во всех контекстах. Так, Г. Я. Сими́на пишет, что контексты без отрицания «выражают повторяемость уже не столь отчетливо» - многократное значение глагола в этих случаях следует из контекста, «поддерживается лексическими и синтаксическими средствами», а на первый план выходит уже «скорее отнесение событий в далекое прошлое» [Сими́на 1970: 28, 29].

На априорность термина «многократный», унаследованного современной русистикой еще от грамматик XIX в. и в некотором смысле навязывающего определенную трактовку семантики глаголов типа *хаживал*, указывает С. К. Пожарицкая. Тот факт, что значение неоднократного повторения отсутствует в целом ряде типов контекстов (предложения с отрицанием, общий вопрос и ответ на него, а также предложения без отрицания, в которых речь идет об однократном действии), она объясняет тем, что глаголы типа *хаживал* не являются специализированными формами

для выражения этого значения: хотя значение кратности действительно «имплицитно присутствует» в большинстве контекстов без отрицания, оно вообще свойственно глаголам НСВ [Пожарицкая 1991: 91]. Основным же, инвариантным, значением таких глаголов в севернорусских говорах С. К. Пожарицкая называет общефактическое, «безотносительное к его результату и не локализованное во времени (прошедшем)» [Пожарицкая 1991: 92]. Позднее она уточняет трактовку семантики подобных глаголов, сформулировав ее как значение «прекращенной хабитуальности» [Пожарицкая 2015: 172]. В. А. Плунгян также высказывал предположение, что суффиксы таких имперфективов могут быть интерпретированы как «специализированные показатели хабитуальности или “прекращенной хабитуальности”», указывая на неточность применения термина «итератив» по отношению к глаголам типа *хаживал*, поскольку «итеративная семантика, по всей вероятности, ни в каком из этих образований не является доминирующей» [Плунгян 2011: 305]¹.

Основным для глаголов типа *хаживал* в севернорусских говорах признает общефактическое значение и О. Г. Ровнова. При этом исследователь подчеркивает, что действие «характеризуется неопределенностью во времени», а прямое дополнение при таких глаголах имеет неопределенную референцию: «имеется в виду не конкретный, “именно этот”, объект, а обобщенный» [Ровнова 1993: 17]. Примеры, в которых глаголы типа *хаживал* называют повторяющиеся действия, в исследованном О. Г. Ровновой вологодском говоре «занимают весьма скромное место», и значение многократности является там контекстно обусловленным, равно как и указание на давность действия [Ровнова 1993: 18, 19 – 20; Ровнова 1998: 403]. Важным для нас оказывается вывод исследователя о том, что характер употребления глаголов типа *хаживал* в

¹ На то, что значения многократности в контекстах, содержащих глаголы типа *хаживал*, «может и не быть», одним из первых указывал еще А. А. Потебня [Потебня 1941: 84].

изученном говоре «соответствует языковой ситуации старорусского периода, как она представлена в памятниках деловой письменности» [Ровнова 1993: 19].

Проанализировав употребление глаголов типа *хаживал* в говоре д. Тавреньга Архангельской области, И. В. Бегунц соглашается с наличием у них общефактического значения и предлагает видеть их специфику в обозначении нелокализованной во времени ситуации: если «обычные» глаголы НСВ в общефактическом контексте могут называть действия, соотнесенные с конкретной точкой на временной шкале, то имперфективы, образованные от основ НСВ, называют действия, имевшие место по крайней мере однажды в течение некоторого периода времени. «Обычные» глаголы НСВ и глаголы типа *хаживал* могут быть соотнесены, таким образом, с английскими Past Simple и Present Perfect (И. В. Бегунц, устное сообщение).

Очевидно, что, несмотря на значительное число исследований, вопрос семантики глаголов типа *хаживал* как в современных говорах, так и в памятниках XV – XVII вв. по-прежнему не решен. Неясны также причины появления этих специфических образований и их неравномерной утраты в различных русских говорах.

В задачи настоящего исследования входит описание особенностей функционирования имперфективов типа *хаживал* в былинах и их семантики, а также сопоставление их с диалектным материалом и данными исследованных памятников.

Поскольку меньше всего сведений об употреблении вторичных имперфективов в южнорусских говорах, для сравнения привлекаются также тексты южнорусских былин, записанные в начале XX в., то есть приблизительно в то же время, что и исследуемые севернорусские былины. Кроме того, как и ранее, мы будем обращаться к текстам сказок.

III. 2. Глаголы типа *хаживал* в фольклорных текстах

III. 2. 1. Глаголы типа *хаживал* в севернорусских фольклорных текстах

Имперфективы, мотивированные глаголами НСВ, в былинах почти всегда встречаются в составе прямой речи, не участвуя, таким образом, в построении нарративной цепочки. Они значительно уступают в количественном отношении основным повествовательным формам – настоящему историческому, прошедшему НСВ в событийном значении и прошедшему СВ в значении конкретно-фактическом.

В Онежских былинах встретилось всего 26 имперфективов, мотивированных глаголами НСВ, представленных 121 примером. Большинство из них приставочные: *бывать* – 39¹, *видать* – 18, *слыхать* – 11, *говаривать* – 8, *едать* – 6, *пивать* – 4, *слыхивать* – 3, *хаживать* – 3, *езживать* – 3, *держивать* – 2, *плачивать* – 2, *езжать*, *живать*, *сыпáть* (от *спать*), *бивать*, *нашивать*, *обедывать*, *учиваться*, *игрывать*, *пинывать*, *ранивать*, *видывать*, *стаивать*, *важивать*.

Приставочных основ меньшинство – всего 5 глаголов в 9 употреблениях: *выезживать* – 3, *приезживать* – 2, *попадывать* – 2, *вываживать*, *проезживать*. Приставочные глаголы требуют отдельного комментария. Как уже отмечалось выше, однозначно определить производящую основу для ряда таких образований часто невозможно. Так, производящей для глагола *приставливать* может оказаться и основа НСВ – *приставлять*, и СВ – *приставить* (вариативность суффиксов *-а-* и *-ива-/-ыва-* хорошо известна как в говорах, так и в древнерусских памятниках [Кузнецов 1959: 256; Пожарицкая 1991: 88; Ровнова 1997: 174; Шевелева 2010: 204 – 211]). Далее объектом нашего исследования будут только те, глаголы, производящая основа которых однозначно характеризуется как НСВ, спорные случаи мы рассмотрим отдельно.

¹ Указывается число употреблений в рассмотренных текстах.

Сказки, записанные в том же регионе, а также на территории современной Вологодской области, содержат 11 глаголов в 45 употреблениях, в том числе один приставочный: *видать* – 23, *бывать* – 8, *слыхать* – 3, *едать* – 3, *пивать* – 2, *видывать*, *живать*, *езжать*, *сыпáть*, *плачивать* (от *платить*), *прохаживать*.

Как видно из приведенного списка, в текстах представлены все три суффикса имперфективации – *-а-*, *-ва-*, *-ива-/-ыва-* – при некотором численном превосходстве последнего. Главный критерий в данном случае – мотивированность глагола НСВ другим глаголом НСВ, а не СВ, как при образовании вторичного имперфектива.

Легко заметить, что в обоих типах источников особое место занимают глаголы *бывать*, *видать* и *слыхать*. Если учесть, что на остальные глаголы в былинах приходится 53 примера, а в сказках – всего 11, становится очевидным, насколько значительной оказывается доля этих трех лексем. Кроме того, в памятниках XII – XVI вв. употребление этих глаголов, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, обладает рядом особенностей, отличающих их от «нормальных» глаголов типа *хаживал*. В частности, основы, от которых они образованы, не относятся к НСВ, а являются неохарактеризованными по виду, сами же глаголы *бывать*, *видать* (возможно, также и *слыхать*) в памятниках начинают фиксироваться раньше обычных имперфективов от основ НСВ [Шевелева 2012: 151; Шевелева 2016: в печати]. В связи с этим кажется оправданным рассматривать их отдельно.

Анализ семантики и функционирования глаголов типа *хаживал* в фольклорных текстах предполагает, с одной стороны, определение того, как они соотносятся со значениями давнопрошедшего, «преждепрошедшего» и многократности, которые предлагаются на роль инвариантных для этих образований в работах диалектологов и историков языка, а с другой – какие компоненты семантики отличают глаголы типа *хаживал* от «обычных» глаголов НСВ.

III. 2. 1. 1. Рассмотрим вначале все глаголы, кроме *бывать*, *видать* и *слыхать*. В Онежских былинах они представлены 53 случаями; в большинстве контекстов мы находим формы прошедшего времени, еще в девяти и двух случаях представлены соответственно формы действительного причастия настоящего времени и страдательного причастия прошедшего времени (к ним обратимся позднее). В рассмотренных севернорусских сказках все 11 случаев представлены формами прошедшего времени.

В обоих типах источников обычным контекстом для употребления имперфективов, образованных от основ НСВ, является общефактический (не вполне однозначны семь однотипных случаев употребления глагола *говаривать* – о них скажем отдельно).

Большинство составляют контексты общефактического отрицания – 20 примеров в былинах и 6 в сказках, утвердительные контексты представлены четырьмя и двумя контекстами соответственно. Приведем по одному примеру:

- *Зговорит стольний князь да Владимир-тот:*
– *Какая-то наехала холопина боярская,*
Убил князя либо боярина <...>,
А й с того он содрал платья цветныи,
Ай сапожков зелен сафьян не держивал,
Цветных-то платьиуов не нашивал (Онеж., с. 509);
- *<...> потом вси хвастают [на пиру], хто цим може. Он говорит, этот бедный-то: «Што, – говорит, – хвастать: я на лёв-зверя (=звере) езжал и то не хвастаю» (ССк, с. 231).*

О вопросительных предложениях стоит говорить только применительно к текстам сказок (3 примера), поскольку в былинах два почти одинаковых контекста фактически представляют собой утвердительные высказывания, поданные в форме риторических вопросов:

- *Что ли ты по темну лесу да ведь не хаживал,*
Аль змеинаго ты свисту да не слыхивал? (Онеж., с. 547)

В сказках во всех трех представленных случаях обнаруживаем общие вопросы, например:

- *«А што, земляк, – тебя не признаю – ты откуда? Какой? Как тебя зовут?» – Сказал Васинька: «А прежде знавал Васиньку Варегина?»* (СкАз, I, с. 341, Пермский край).

Что касается примеров употребления глагола *говаривать*, то только один контекст, содержащий два употребления, может быть прочитан в общефактическом значении:

- *Матушка Добрынюшке говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
– Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Те не ездит-тко на кору сорочинскую,
Не топчи-тко там ты малых змиеньшюв <...>.
Молодой Добрыня сын Никитинич
Он не слушал да родители тут матушки
Честной вдовы Офимьи Александровной,
Ездил он на гору сорочинскую,
Топтал он тут малых змеенышков <...>.
Сам же тут Добрыня испроговорил:
– Матушка Добрынюшки говаривала,
Родная Никитичу наказывала [далее повтор] (Онеж., с. 130 – 131).*

Во всех остальных случаях представлен этот же эпизод (с той разницей лишь, что глагол *говаривать* может вводить реплики обеих персонажей), однако следующие за прямой речью глаголы, однозначно продвигающие повествование (прошедшее НСВ в событийном значении и НИ), не позволяют нам исключить возможность прочтения глагола *говаривать* как событийное прошедшее НСВ, ср.:

- *Добрынюшка-тот матушке говаривал,
А Никитинич-тот родненькой наказывал:
Ты зачем меня несчастного спородила!*

*Спородила бы, родитель моя матушка,
Обвертела бы мою да буйну голову, <...>
А спустила бы во черное-то море во турецкое <...>.
Отвечала тут родитель ёму матушка
А честна вдова Афимья Александровна:
– Я бы рада те спородити
А таланом-участью да в Илью Муромца <...>,
Ты стáтьи есть да других бог не дал,
Других бог тебе не дал да не пожаловал.
Россердился тут Добрыня сын Никитинич
На родитель свою матушку,
Скорешенько Добрынюшка на двор-тот шол,
Седлает тут Добрынюшка добра коня <...> (Онеж., с. 144 – 145).*

Такой объемный контекст позволяет увидеть, что глагол *говаривать* может быть понят в том числе и в значении однократного завершеного действия – первого в цепочке. Однако нарративные формы, следующие после глагола *говаривать*, отделены от него достаточно пространством монологом (это относится ко всем подобным контекстам) – при устном исполнении такая удаленность глагольных форм друг от друга в значительной мере ослабляет их «сцепленность» и делает возможным прочтение глагола *говаривать* в общефактическом значении. С учетом того, что все семь контекстов связаны с одним и тем же эпизодом и совершенно однотипны, а в сказках неоднозначных примеров не содержится, можно предполагать, что наличие в нашей выборке этих контекстов принципиально не меняет общей ситуации.

Отдельно стоит остановиться на употреблении в рассмотренных текстах приставочных имперфективов, образованных от основ НСВ, рассмотрим некоторые контексты:

- *Еще кто ж езжал да на святую Русь,
А й счастли́в с Руси да не выезживал (Онеж., с. 556);*

- *Кто к Пучай реки на сем светі да езживал,*
А счастлив-то оттуль не приезживал (Онеж., с. 539);
- *А й как сколько ни я слышал, на святую Русь*
А как силушки важивали,
А взад уж как силушки ввек не вываживали (Онеж., с. 556);
- *Вот кучер увидал его и стал спрашивать: «Не видал ли ты вора со свиньей, не прохаживал ли здесь?»* (СкАз, II, с. 94. Вологодская обл.).

Все имеющиеся примеры образованы от приставочных глаголов движения (*выезжать, приезжать, вывозить, проходить*). Известно, что в литературном языке это единственная группа глаголов с основами НСВ, допускающих подобные образования [АГ 1980: 598], можно отметить лишь, что фольклорные тексты демонстрируют бóльшую продуктивность этой модели (безусловно, все образования подобного рода в литературном языке уже находятся на периферии, а глагол *ываживать*, по-видимому, вообще вряд ли возможен).

Параллельное употребление бесприставочных и приставочных основ в приведенных контекстах достаточно наглядно демонстрирует отсутствие каких-либо семантических различий между ними.

Одним из наиболее важных представляется вопрос о том, какие специфические компоненты семантики могут отличать глаголы типа *хаживал* от других глаголов НСВ в общефактическом употреблении.

Общефактическое значение, как уже отмечалось, не является очень востребованным ни в сказках, ни в былинах. В первых встретилось всего 20 примеров употребления форм прошедшего в этом значении – как непроизводных, так и производных от СВ. В былинах таких форм содержится около 60; более точно сказать вряд ли возможно, поскольку в ряде случаев специфика былинного нарратива не позволяет однозначно разграничить общефактическое значение и событийное или неопределенно-длительное значения прошедшего времени, ср., например:

- *А й приходят пастухи да к ней конными,*

Сами пастухи да жалобу творят:

Молода Авдотья ты Ивановна!

Приходил же к нам тут тур да златороги,

Розгонял же всех коней по чисту полю,

Не оставил нам лошадушки на симена (Онеж., с. 127).

Глагол *розгонял* в данном случае может в равной степени быть охарактеризован и как СВ, и как НСВ, и *приходил*, соответственно, выступает либо в общефактическом значении, либо в событийном значении НСВ. Подобные неоднозначные контексты составляют более трети всех примеров.

«Обычные» глаголы НСВ в общефактическом значении представлены в фольклорных текстах следующими лексемами: *ходить, платить, звать, говорить, пахать, ездить, кормить, поить, бить, звать, гулять, смеяться, ночевать, выходить, приезжать* и др. Ни имперфективы от основ НСВ (их список был приведен выше), ни «обычные» глаголы НСВ не показывают преобладания каких-либо семантических групп, в обоих случаях представлены одни и те же лексико-грамматические разряды. В обоих случаях мы находим предельные глаголы, НСВ которых способен выражать как постепенное накопление результата (*пахать, кормить – обедывать*), так и мгновенное достижение предела (*приезжать, доставать, звать – плачевать (=плачивать, от платить), ранивать*), неопредельные глаголы (*гулять, ходить – стаивать, сыпать*). При этом целый ряд глаголов, как бесприставочных, так и приставочных, в обоих списках совпадает, отличаясь только наличием или отсутствием итеративного суффикса: *ходить – хаживать, платить – плачевать (=плачивать), говорить – говаривать, бить – бивать, ездить – езжать, езживать, приезжать – приезживать*.

Главное различие в употреблении этих двух типов глаголов, как кажется, заключается в характере представления называемой ими ситуации. Глаголы типа *хаживал* демонстрируют все признаки, отличающие нормальное общефактическое значение: они называют факт, имевший место

в неопределенный момент в прошлом. Другие же глаголы НСВ в общефактических контекстах называют конкретные, индивидуализированные события. Сравним предложения:

- *Потом приходит он к царю, к отцю на бал, камень самоцветный понёс; отець его и принял <...>, нижа всех его и посадил, потом вси хвастают, хто цим може. Он говорит, этот бедный-то: «Што, – говорит, – хвастать: я на лёв-звере езжал и то не хвастаю» (СкАз, I, с. 98, Коми);*
- *Ношным бытóm приезжают за Варегиным, завязывают ему глаза, садят в глухую повозку. Лягли они с ей в спальну, и он взял пузырек и ей капнул на шишочку; она заойкала, соскочила, смотрит в зеркало, што пятно. <...> То поутру царь его спрашивал: «Што, Варегин, ездил к своей сударке?» – «Ездил». – «Капнул?» – «Капнул» (СкАз, I, с. 335 – 336, Пермский край).*

В первом случае глагол *езжал* называет событие, которое имело место по крайней мере однажды на протяжении определенного периода времени¹. Во втором случае имеется в виду конкретная, индивидуализированная ситуация, имевшая место в определенный момент в прошлом.

Характерным признаком общефактического значения в современном литературном языке является неопределенность называемой ситуации [Шатуновский 2004; Шатуновский 2009: 142; Мелиг 2011; Мелиг 2013; Падучева 2013: 11; Петрухина 2015: 188]. Высказывание с такой референцией, по словам И. Б. Шатуновского, отсылает «к тому общему, что есть в этом множестве, от различий между индивидными членами которого она отвлекается», и поэтому «сказать, что ОФ НСВ имеет неопределенную референцию и что он имеет обобщенное значение – это значит сказать разными словами одно и то же» [Шатуновский 2009: 142]. Материал исследованных фольклорных текстов показал, что эта характеристика в

¹ Поскольку временной локализатор здесь отсутствует, ситуация локализуется «во временнóм пространстве, начало которого определяется прагматически и которое простирается до времени высказывания» [Мелиг 2013: 22].

полной мере применима к высказываниям, содержащим глаголы типа *хаживал*.

В отличие от них, общефактические контексты с «обычными» глаголами НСВ чаще всего имеют статус конкретной референции, называя определенную, индивидуализированную ситуацию, локализованную во временном пространстве.

Основой для получения предикацией какого-либо референциального статуса является определенность ситуации, привязанность ее к какой-то точке на временной шкале [Падучева 1996: 87; Шатуновский 2009: 83], определяемая контекстуально или прагматически, или, напротив, отсутствие такой определенности. Базовым понятием для нас, таким образом, оказывается временная локализованность или нелокализованность действия, то есть соответственно «конкретность, определенность местоположения действия и ситуации в целом в однонаправленном течении времени, прикрепленность к какому-то одному моменту» [ТФГ 1987: 210] или, напротив, отсутствие такой прикрепленности.

Разницу между глаголами типа *хаживал* и другими глаголами НСВ в общефактическом употреблении в исследованных текстах можно, соответственно, определить так: производные глаголы НСВ и вторичные имперфективы называют конкретное событие, привязанное к определенной временной точке, глаголы типа *хаживал* такой привязки не имеют и соотносятся с некоторым временным интервалом. При этом общим для обоих значений является ретроспективная позиция наблюдателя, отличающая любое общефактическое употребление НСВ, и неспособность участвовать в построении нарратива, отграничивающая общефактическое НСВ от конкретно-событийного СВ.

Употребление НСВ по отношению к конкретному единичному действию в современном литературном языке М. А. Шелякин считает разновидностью единично-фактического значения (ср. его пример: ср. *Кто тебе рассказывал об этом?*) [Шелякин 2006: 18]. Е. В. Падучева называет

такое употребление общефактическим конкретно-референтным – в противоположность общефактическому экзистенциальному [Падучева 2013: 11], Е. В. Петрухина – соответственно единичным и типовым общефактическим [Петрухина 2013: 67]. Х. Р. Мелиг, первоначально обращаясь к формулировкам конкретной и общей референтности, в более поздних работах признает удачным термин М. А. Шелякина, сужая, однако, его понимание до подтипа общефактического значения [Мелиг 2016]. В настоящей работе ретроспективное употребление НСВ по отношению к конкретной единичной ситуации также называется единично-фактическим, термин употребляется в узком его понимании – как разновидность общефактического НСВ.

В рассмотренных нами фольклорных текстах не встретилось ни одного случая употребления имперфективов от основ НСВ в значении определенного, конкретного действия. Во всех случаях в самом общем виде высказывания с такими глаголами означают *‘по меньшей мере однажды имела место такая ситуация, как X’*.

Временные локализаторы, присутствующие при имперфективах, образованных от основ НСВ, в 29% всех случаев, указывают на некоторый период времени в прошлом, на протяжении которого имел место факт осуществления действия (или отсутствие такового): *тридцать лет* (2 примера), *двенадцать дён, век, на веку, ввек* – в былинах, а также *сутки, прежде* (3 примера) – в сказках. Действие, таким образом, оказывается соотнесенным не с конкретной точкой, а с определенным периодом на временной оси. Например:

- – *Да ах же ты Василий сын Буславьевич!*
Почему ж меня заразил топерь?
Лежала голова я ведь тридцать лет,
Да никто-то меня ведь не пинывал,
Да никто же как меня тут не ранивал,

Как ты-то ведь уж нунь пинул, заразил меня (Онеж., с. 509) – ‘На протяжении тридцати лет такая ситуация, как пинок (нанесение раны), не имела места’.

При этом не имеет значения, имел ли место названный факт однажды или повторялся. Контекст может содержать однозначное указание на то или иное прочтение, ср.:

- *Я колькó ни нунь туды-ка-ва да езживал,*

А во цельности назад да не приезживал (Онеж., с. 230) – неограниченно-повторяющиеся действия;

- *Посмотрил, видит: в море едет старичок в чашке, а погоняет ложкой. Перевез его через море. «Выходи – говорит – был Иван купецеской сын и всяко нажилсе». – «А как же ты меня, старик, знаешь?» – «А ты мне тристо рублей денги плáчевал (=плачивал), а я тебе жонку дал с приданым» (СкАз, I, с. 210. Белозерье) – эпизод о «покупке» невесты рассказан в начале сказки, из него известно, что действие совершалось только однажды.*

Но абсолютное большинство примеров не содержит эксплицитно выраженных указаний на единичность или повторяемость ситуации и допускает оба прочтения. В их числе и отрицательные контексты, в которых эти различия «в значительной степени нейтрализуются: ведь если действия/события не было ни одного раза, то его тем самым не было и несколько/много и т. д. раз» [Шатуновский 2009: 220]. Например:

- *Приходит к бабушки в задворенки. «Ай же ты, бабушка, как же мни топерь не круцинитця, ни пецялитця; и ни в своём я царьсве гуляю, и ни на своей я земли хожу у вас, и как же мне не круцинитця, не пецялитця, и я сытой вы́ти не едаў, крепка сну я не сыпáў». И потом ён скаже: «И я досыти не пиваў пици» (воды) (ССк, с. 237).*

Независимо от того, присутствует ли контекстуальное указание на единичность или повторяемость действия, в высказываниях с глаголами типа *хаживал* эта информация оказывается несущественной: важно лишь, что

названный факт имел место вообще хотя бы однажды. Таким образом, потенциальная повторяемость обозначаемой ситуации, характерная для общефактического значения, в зависимости от контекста может реализоваться (эксплицитно выраженная повторяемость) или оказываться в позиции нейтрализации. Характерной особенностью этого употребления оказывается то, что «повторение касается всей ситуации в целом, со всеми актантами и сирконстантами» [Шатуновский 2004: 369].

Итак, имперфективы, образованные от основ НСВ, встречаются в рассмотренных нами фольклорных текстах только в собственно общефактическом контексте, называя нелокализованное во времени событие. Они сообщают о том, что ситуация определенного типа имела место (неважно, сколько раз) в течение некоторого периода времени (неважно, когда именно). Единично-фактическое значение для глаголов типа *хаживал* оказывается закрытым.

Для производных глаголов НСВ и вторичных имперфективов обычным в рассмотренных былинах и сказках является, напротив, единично-фактическое употребление – обозначение определенной, конкретной ситуации (56 из 60 случаев в былинах и 19 из 20 – в сказках).

Присутствующие при них временные локализаторы (частотность их употребления оказалась примерно такой же, как при глаголах типа *хаживал* – 25%) соотносят названные действия не с периодом, а с конкретной точкой на временной шкале; в былинах представлены следующие локализаторы: *вчера* (*вчерась*), *оногда* ('тогда'), *давень* (' , давеча, недавно'), *ночь*, ср.:

- *А й говорил как им топерь солнышко Владимир князь:*

Ай же вы сорок калик да со каликою!

А ступайте-тко во полаты хлеба кушати,

Во полаты ведь княженецкия <...>.

– А не идем мы к тебе во полаты княженецкия <...>;

А что у тя княгина Апраксия

А опять нашему молоду Касьяну Офонасьеву

А положит во подсумок

А чашу ведь княженецкую <...>.

Оногда ночевали, так знаем мы,

А ёна как звала его во спальню княженецкую,

А ён не шол как за ней во спальню княженецкую,

А за то ему ёна как твою чашу княженецкую

А [клала] во подсумок во бархатнёй (Онеж., с. 683) – наречие *оногда* отсылает к конкретному событию в прошлом; глаголы *не шол*, *клала* интерпретируются неоднозначно – они могут иметь как общефактическое значение, так и значение завершённого однократного действия в прошлом (событийное прошедшее НСВ), а глаголы *ночевали*, *звала* имеют общефактическое значение.

Такие высказывания могут отсылать как к одной ситуации, так и к нескольким, приведем примеры последнего:

- *А й как тут говорил молодой Касьян Офонасьевич:*

– Ай же вы любезный товарищи!

А я что не украл ведь чаши княженецкией;

А й ночесь ведь три раз приходила княгина да Апраксия,

А меня звала во спальню княженецкую,

А через то кладена чаша княженецкая,

А что я не шол во спальню княженецкую (Онеж., с. 679);

- *Ёуо и взяли и отправили ёуо пасти волов тощиих, и велели ёму их у малое время роскормить и роспойть до сыта. Ён взяў инных волокёт да инных кое-как роспойў да роскормиў до сыта. <...> На друго́й день даў коней, штобы роскормить и роспойть и привести сытых. Ён накормиў и напоиў, опеть также сытых, ну и также и свиней всё равно (по трожду (=‘трижды’), значит, ходиў). Потом от хозяина рошиот взяў и пошоў опеть* (ССк, с. 275).

Хотя речь идет не о единичном, а об ограниченно-повторяющемся действии, ситуация тем не менее не является «типизированной» –

высказывание соотносится с конкретными ««экземплярами», с индивидуализированными, локализованными во временном пространстве ситуациями» [Мелиг 2013: 28], то есть глаголы имеют единично-фактическое значение.

М. А. Шелякин выводит единично-фактическое значение НСВ из сферы общефактического (в его терминологии – обобщенно-фактического), напоминая о том, что ««первооткрыватели» этого [общефактического – М. Н.] значения А. Мазон и Ю. С. Маслов» относили его только обобщенным ситуациям, «неопределенным по признаку разового / неразового осуществления действия» (ср. *Ты вообще читал эту книгу?*) [Шелякин 2006: 18]. Не считает конкретно-референтное употребление общефактическим и Х. Р. Мелиг, т. к. обозначаемая ситуация в этом случае «концептуализируется как неповторимая» [Мелиг 2013: 34]. Е. В. Падучева, напротив, считает такие употребления НСВ разновидностью общефактического значения [Падучева 2013: 11].

Уникальность, неповторимость данной конкретной ситуации (или ряда ситуаций) обусловлена тем, что в таких высказываниях «один или несколько актантов или сирконстантов ситуации является (являются) фиксированными и не участвуют в повторении» [Шатуновский 2004: 370] (в обычном общефактическом контексте, как говорилось выше, потенциально повторяемы все компоненты). Однако другая часть ситуации (прежде всего само событие), за исключением фиксированных элементов, должна быть потенциально повторяемой [Шатуновский 2004: 370] – глагол, называющий неповторимое событие неспособен употребляться в единично-фактическом значении. Ср. замечание Е. В. Петрухиной: «*Билеты покупала моя сестра* (речь идет о конкретной референтной ситуации, но она может повторяться)» [Петрухина 2015: 188]. Соответственно, критерий *потенциальной* повторяемости действия, как один из обязательных признаков общефактического значения [Падучева 1996: 39; Шатуновский 2004: 368; Мелиг 2013: 25], здесь все же выдерживается.

Таким образом, потенциальная повторяемость, ретроспективная позиция наблюдателя и неспособность называть последовательные действия (отсутствие признака «секвентность»), характерные для единично-фактического значения в той же мере, что и для общефактического НСВ, позволяют, как кажется, считать его разновидностью последнего.

Итак, оба типа контекстов – и собственно общефактический, и единично-фактический – констатируют факт наличия ситуации (или ее отсутствия) и различаются лишь характером представления этой ситуации: второй называет конкретную, определенную ситуацию (или несколько ситуаций), локализованную во временном пространстве, первый же отсылает к «типу», к открытому классу ситуаций, не имеющих временной локализации. Любопытно проанализировать употребление образований обоих типов в одном и том же контексте:

▪ – *А помнишь ли, Ставер да сын Годинович,*

Как мы с тобою в грамоте учились ли,

А моя была чернильница серебряна,

А твое было перо да подзолочено <...>?

– Я с тобою грамоте не учивался.

– А помнишь ли, Ставер сын Годинович,

А мы с тобою свечками поигрывали

А мое было колечко золоченое,

Твоя-то была свачка серебряна <...>?

– Я-то с тобой свачкой не игривал (Онеж., с. 189) – глаголы *учились* и *поигрывали* имеют единично-фактическое значение: говорящий напоминает об определенной ситуации (или нескольких ситуациях); ответы на эти реплики, напротив, отрицают наличие в прошлом не конкретного «экземпляра» такой ситуации, но самого ее «типа», то есть имеют собственно общефактическое значение.

Хотя «обычные» глаголы НСВ в общефактических контекстах употребляются преимущественно в единично-фактической их

разновидности, примеры собственно общефактического употребления также представлены. В нашем распоряжении есть 7 таких глаголов, однако речь, по сути, идет о четырех контекстах (один из них повторяется дважды, второй – трижды). Рассмотрим их:

- *Пашет Микула шут пашиню; едет священник дорогой <...>. – «Бог по́мочь тебе!» – «Добро пожаловать!» – «Как же ты, Микула шут, с рóду не пахал, а теперь въехал пахать?»* (Сборник сказок Азадовского, I, с. 343 – 344) – временное обстоятельство указывает на временной интервал ('никогда, ни разу в течение всей жизни');

- *И приезжает-то старый к дубову столбу,*

Это старую-ту подпись зафальшивливал

И новую-ту подпись он подписывал:

«Ездил-то ведь старый, да женат не был» (Онеж., с. 536);

– Не кручинься, Добрыня, не печалуйся!

А ездил-то ведь твой батюшко

Во тыи во славныи во Туги́-горы,

Во тыи пещери змеиный <...> (Онеж., с. 582);

- *– Ай же ты дружина хоробрая!*

А й как сколько ни по морю ездили,

А мы Морскому царю дани да не плачивали (Онеж., с. 649).

Глагол *ездил* во всех трех случаях представлен в собственно общефактическом употреблении: 'ситуация такого типа имела место по крайней мере однажды'; это же значение имеет и глагол *плачивали*, но для него оно вполне типично.

Очевидно, что, несмотря на малочисленность примеров употребления «обычных» глаголов в собственно общефактическом значении, оно не является для них закрытым. Таким образом, оппозиция оказывается привативной: имперфективы от основ НСВ встречаются только в собственно общефактическом употреблении, в то время как остальные глаголы НСВ могут выступать в обоих значениях.

Охарактеризовав основные особенности употребления имперфективов от основ НСВ в форме прошедшего времени, рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении причастия.

Два страдательных причастия от непереходных глаголов в предикативной функции встретились в составе одного контекста:

- *Стоит он Батыга, удивляется:*

Колько ни было как выезжivano,

На таком было страху не стаивано (Онеж., с. 605).

Мы видим конструкцию, совершенно типичную для говоров Северной диалектной зоны: *с сельсовету уж уехано у них; как не отдохнуто, так и рук не сдынешь* [Рус. диалектология 2005: 192]. Контексты, аналогичные приведенным, но с формами прошедшего времени, мы уже обсуждали выше; как кажется, разницы в аспектуальной семантике между ними нет – причастия от глаголов *выезживать*, *стаивать*, как и соответствующие формы прошедшего, употреблены в высказывании с общереферентным статусом.

Действительные причастия настоящего времени представлены двумя лексемами – *не едаючи*, *не пиваючи* – в четырех почти одинаковых контекстах, причем в тех же контекстах употреблены и причастия от вторичных имперфективов:

- *А силу-ту он бьет да трои сутки не едаючи,*

А не едаючи Илья да не пиваючи,

А с добра коня Илья да не слезаючи,

А добру коню отдоху не даваючи (Онеж., с. 530).

В нашем распоряжении нет примеров, которые подтвердили бы употребление подобных форм в живой речи носителей соответствующих говоров – не исключено, что оно ограничено исключительно фольклорным нарративом. Но даже в этом случае употребление форм *не едаючи*, *не пиваючи* в целом не противоречит значению, характерному для этих глаголов в других формах, ср. уже обсуждавшийся выше пример:

▪ *Приходит к бабушки в задворенки. «Ай же ты, бабушка, как же мни топерь не круцинитця, ни пецялитця; и ни в своём я царьсве гуляю, и ни на своей я земли хожу у вас, и как же мне не круцинитця, не пецялитця, и я сытой выти не едаў, крепка сну я не сынаў». И потом ён скаже: «И я досыти не пиваў пици» (воды) (ССк, с. 237).*

В обоих контекстах формы употреблены в одинаковом значении – отрицается наличие некоторой ситуации на протяжении определенного периода времени. Разница между формой прошедшего и причастием сводится фактически к синтаксической функции – предикативной или полупредикативной.

Обратимся теперь к вопросу о том, каким образом в контекстах с имперфективами от основ НСВ проявляются значения давнопрошедшего и «преждепрошедшего», а также значение многократности, отличающее этот класс глаголов в современном литературном языке.

Характеристика значения имперфективов от основ НСВ как *давнопрошедшего*, по-видимому, предполагает указание на «временную дистанцию», отделяющую действие от точки отсчета, отнесенность действия к «замкнутому временному интервалу» в прошлом, не связанному с настоящим [Сичинава 2013: 30]. Аналогичным образом к «закрытому временному интервалу в прошедшем» могут относиться также «стативные ситуации или деятельности» – в этом случае «перенос в неактуальный интервал дает закономерное значение ‘прекращенной ситуации’, не имеющей места в настоящем» [Сичинава 2013: 28].

В следующем контексте, однако, речь идет об актуальном временном интервале:

- *А за рекой живет там разбойничек,
А й по названьицю живет Соловьюшка,
А ведь как тая птица рахманная.
А только нынь по той пути по дороженки,*

А й как ведь тридцать лет никто да не хаживал,

А й на добром кони никто туда не проезживал (Онеж., III, с. 78 – 79) – указанный временной период не закончен к текущему моменту текстового времени: по дорожке не ходили и не ездили последние тридцать лет, и до сих пор там никто не бывает (заметим совершенно однотипное употребление здесь приставочного и бесприставочного глаголов).

В абсолютном большинстве имеющихся в нашем распоряжении примеров действия или ситуации, названные имперфективами от основ НСВ, демонстрируют связь с настоящим, ср.:

- *А во реченки вода вся помутиласи,*
- А темный да лесы приклонилисе,*
- А богатырский конь да на коленки пал,*
- А й молодой Илья одва с коня не пал.*
- А бьет-то он коня да по тучным ребрам:*
- Ай волчья сыть да травяной мешок!*
- А по лесу ты конь да мой не хаживал,*
- А й ворониного ты крику ты не слыхивал? (Онеж., с. 519)*

Оба глагола имеют экспериенциальное значение: участие в ситуации, о которой идет речь, предполагает появление у характеризуемого участника некоторого опыта (в данном случае – отсутствие страха). Оказывается, таким образом, что глаголы описывают ситуацию, последствия (опыт является таким последствием) которой релевантны в настоящем.

В следующем примере действия, названные глаголами *едать*, *пивать* также относятся к актуальному временному интервалу:

- *Лёв-зверь налетела. «Сутки, говорит, ни їдала, ни пивала. Выходи оттуль, говорит, я съем тебя»* (ССк, с. 231) – косвенные «последствия» этих действий (чувство голода) имеются в настоящем.

Оказывается, таким образом, что отнесенность названного действия к некоторому замкнутому интервалу в прошлом, не связанному с текущим моментом текстового времени, нехарактерна для имеющихся в нашем

распоряжении контекстов с глаголами типа *хаживал*. Значение давнопрошедшего, безусловно, доступно таким глаголам (примеры тому приводились в работах исследователей [Сими́на 1970; Ровнова 1991 и др.]), однако вряд ли может претендовать на роль инвариантного.

Нет у нас также ни одного примера употребления имперфективов от основ НСВ для выражения таксисных отношений – значения «преждепрошедшего времени», т. е. плюсквамперфекта. В подавляющем большинстве случаев глаголы типа *хаживал* представляют собой самостоятельные предикаты, не связанные таксисными отношениями с другими предикатами. В тех же редких случаях, когда действия, обозначенные такими глаголами, соотносятся с другими событиями, значение предшествования или отсутствует вовсе, или выражено не больше, чем в предложении с обычным НСВ. Ср., например:

- *Пала голова тут на сыру землю,*

Сама она ёму тут воспровещила:

– Да ах же ты Василий сын Буславьевич!

Почему ж меня заразил топерь?

Лежала голова я ведь тридцать лет,

Да никто-то меня ведь не пинывал,

Да никто же как меня тут не ранивал,

Как ты-то ведь уж нунь пинул, заразил меня (Онеж., с. 509);

- *Посмотрил, видит: в море едет старичок в чашке, а погоняет ложкой. Перевез его через море. «Выходи – говорит – был Иван купецеской сын и всяко нажилсе». – «А как же ты меня, старик, знаешь?» – «А ты мне тристо рублей деньги плáчевал, а я тебе жонку дал с приданым» (СкАз, I, с. 210. Белозерье).*

В обоих контекстах действия, выраженные имперфективами от основ НСВ, безусловно, предшествуют последующим действиям, выраженным глаголами СВ, однако этого недостаточно для того, чтобы считать их специализированной формой, выражающей таксисные отношения.

С учетом того, что в разных контекстах имперфективы от основ НСВ, как было показано выше, все же могут выражать значения, относящиеся к семантической сфере плюсквамперфекта (отнесенность действия или ситуации к замкнутому временному интервалу в прошлом, экспериенциальное и таксисное значения), логично предположить, что глаголы типа *хаживал* могут выражать тот же спектр значений, что и плюсквамперфект, то есть и другие значения, присущие этой форме помимо таксисного. Оказывается, однако, что и суммарно эти значения не покрывают всего объема употреблений интересующих нас образований – в ряде контекстов не выражено ни одно из плюсквамперфектных значений. Ср.:

- *Еще кто ж езжал да на святую Русь,
А й счастли́в с Руси да не выезживал (Онеж., с. 556);*
- *А приехал поганой Идолицо,
Да зашел он к царю Костянтину Боголюбовичу <...>.
И такового вора век не видывал,
И слыхом про вора не слыхивал.
Голова у него как пивной котел,
А между глаз идёт стрела калёная <...> (Онеж., III, с. 12 – 13);*
- *Вот вор слышит, что догоняет, недалеко. Как сделать? Сторону свернул, свинку оставил и за конавочку вышел <...>, да сам стоит у этой шапочки. Вот кучер увидал его и стал спрашивать: «Не видал ли ты вора со свиньей, не прохаживал ли здесь?» (СкАз, II, с. 94).*

Во всех трех контекстах не представлено ни одно из значений, характеризующих плюсквамперфект: действия относятся к актуальному временному интервалу (не предполагают временной дистанции) и имеют экзистенциальное значение (нет указания на получение субъектом опыта, который релевантен в настоящем, или – шире – результата, актуального в прошлом или настоящем). При наличии таких контекстов считать глаголы типа *хаживал* специфическими образованиями для выражения плюсквамперфектного значения кажется необоснованным. Кроме того, эти

значения могут характеризовать только формы прошедшего и никак не соотносятся с причастиями настоящего времени от тех же основ, употребляющимися совершенно аналогично.

Перейдем к вопросу о значении многократности у имперфективов от основ НСВ. В современном литературном языке они являются глаголами многократного способа действия и выражают значение «неоднократной повторяемости» [АГ 1980: 598] независимо от наличия или отсутствия контекстуальных указаний на это (*Наташа тем быстрым шагом, которым она бегивала в горелки, побежала по зале в переднюю*. Л. Толст.; *Полуфрочки сшиты в обтяжку, не так, как нам в деревне шивали*. Л. Толст. [АГ 1980: 598]). Выражается ли это значение неоднократной повторяемости по умолчанию во всех контекстах в рассмотренных нами былинах и сказках так же, как в литературном языке?

Как уже обсуждалось выше, потенциальная повторяемость называемой ситуации (в целом, со всеми актантами и сирконстантами, или только с некоторыми из них) является обязательным критерием появления ее в общефактическом контексте: «*Освальд убивал Кеннеди и т.п. — невозможно, потому что не только это событие в целом неповторимо, но и *убивал Кеннеди* — тоже неповторимо» [Шатуновский 2004: 370]. Имперфективы от основ НСВ удовлетворяют критерию потенциальной повторяемости ровно так же, как и другие глаголы НСВ в общефактическом значении – их способность выражать как единичные, так и повторяющиеся действия соответствует частному видовому значению: факт (или отсутствие факта) обозначается «без учета того, имел ли он место один раз или повторялся, без учета его индивидуального “местоположения на линии времени” и других обстоятельств его конкретного осуществления» [Маслов 1984/2004: 102].

Это не означает, однако, что повторяемость действия реализуется в каждом контексте – выше мы приводили примеры, в которых имперфективы от основ НСВ называли неповторяющиеся действия (единичность их

определяется контекстом). Таким же образом, как отмечалось выше, ведут себя вторичные имперфективы и в диалектных нефольклорных записях, ср. контексты с однократным значением, приведенные С. К. Пожарицкой: *А ты не бривался? Если не бривался, борода мягка растет. У меня падывало же одно кагды-то* (о ребенке, который однажды упал) [Пожарицкая 1991: 91].

Соответственно, значение повторяемости свойственно глаголам типа *хаживал* ровно в той же степени, в какой оно вообще характерно для основ НСВ в общефактическом значении. Если в современном литературном языке значение многократности является обязательным компонентом семантики глаголов типа *хаживал* и выражается в любом контексте, в том числе без специальных указаний на повторяемость, то в рассмотренных нами текстах это значение реализуется не всегда. В этой связи имперфективы от основ НСВ, зафиксированные в севернорусских фольклорных текстах, не могут быть охарактеризованы как глаголы многократного способа действия.

III. 2. 1. 2. Рассмотрим функционирование глаголов *видать* и *слыхать*. В литературном языке эти глаголы, в отличие от других имперфективов, образованных от основ НСВ (*хаживать, нашивать, езживать* и т. п.), не входят в группу глаголов многократного способа действия и образуют таковые по той же модели, что и непроеизводные глаголы НСВ – *видывать* и *слыхивать*¹.

¹ По мнению А. В. Исаченко, глаголы *видать, слыхать* являются «многократными по своему образованию», но «многократное значение в них стирается»; в подтверждение тому он приводит контексты с формами презенса: *Я его часто выдаю, Я с ним часто выдаюсь* [Исаченко 1960: 277]. С этим, однако, трудно согласиться: без специальных указаний на повторяемость действия (в приведенных контекстах, например, это наречие *часто*) эти глаголы выражают значение многократности не в большей степени, чем другие глаголы НСВ.

В былинах встретилось 20 примеров употребления глагола *видать* и 11 – глагола *слыхать*, в сказках – 21 и 3 примера соответственно. Соотношение грамматических форм следующее:

	Число форм			Число форм	
	Былины	Сказки		Былины	Сказки
Всего	20	21	Всего	11	3
<i>видал</i>	13	16	<i>слыхал</i>	10	2
<i>видать</i>	7	4	<i>слыхать</i>	1	1
<i>видано</i>		1			

Как и для других имперфективов от основ НСВ, наиболее регулярной является форма прошедшего времени, отличительной же особенностью глаголов *видать*, *слыхать* оказывается употребление их в форме инфинитива – подобных примеров с глаголами типа *хаживал* в рассмотренных текстах не встретилось.

В прошедшем времени оба глагола не показывают никаких отличий в употреблении от других имперфективов от основ НСВ. Они употребляются в собственно общефактическом значении. Временные конкретизаторы в основном отсутствуют, но во всех случаях действие соотнесено с некоторым временным интервалом:

- *Пришоў ён х царю в соўдаты давацьця. Царь скаже: «Што же ты в соўдаты даваэшся? Столько служу, такоу охотника **не видаў**» (ССк, с. 243) – период, к которому отнесено действие, указан контекстом (подобных случаев встретилось всего три);*

- – *Заиол-то я сюда заезжал к тебе,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
А я слыхал – скажут ты охвоч играть
Да в доски-ты шахматны <...>.*

Поиграем-ко во доски мы шахматны,

В дороги тавлеи золоченыи (Онеж., с. 469);

- *Очень наш старый казак Илья Муромец,*

Очень же низко ему кланялся:

– Здравствуй-ко, Одолищо поганоё!

– Здравствуй, ты калика перехожая!

Видал ли ты, калика перехожая,

Храбраго воина да Илью Муромца? <...>

– А й такой же наш богатырь Илья Муромец!

Он такой же есть как и самый я (Онеж., с. 275) – при отсутствии временного конкретизатора (как в последних двух контекстах) действие соотносится с временным интервалом, границы которого определяются прагматически (таких примеров основная масса).

Непроизводные глаголы *видеть*, *слышать* не отличаются в своем употреблении от других «обычных» глаголов НСВ – они называют конкретные действия и ситуации, соотнесенные с определенной точкой на временной оси. Временные конкретизаторы здесь также редки, например.:

- *Потом приходит и спрашивает: «А, ну, что, скае, ты во сне **видил**, полесник?» Потом: – «**Видеў** я ночэсь: быдто полесовать ходиў, потом, скае, мошника одного заловиў снацяла, потом, скае, деветь мошников, скае, ходят и тых охвота заловить, ходят по бору», скае (ССк, с. 293).*

Рассмотрим контекст, содержащий формы прошедшего от обеих основ:

- *– Где ты был Олёшенька поповский сын? <...>*

– Уж я был во дáлечи далéчи во чистом поли.

*– **Не видал** ли Добрыни Микитича?*

*– Уж я **видел** Добрыню во чистом поли,*

Видел Добрыню убитаго:

Лежит Добрыня о Почай-реку <...> (Онеж., III, с. 51 – 52) – глагол *не видал* имеет собственно общефактическое значение – *‘Имела ли место такая ситуация, как X, хотя бы однажды?’*, ответ же на него отсылает к конкретной, определенной ситуации.

За исключением единичных контекстов, которые не позволяют однозначно определить тип общефактического значения, выявленная закономерность соблюдается вполне последовательно и нарушается только в одном случае. Речь идет о формульном контексте, повторяющемся и в былинах, и в сказках: в обычном случае в нем употребляется глагол *видеть*:

- *Поехал он, царевич, дорожку. **Видели**, што садился, а **не видели**, в кою сторону укатился* (СкАз, I, с. 189, Белозерье);

- *Старый казак да Илья Муромец <...>, Он седлае своего добра коня <...>.*

***Видли** добра молодца-то сядучи,*

*Тут **не видли** да удалого поедучи* (Онеж., с. 156).

Такое употребление находим в трех контекстах в сказках и в 26 контекстах в былинах (по два глагола в каждом). Однако в двух случаях (по одному в каждом типе текстов) во второй части конструкции находим глагол *видать*:

- *Отправился царевич в дорожку: **видели**, што садился, а **не видали**, в кою сторону укатился* (СкАз, I, с. 187, Белозерье);

- ***Видли-то** да добра молодца ведь сядучись,*

***Не видали** тут удалаго поедучись* (Онеж., с. 540).

Подобные примеры могут отражать тенденцию к сближению значений глаголов *видать* – *видеть*, *слыхать* – *слышать* (точнее, к утрате специфики глаголов *видать*, *слыхать*), которая в литературном языке привела к практически полному тождеству их употреблений. Не исключено, что именно отрицательный контекст мог стать позицией нейтрализации для обеих основ¹. Однако, повторимся, в основном глаголы *видать* и *слыхать* в

¹ Нейтрализация двух значений именно в отрицательном контексте может объясняться тем, что собственно общефактический НСВ отрицает не только наличие определенной, конкретной ситуации, но и сам факт того, что ситуация подобного рода вообще когда-либо имела место. На «характерное чередование обычной формы несовершенного вида в положительной конструкции и производной от нее итеративной формы в конструкции с

прошедшем времени не отличаются от других имперфективов от основ НСВ и употребляются в собственно общефактическом значении.

Формы инфинитива от глаголов *видать*, *слыхать* во всех примерах занимают позицию главного члена односоставного отрицательного предложения. Обе семантические структуры, представленные в рассмотренных текстах, хорошо известны и в современном литературном языке. Большинство контекстов (9 из 13) относятся к типу инфинитивных конструкций, модальное значение которых АГ 1980 определяет как «предложения со значением объективной предопределенности» – глаголы в этом случае представляют «действие или процессуальное состояние как обязательно предстоящее, неизбежное, необходимое, должное, вынужденное, возможное или невозможное, ненужное или недопустимое» [АГ 1980, II: 372], например:

- *И подносит чару нонь мóлодые Настасьи да Микуличке:
– Мóлодые Настасья да Микулична!
Бери-тко чару единой рукой,
Выпей чару единым духом.
Уж ты пьешь до дна – увидишь добра,
А и не пьешь до дна – да не видать добра* (Онеж., с. 401);
- *Топерь Иванушка скае: «Топерь как я, скае, брошу, так вам пáлицы не видать боўше»* (ССк, с. 269 – 270).

Модальное значение инфинитива в подобного рода контекстах определяется как «значение объективной определенности», ср. примеры АГ 1980: *За руки цепляется усталость, Видимо, рассвету скоро быть* (Ю. Наумов); *Что войне быть, в этом Степан теперь не сомневался* (Шукш.) [АГ 1980: 373]. За вычетом этого модального значения остается значение «такая ситуация, как X, не будет иметь места (на протяжении

отрицанием» в деловых текстах XVII в. обращал внимание Б. А. Успенский [Успенский 2004: 50].

периода времени, определяемого контекстуально или прагматически, в том числе *вообще никогда*)’ – соответственно, можно говорить о собственно общефактическом употреблении инфинитива *видать*.

Сложнее определить значение глагола в контекстах, «сообщающих о физическом или интеллектуальном восприятии» [АГ 1980: 375], например:

- *Прошло того времечки шесть годов,
Не видать Добрынюшки с чиста поля (Онеж., III, с. 51);*
- *Хватил он тут Олешу за желты кудри,
Кидал тут Олешу о белодубов мост,
Зачал тут Добрыня пощаликивать <...>,
Стал Олеша тут поахкивать,
В охканьи не **слыхать** его лочканья.
И спустил его Добрыня со белых рук (Онеж., с. 349 – 350).*

Такое употребление известно в литературном языке, АГ 1980 приводит следующие примеры: *Этому делу конца не видать; О нем давно ничего не слыхать* [АГ 1980: 375].

Контекстов с инфинитивом *слышать* в текстах былин не встретилось, *видеть* содержится в одном примере:

- *Проходило тому времечки да шесть недель,
Заживали его раны великия.
– Ай же ты Настасья королевична!
Как бы повывели да моего добра коня,
Обседлана бы да обуздана.
Убирается Настасья в свое платье цветное,
Приходит она к своему да ведь родителю:
– Мне что-то во снях привиделось,
Как бы **видеть-то** Михайлина добра коня
Обседлана ведь и обуздана.
Не сменяет (так) он да своей дочери,
Приказывает выводить коня да богатырскаго (Онеж., с. 361 – 362).*

Глагол *видеть* в данном случае соотнесен с конкретной ситуацией независимо от интерпретации контекста – идет ли речь о содержании сна или высказывается пожелание. Высказывания, приведенные в [АГ 1980], а также, по-видимому, и контексты с глаголами *видать*, *слыхать*, обнаруженные в былинах, напротив, имеют собственно общефактическое значение.

Единственная обнаруженная форма причастия образована от основы *видать*:

- *Что за чудо за эдако, в эхтом мести и царьсва не видано (не бывало, вишь, никогда, тут царьсво сочинилось)* (СкАз, с. 360, Петрозаводский уезд) – в данном случае очевидно, что ситуация не локализована во времени, это подтверждается в том числе комментарием самой рассказчицы. В современном литературном языке такое употребление возможно, но ограничено фразеологизированными сочетаниями типа *где это видано?*

III. 2. 1. 3. Глагол *бывать* также заслуживает отдельного рассмотрения. Он выделяется на общем фоне не только тем, что изначально образовался от неохарактеризованной по виду основы (как и *видать*, *слыхать*), но и наличием в его парадигме формы презенса – употребления в этой форме других имперфективов от основ НСВ нам не встретилось. Помимо 7 форм презенса, в севернорусских былинах и сказках содержится также 14 форм инфинитива (в былинах) и 18 форм прошедшего времени – 11 и 7 соответственно.

В настоящем времени глагол *бывать* имеет хабитуальное значение, обычное для глаголов НСВ в этой форме, ср.:

- *Говорит же тут Микитушка Романович:
– А бывает ли тут грешному прощеньицо?
– А бывает тут да грешному прощеньицо,
Того грешнаго да негде взять. <...>
Отвечает тут Микитушка Романович:*

– Ай прегрозный сударь царь Иван Васильевич!
Не отрублена да Федору да буйна голова, <...>
Царский род на казени не казница (Онеж., с. 242);

- – Помогай вам господь, портомойницы,
Портомойницы да беломойницы!
Еще как нам увидеть да Дюкова матушка?
– А каки вы йдетé добры людюшки,
Когда ищíte да Дюкову матушку,
Дюкову матушку вы в портомойницах.
Ино у нас никогда ведь Дюкова матушка

Не быват она да в портомойницах (Онеж., III, с. 106) – ‘не бывает’;

Это же значение, но в плане прошлого имеет глагол *бывает* в следующем примере:

- Скоро сказка скажетця, а не скоро дело делаетця – у ушоў ён (крестный отец) и несколько лет **не бывает** у них. И возрос Иов до возрасту <...> и стаў говорить отцю-матери: «Ай, батюшко да матушко, быў ли у меня крестный батюшко?» (ССк, с. 286) – глагол (не) *бывает* называет ситуацию, имевшую место на протяжении некоторого периода в прошлом: ‘не возвращался ни разу за указанный период’.

Употребление глагола *бывает* в инфинитиве не отличается от *видать* и *слыхать*, ср.:

- – Ай же ты король е ляховинския!
Не бывать твоей Опраксии в Золотой орды,
А **быть** твоей Опраксии в нашем Киеви,

За ласковым за князем за Владимиром (Онеж., с. 330) – здесь, как и в примерах выше, мы видим значение «объективной предопределенности», первая ситуация является обобщенное, вторая – определенной, конкретной.

Интересно, что в тех случаях, когда речь идет о событиях уникальных, способных совершиться только однажды, используется простая основа *быть*:

- А й на стоби-то подпись подписана:

«А й во первую дорожку ехать – убитую быть,
А во другую ехать – женатую быть,
А во третью ехать – богатую быть» (Онеж., с. 533);

- Пошли оны к реки да к Смородины,
Он сделал тут да три жеребья.
Первый жеребей бросил на воду, -
А тот жеребей да ведь ко дну шол:
– А этой дружинишке убитой быть (Онеж., с. 392).

Во всех случаях названы события, которые в норме повториться не могут (*женатую быть, богатую быть* – ‘стать женатым/богатым и оставаться в этом состоянии’), в отличие, например, от следующего:

- *Перва застава великая –
Что ли горушки толкучии.
Как ростолнутся да горы вместо столкнутся,
Тут ти Дюку не проехати,
Молодому живу не бывать (Онеж., с. 198) – ‘остаться живым, выжить’* можно неоднократно (но выражено ли здесь значение неоднократности, сказать невозможно).

Критерий потенциальной повторяемости, таким образом, в собственно общефактических контекстах выдерживается.

Формы прошедшего времени в большинстве своем не отличаются по употреблению и особенностям от других имперфективов, образованных от основ НСВ. Они сочетаются с временными конкретизаторами, называющими определенный период (*три года, давно*), и не соотносятся с конкретными ситуациями, локализованными на временной оси. Последние обозначаются посредством форм от простой основы *быть*, которые сочетаются с такими временными обстоятельствами, как *недавно, третьего дни, на третий день, вчор*. Приведем по одному примеру:

- – *Ай же ты молодой ты Волья е Всеславьевич!
Я недавно был ведь я во Курцовце,*

*Я недавно **был** ведь я в Ореховце,
Был-то ведь я там третьёго дни,*

Закупил я соли ровно три меха,

В котором же меху было по́ сту пуд,

Этой соли будет ровно триста пуд (Онеж., с. 319);

▪ *Брат пришоў, опеть: «Здорова, сестриця». Баба (=‘бабу’) спросит:
«Гди ж у вас робёнок?» А она скаже: «У сёстры». Ён и к сёстры пришоў:
«Сестриця, скае, гди же робёнок?» А сёстра скае: «Ён уж **быў** у меня даўно,
топерь даўно **не бываў**». Ёны́ стали искать; робёнок за двéрьми убитый
(ССк, с. 220).*

Однако есть ряд случаев, которые мы не можем интерпретировать однозначно, остановимся на них подробнее.

В одном из контекстов, повторяющемся у разных исполнителей, встретились формы от обеих основ:

▪ – *Как у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго*

*Как **бывала** тут коровица обжорища,*

По кубоче соломы да на рáз ела,

По лохани да питья е да на рáз пила,

Ела, ела, пила, пила, сама лопнула! (Онеж., с. 122);

▪ – *У нас было во городе во Киёви*

При ласковом князи Владимири

*Коровицо **была** обжорицо, -*

Она много ела, вино пила тут,

Нынь вся она теперь перелопала (Онеж., с. 572).

Возможны два объяснения такого распределения основ: 1) в первом случае глагол имеет собственно общефактическое значение, во втором – единично-фактическое, но мы не можем это ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку никаких указаний на это, кроме самой глагольной основы, в контексте нет; 2) глагол *бывать* способен употребляться в

единично-фактическом значении, отличаясь, таким образом, от других имперфективов, производных от основ НСВ.

Фактически с той же проблемой мы сталкиваемся и в следующем случае:

- *И взглянул старчище, взглянул Онроянище,
И упер старчища да под ясны очи.
И упал старцище да о сыру землю.
Только старцище да ведь ён жив бывал (Онеж., с. 406);*
- *Крылушка обломала,
Перышка общипала,
Стала с бочка терebить, -
Только и жив был петюшка (Онеж., с. 309).*

Основа *быть* встретилаcь в контекстах такого типа только однажды, *бывать* же представлена шестью примерами, в том числе в сочетаниях *женат бывал, царем бывал* (о Григории Отрепьеве после его казни):

- *– Не дивую я да глупой жeницины,
Дивую я солнышку князю стольне-киевску,
От жива мужа жену отводит.
И уж как брал-то он Олешу за желты кудри,
Бросил Олешу на кирпичен мост,
Только-то Олешенька и женат бывал (Онеж., с. 401 – 402);*
- *Не поспел Гришка сделать крыльицoв,
Там скололи Гришку росстрижку Отрепьева.
Только тут Гришка царем бывал,
Только тут Гришка ведь царствовал (Онеж., с. 245).*

Устойчивость, фразеологизированность контекста затрудняет его интерпретацию, вариант прочтения '*такая ситуация, как X, имела место в прошлом и больше не актуальна*', предполагающий подачу названного факта как типового, обобщенного, не исключен, однако утверждать это мы не можем.

Независимо от прочтения последние приведенные контексты определенно предполагают отсутствие у глагола *бывать* значения многократности названного действия. В отличие от современного литературного языка, в котором *бывать* в любом контексте реализует значение повторяемости, в былинах, как и в памятниках XII – XVI вв. [Шевелева 2012: 146; Сичинава 2013: 277], он, судя по всему, может вести себя как обычный имперфектив, не имеющий обязательного итеративного значения.

Отсутствие значения повторяемости у глагола *бывать* очевидно также в некоторых контекстах, где он выступает в роли вводного слова:

- ***Бывало***, кресьянин уехаў в лес за дровамы, приежжаэт с лесу, братец ты мой, домой под окно́, а в фатеры в это время случиўся поп у хозяйки в гостях (ССк, с. 336) – речь идет о единичном случае;

- ***Бывало*** жиў-быў плотник Микола, и жена у ёу была красавица. И посылаэт ён ю в рынок, даваэт три денежки. «Поди, говорит, жена, закупи чаю, сахару, всякой благодати». Ну, она шла в рынок и думает себи: «Што я закуплю, говорит, на три денежки?» (ССк, с. 259).

По наблюдениям С. К. Пожарицкой, форма презенса от глагола *бывать* в функции вводного слова (*бывает, быват, бывае, бывай, быва*) в говорах Архангельской области также встречается в контекстах, в которых «однозначно прочитывается единичность события», ср. ее пример: *Наше-то пиво бывае вам и не погленеце; Чаю-то бывай мало заварила?* [Пожарицкая 2010: 115].

Если необязательность значения многократности действия, названного глаголом *бывать*, или ситуации, предваряемой вводными словами *бывало, бывает*, не оставляет сомнений, то вопрос референции в последнем случае вызывает сложности. Ясно, что вводное слово означает отнесенность всего высказывания к «неактуальному прошедшему» [Сичинава 2012] – ‘ситуация, о которой сообщается в высказывании, имела место (возможно, но необязательно неоднократно) на протяжении некоторого временного

интервала в прошлом'. Предполагать, что *бывало*, помимо указанного значения, придает высказыванию общереферентный статус, вряд ли возможно, поскольку речь идет о конкретной, уникальной ситуации.

На способность *бывало* и *было* выступать аналогами с точки зрения как семантики, так и сочетаемости с разными глагольными формами, указывает Д. В. Сичинава, ср. его примеры:

Я помню, что с ребячества, бывало, ни об чём я так не плакивал, как когда узнаю, что ложью меня кто обманул (Екатерина II. Всякая всячина (полемика с Новиковым) (1769));

Только бы он позволил любить его, умереть за него, только б хоть раз пожалел и сказал, как было говаривал в детстве, прижимая к сердцу своему: «Алеша, мальчик мой милый!» (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)) [Сичинава 2013: 279].

В обоих случаях вводное слово «означает так называемый регресс в повествовании: 'некоторое положение дел имело место (возможно, неоднократно) и некотором замкнутом интервале в прошлом' [Сичинава 2013: 276]. Примеры употребления вводного *было* в этом значении хорошо известны и обсуждались в работах диалектологов, приведем некоторые контексты С. К. Пожарицкой: *Было у нас эропорт был воде; Вот было раньше как робили; На Успенье было праздновали – сейчас не празднуют* [Пожарицкая 1996: 276]. Если в первом контексте речь идет о единичном, конкретном событии, то во втором и третьем глаголы имеют собственно общефактическое значение – соответственно, *было*, как и *бывало*, возможно в обоих типах контекстов.

Мы видим, таким образом, что в севернорусских былинах и сказках глагол *бывать* не всегда проявляет специфические особенности, характерные для имперфективов типа *хаживал*. В частности, в отличие от последних, он возможен в форме презенса (и не отличается в таких случаях от обычных глаголов НСВ). Кроме того, глагол *бывать* в прошедшем времени возможен

не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом употреблении.

III. 2. 2. Глаголы типа *хаживал* в фольклорных текстах из разных регионов

В южнорусских былинах встретилось всего 25 имперфективов, мотивированных глаголами НСВ, представленных 108 примерами¹. Бесприставочные глаголы представлены 13 лексемами в 81 употреблении: *видать* – 22, *бывать* – 17, *слыхать* – 7, *хаживать* – 16, *певать* – 3, *вещивать* – 3 (от *вещать*), *важивать* – 2, *игрывать* – 2, *езживать* – 2, *видывать* – 2, *знавать* – 2, *бுவывать* – 2 (от *бывать*), *думывать*.

Приставочных лексем встретилось 11 в 27 употреблении: *вылётывать* – 6, *выезживать* – 4, *наезживать* – 3, *захаживать* – 3, *проезживать* – 2, *заезживать* – 2, *пролёживать* – 2, *приезживать*, *влавивать*, *слазивать*.

С учетом того, что 46 случаев приходится на глаголы *бывать*, *видать*, *слыхать*, оказывается, что приставочные и бесприставочные основы сопоставимы как по количеству употреблений, так и по числу представленных лексем – в отличие от севернорусских текстов, где бесприставочные глаголы составляли абсолютное большинство.

Наименее разнообразен состав глаголов, встретившихся в сказках из разных регионов. Из 152 примеров 129 приходится на глаголы *бывать* (15), *видать* (85) и *слыхать* (29). Другие бесприставочные основы крайне немногочисленны: *видывать* – 9, *слыхивать* – 3, *прядать*, *едать*, *держивать*. Приставочных глаголов почти столько же: *залётывать* – 3, *пролётывать* – 3, *прохаживать*, *забеживать*.

Как и в предыдущем разделе, основы *бывать*, *видать*, *слыхать* мы рассмотрим отдельно, вначале же обратимся к другим бесприставочным

¹ Заметим, что для южнорусских былин характерны повторы строк, поэтому число употреблений, строго говоря, меньше указанного по крайней мере в полтора раза.

глаголам, зафиксированным в южнорусских былинах и сказках из разных регионах.

Бесприставочные имперфективы от основ НСВ представлены в основном формами прошедшего времени; кроме них встретились также 5 форм инфинитива (4 в былинах и 1 в сказках). Формы прошедшего не обнаруживают никаких отличий от севернорусских текстов: они употребляются в собственно общефактических контекстах (как отрицательных, так и утвердительных) и сочетаются с временными конкретизаторами, указывающими на временной интервал (*тридцать лет, никогда, от роду, весь день*), например:

- *Во казачий круг Степанушка*

Не хаживал,

Он с большими господами

Дум не думывал (ЮжнБ, II, с. 59);

- *«Дак вот не прядёл от роду, теперь попрядёшь!» (СкАз, II, с. 176 – 177).*

«Обычные» глаголы НСВ в основном употребляются в единично-фактическом значении, однако встречаются они и в контекстах, нормальных для глаголов типа *хаживал*. Ср. примеры обоих употреблений:

- *Едут назад, повесили свои буйные головы на могучие плеча. Попадае старик навстречу: «Куда вы, добрые молодцы, едете, куда путь держите?» <...> Оны ему отвечают: «Мы ездили проведывать в другое царство, узнать то-то <...>» (СкПушк, с. 11. Псковская обл.) – сообщение о конкретной ситуации;*

- *Конь проговорил человеческим голосом: «Вы садитесь нам меня, я повезу». Штап-капитан ответил коню, что он не будет: тяжело двоих везти. Ответила лошадь штапу-капитану: «Да я не такие пушки возил. Только штап-капитан не брось после меня» (СкПушк, с. 123. Псковская обл.) – в данном случае можно было бы ожидать глагола *важивал*.*

Фактически в собственно общефактическом контексте здесь возможны оба типа основ, ср. сходные контексты:

▪ *Доезжает погоня до старика и спрашивает его: «Не видал ли ты молодого и красавицу девицу?» - «Тридцать лет я живу, ни один человек тут не прохаживал, ни одна птица не пролетывала <...>» (СкАз, II, с. 252 – 253. Иркутская обл.);*

▪ *Подъехали впогони и спрашивают: «Эй, батюшка, не проходили-ли какое люди?» - «Тут, говорят, зверь не проходил, не томо-што люди» (СкПушк, с. 168. Нижегородская обл.).*

Нельзя не обратить внимание на употребление бесприставочных основ, совершенно для них нехарактерное. Это относится, в частности, ко всем четырем формам инфинитива *вещивать*:

- *Ай, сердечка его почу... всё почуяла,
Ай да, за другую-то,
За другую стала ска... стала сказывать,
Ай, за другую стала ска... стала сказывать,
Ай да, ну за третью
Сердечушка, стала вé... стала вéщивать.*

Ай, сердечушка стала вé... ста́ла вéщивать (ЮжнБ, II, с. 297).

Очевидно, что при наличии сочетания с фазовым глаголом прочтение контекста в общефактическом значении исключено. Можно предполагать, что производный имперфектив от глагола *вещать* появился в таком нехарактерном для него контексте под влиянием рифмующегося с ним вторичного имперфектива *сказывать*.

В отличие от севернорусских текстов, в которых имперфективы от основ НСВ могли не реализовывать значение повторяемости и выражать однократные действия, в южнорусских былинах и сказках, записанных в других регионах, таких примеров не встретилось. Во всех случаях глаголы типа *хаживал* называют повторяющиеся события (неоднократность эксплицитно выражена) или же значение единичности/многократности

нейтрализуется (в частности, в отрицательных контекстах). Это, безусловно, соответствует частному видовому значению глаголов, однако, как кажется, позволяет говорить если не о принадлежности имперфективов от основ НСВ к глаголам многократного способа действия, как в современном литературном языке, то по крайней мере о наличии тенденции к выражению именно этого значения независимо от контекстуальных условий.

Приставочные глаголы в сказках встречаются в однотипных контекстах (один из них приведен выше) и не отличаются в своем употреблении от бесприставочных. В былинах же ситуация несколько иная. Только в 11 случаях из 27 приставочные глаголы функционируют так же, как и другие имперфективы от основ НСВ – в собственно общефактическом значении, например:

- *Ой да, никто-то кы этой избушечке
Никто не заха... не захаживал,
Никто не захаживал,
Ой, не захаживал к этой избушечке,
Сроду не зае... не заезживал (ЮжнБ, II, с. 173).*

Остальные же 16 контекстов таковыми признаны быть не могут, ср.:

- *Прибязали они ко Игнатову
Они кы бялу́ шатру,
Да и слазивали сы добрых коней
Они на сыру землю,
А привязывали всё добрых коней
За чумбур к приколику,
Да и влазивали ко Игнатову
Они во белой шатёр (ЮжнБ, II, с. 150 – 151);*
- *Ой, из провальица было из глубокого,
Ой да из ущелья вот из широкого,
Ой, не ясмён-то бы сокол с гор вылётывал,
Не белой-то кречет вот перепорхивал, <...>*

Ох, из того-то бы села Карачаева

Богатырь выезживал Дюк Степанович. <...>

Ой, ну под ним-то добрый конь, ровно лютый змей,

Ровно лютый змей, ох, ровно дикий зверь (ЮжнБ, I, с. 126).

Глаголы *слазивали, влазивали, вылётывал, выезживал* обозначают единичные завершённые действия и образуют нарративную цепочку, то есть имеют событийное значение, характерное для былинного прошедшего НСВ.

Таким образом, приставочные имперфективы, мотивированные основами НСВ, в значительном числе случаев употребляются так же, как и другие, «обычные» глаголы НСВ, и не проявляют специфического значения, характерного для глаголов типа *хаживал*.

Употребление глаголов *видать, слышать* в основном аналогично тому, что мы видели в севернорусских фольклорных памятниках. Подробного рассмотрения заслуживают случаи, нехарактерные для последних. Важнейшим отличием оказывается употребление основ *видать* и *слышать* в единично-фактическом значении, например:

▪ *Он спал, она ему все сделала: и собор, и дощечки, и птицы – все явилось. <...> За обедней их венчали. Своему он прислуге сказал, что не он это хитрил, а Алена Премудрая. <...> Прислуги это слыхали, как он похвалился. Оны ей пересказали (СкПушк, с. 179. Нижегородская обл.);*

▪ *И, конечно, дошел тот момент, пришел Кашель, царь бессмертный, с царевной в спальню опочивать. И в это время видала мышь, как она клала перстень себе в рот. В короткое время царевна захрапела крепким сном. А Кашель еще не спал. В это время мышка шмыгнула на кровать, и тихонько стала пробираться к ее носу (СкАз, II, с. 297. Иркутская обл.).*

В обоих случаях речь идет о конкретных, уникальных ситуациях, локализованных на временной оси.

Показательны также фрагменты, в которых глаголы от разных основ содержатся в одинаковых предложениях или даже выступают в роли

однородных сказуемых, то есть, очевидно, должны называть ситуации с одинаковым референциальным статусом, ср. соответственно:

▪ *Вот собаки в двери – лисица в окно. Вот бегла-бегла в лес, а собаки все в погонку. Вот она вбегла в дуплё. Она говорит: «Ножки, ножки, как вы вбегли? Вушки, вушки, как вы слыхали? Глазки, глазки, как вы видели? <...>»* (СкПушк, с. 75. Псковская обл.);

▪ *Наутрэ приходи брат и спрашивает ево: «Слышал ли ты ково, видел ли ты ково?» Он говорит: «Никово не слыхал и не видел <...>»* (СкПушк, с. 13. Псковская обл.).

Что же касается первичных глаголов *видеть*, *слышать*, то они не просто возможны в собственно общефактических контекстах, но встречаются в них регулярно.

Оказывается, таким образом, что тенденция к отождествлению значений основ *видеть* – *видать*, *слышать* – *слыхать* проявляется в текстах, не относящихся к северной диалектной системе, намного отчетливее, чем на Севере.

Употребление глагола *бывать* в формах настоящего времени и инфинитива не обнаруживает никаких отличий от литературного языка и рассмотренных севернорусских текстов, подробно мы на этом останавливаться не будем. В прошедшем времени в подавляющем большинстве случаев этот глагол встречается в собственно общефактических контекстах, также совпадая в этом с текстами, рассмотренными выше. То же касается и употребления его в функции вводного слова, приведем пример последнего:

▪ *У Аленушки была коровка Буренушка, а у Ванюшки был жеребенок Алешенька. И вот они пасли их и, бывало, погонят пасти их, им мать напечет блиночков мякеньких. И вот они пасли долго и жили дружно* (СкПушк, с. 156. Нижегородская обл.) – *бывало* относит ситуацию к некоторому периоду в прошлом; повторяемость действия, выраженная, в частности, формами будущего времени, предполагает его

нелокализованность на временной оси [ТФГ 1997/2007: 217 – 226 (А. В. Бондарко); Шлуинский 2005: 76 – 83; Вострикова 2009: 19].

Однако эта закономерность выдерживается непоследовательно, ср.:

- *Ой, как приехали, да,
Кы белóму-то шатру да князя крымские,
Князя крымские кы белому-то шатру,
Межгородские.
Ой, как еще бывал, да,
Кы белому-то шатру Ицламбер-то Мурза,
Он приехал к шатру, Ицламбер-то Мурза,
На добром-то коне,
Ой, на добром коне, да,*

Ицламбер-то Мурза, сивогривеньком (ЮжнБ, II, с. 18) – глагол *бывал*, согласованный с подлежащим по роду и числу, употреблен в составе вводной конструкции и имеет конкретно-референтный статус.

То же видим и в следующем контексте, где *не бывал* выступает в предикативной функции:

- *Явился Карка-богатырь, говорит мамыньке: «А пожалуй-ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; он чарочку выпивал и пьян не бывал. «А да́-ка, мамынька, еще!» А другую выпивал, на́ весел позывал (СкАз, I, с. 153. Самарская обл.) – речь опять-таки идет о конкретной единичной ситуации.*

В обоих случаях названные действия являются однократными, что позволяет предполагать необязательность выражения итеративного значения глаголом *бывать* в южнорусских текстах, равно как и в рассмотренных выше севернорусских. Заметим, однако, что более надежных примеров, чем приведенные, нам не встретилось.

III. 2. 3. Итак, анализ Онежских былин и сказок, записанных на территории современной Карелии, Архангельской и Вологодской областей, а

также фольклорных текстов, зафиксированных в других регионах, показал, что основным контекстом употребления имперфективов, производных от основ НСВ является общефактический. При этом если в севернорусских текстах глаголы этого типа не встречаются в других употреблениях, то в южнорусских былинах исключения хотя и немногочисленны, но возможны.

Сравнение общефактических контекстов, содержащих глаголы типа *хаживал* и «обычные» глаголы НСВ, позволяет предположить, что различие между ними состоит в характере представления обозначаемых ситуаций. Имперфективы, мотивированные основами НСВ, имеют собственно общефактическое значение, называя обобщенную ситуацию, «тип», событие, нелокализованное во временном пространстве. Остальные же глаголы НСВ (как непроизводные, так и производные от СВ) в общефактическом контексте называют конкретные, уникальные ситуации (одну или несколько), локализованные во времени, то есть имеют единично-фактическое значение.

Эта оппозиция является привативной (маркированный член – имперфективы от основ НСВ) для текстов любой диалектной локализации, однако стоит отметить, что в севернорусских текстах «обычные» НСВ в собственно общефактическом значении употребляются крайне редко, то есть распределение указанных значений между противопоставленными типами основ выдерживается более последовательно.

В севернорусских текстах приставочные имперфективы, образованные от основ НСВ, функционируют ровно так же, как и аналогичные бесприставочные образования. В южнорусских былинах приставочные глаголы более чем в половине случаев не проявляют своей специфики – они встречаются не только в общефактическом, но и в других частных видовых значениях, характерных для «обычных» глаголов НСВ.

Среди всех имперфективов от основ НСВ особняком стоят глаголы *видать*, *слыхать*: они встречаются в том числе и в единично-фактическом значении, оказываясь, соответственно, синонимами глаголам *видеть*, *слышать*. В большей степени это опять-таки характерно для текстов, не

относящихся к северной диалектной зоне. По-видимому, рассмотренные фольклорные тексты демонстрируют тенденцию (проявляющуюся в различной степени) к сближению значений глаголов *видать* – *видеть*, *слыхать* – *слышать*, которые в современном литературном языке оказываются практически тождественными по своей семантике.

В рассмотренных текстах имперфективы от основ НСВ могут иметь таксисное значение и обозначать отнесенность действия к неактуальному временному интервалу в прошлом совершенно так же, как и другие глаголы НСВ. Ни одно из этих значений не является обязательным компонентом семантики интересующих нас образований.

Значение многократности свойственно глаголам типа *хаживал* ровно в той же степени, в какой оно вообще характерно для основ НСВ в общефактическом значении: действие должно быть потенциально повторяемым, реально же оно может быть единичным или неоднократным – это несущественно, поскольку «важно лишь то, было оно вообще или не было, будет или нет, нужно его осуществлять или нет и т. п.» [Бондарко 1971: 28]. В отличие от современного литературного языка, в котором значение многократности является обязательным компонентом семантики глаголов типа *хаживал* и выражается в любом контексте, в том числе без специальных указаний на повторяемость, в рассмотренных нами севернорусских текстах это значение реализуется не всегда. В этой связи имперфективы от основ НСВ, зафиксированные в севернорусских фольклорных текстах, не могут быть охарактеризованы как глаголы многократного способа действия. В то же время в текстах, записанных в других регионах, нет ни одного случая обозначения глаголом типа *хаживал* единичного, неповторяющегося действия. Этого недостаточно для того, чтобы однозначно квалифицировать их как многократные, однако тенденция к превращению этого значения в обязательный компонент семантики очевидна. Исключение представляют собой глаголы *видать*, *слыхать* и *бывать*. Для первых двух значение неповторяющегося действия остается

открытым и в говорах, и в литературном языке. Последний в литературном языке относится к глаголам многократного способа действия, однако в фольклорных текстах (независимо от диалектной локализации) он выражает значение повторяемости не всегда.

III. 3. Глаголы типа *хаживал* в памятниках XV – XVII вв.

Поскольку, как было сказано выше, имперфективы, мотивированные основами НСВ, начинают употребляться сравнительно поздно и отсутствуют в древнерусских памятниках, проанализируем их функционирование в старорусских текстах XV – XVII вв., различающихся по своей локализации.

III. 3. 1. Глаголы типа *хаживал* в памятниках XV – XVI вв.

Среди рассмотренных московских летописей XV – XVI вв. наибольшее число примеров употребления имперфективов от основ НСВ содержит НЛ. Все контексты, встретившиеся в МЛС (за исключением двух, но они не информативны), дублируют НЛ, поэтому далее мы будем анализировать именно ее. Кроме того, два примера, не совпадающих с НЛ, содержатся в примыкающей к ней ЦКн. «Задонщина», также входящая в число рассмотренных памятников этого периода, не показывает каких-либо отличий от летописных текстов в употреблении глаголов типа *хаживал*, поэтому мы будем рассматривать содержащиеся в ней контексты вместе с летописными.

Что касается севернорусских памятников этого времени, то ХЛ оказалась не более информативной, чем МЛС – в ней только один контекст не дублирует московские тексты, остальные же полностью совпадают. В нашем распоряжении, таким образом, остаются только 4 примера из УЛ.

Сразу оговоримся, что глагол *бывати* мы будем рассматривать отдельно, пока же проанализируем функционирование всех прочих имперфективов от основ НСВ.

В московских летописных текстах встретилось 23 глагола в 43 употреблениях. Большая часть лексем бесприставочные: *видати* – 8, *стаивати* – 2, *сѣживати* (*сиживати*) – 2, *служивати*, *живати*, *любливати*, *бивати*, *грабливати*, *гъживати*, *плачивати*, *рушивати*, *хаживати*, *зывати*, *слыхати*, *явливатися*. Приставочных глаголов всего 15: *посыльвати* – 6, *присыльвати* – 2, *пригъживати* – 2, *отдаывати* – 2, *прихаживати*, *выгъжживати*, *сѣгъжживати*¹. Как несложно заметить, лексем почти не повторяются, что подтверждает продуктивность словообразовательной модели. В 37 контекстах из 43 мы находим формы прошедшего времени, в шести – инфинитива.

Число имперфективов от основ НСВ в «Задонщине» неодинаково в разных списках. Глаголы типа *хаживал* появляются в трех контекстах: две или четыре формы инфинитива (в зависимости от списка) находим в эпизоде о бегстве татар, один инфинитив содержится в некоторых списках в обращении фрягов к Мамаю и одна л-форма – в причитании «жен коломенских» (также не во всех списках). Представлены следующие глаголы: *бывати*, *видати*, *хаживати*, *прашивати*.

¹ Как уже отмечалось выше, в целом ряде случаев мы не можем быть уверены, что приставочный глагол мотивирован основой НСВ, а не является обычным вторичным имперфективом – ср., примеры вариативных образований вторичных имперфективов в ранних памятниках, отмечавшиеся исследователями: *посоуживати* – *посоужати* [Кузнецов 1953: 262], *замысливати* – *замыслати* (*замышлѣти*), *въжигивати* – *выжигати* [Шевелева 2010: 207]. В частности, однозначно не определяется производящая основа глагола *оставливати* (*оставити/оставлять*), поэтому он не учтен в подсчетах и будет рассмотрен отдельно.

УЛ содержит 4 глагола, в том числе один приставочный: *видати, слыхати, хаживати, посылавати*. Все они представлены формами прошедшего времени.

Как показала М. Н. Шевелева, имперфективы от основ НСВ употребляются в НЛ в общефактическом значении, как в отрицательных, так и в утвердительных контекстах. При этом приставочные глаголы не отличаются по своей семантике от бесприставочных [Шевелева 2012]. Это в полной мере относится и к УЛ.

Обратимся к вопросу об особенностях общефактического значения глаголов типа *хаживать*, с одной стороны, и «обычных» глаголов НСВ, производных и производных от СВ, – с другой (пока без учета лексем *видать* и *слыхать* – их мы рассмотрим позднее).

Сочетаемость имперфективов от основ НСВ с временными локализаторами на материале НЛ подробно рассмотрела М. Н. Шевелева. По ее наблюдениям, употребление этих глаголов предполагает отнесенность названного факта к некоторому интервалу в прошлом, причем как обширному, «неограниченно длительному временному интервалу вплоть до указанного момента», так и «незначительному», «недлительному периоду времени» [Шевелева 2012: 15 – 159], ср. приведенные в работе примеры:

...и правду на томъ дали, что имъ служить царю и великому князю и ясаны платить, как преже сего царемъ Астраханскымъ плачивали (НЛ, т. 13 (1), с. 281, 1557 г.) – неограниченно длительный период времени;

и на перевозъ стоялъ три дни, а Крымцы къ нему не бывали и не являлися (НЛ, т. 13 (1), с. 296, 1558 г.) – «ограниченный, причем недлительный период времени» [Шевелева 2012: 158].

Временная нелокализованность может предполагаться в том числе контекстуально выраженной повторяемостью действия, поскольку этот семантический компонент исключает точную локализацию последнего на временной шкале [ТФГ 1987/2007: 217 – 226; Шлуинский 2005: 76 – 83; Вострикова 2009: 19], например:

▪ *Въ лѣто 6985 мѣсяца Марта, архієпископъ Новгородской Феовиль и весь Великой Новѣгородъ прислали къ великому князю Ивану Васильевичю и къ сыну его, къ великому князю Ивану Ивановичю, пословъ своихъ <...> бити челомъ и называти себѣ ихъ «господари», а напередъ того, какъ земля ихъ стала, того не бывало: никотораго великого князя «господаремъ» не зывали, но «господиномъ» (НЛ, т. 12, с. 169 – 170, 1477 г.).*

Итак, имперфективы от основ НСВ в НЛ называют события, относящиеся к некоторому временному интервалу, прямо обозначенному в контексте или определяемому прагматически. Ни одного случая соотнесенности названного факта с конкретной точкой на временной оси не встретилось.

Во всех контекстах, содержащих имперфективы, образованные от основ НСВ, речь идет о ситуациях определенного типа, но не имеются в виду какие-либо конкретные события, то есть глаголы употребляются в собственно общефактическом значении.

Ни в одном из двух примеров, содержащихся в севернорусской УЛ, не представлены временные локализаторы – в обоих случаях предполагается, что начало интервала, к которому относится названная ситуация, определяется прагматически, сам же этот интервал «простирается до времени высказывания» [Мелиг 2013: 22]:

▪ *Ста [посол] на вече и рече слово: «Бояре наугородицкие и весь Новград нарекли князеи великих себе, Ивана Васильевича государем Новуграду. Вам то ведомо ли?». И чернь, весь мир, рече: «Мы с тем не посылавали, и народ того не ведает, то ведают бояре». И начаша негодовати на бояр, и посла великого князя отпустили, и на вече бояр наугородцы побили <...> (УЛ, л. 130, 1478 г.)* – в данном случае отрицается не конкретный случай отправки послов, а сам факт того, что такая ситуация когда-нибудь имела место.

Мы видим, таким образом, что и в московской, и в севернорусской летописи имперфективы от основ НСВ имеют собственно общефактическое значение.

Непроизводные глаголы НСВ и вторичные имперфективы в подавляющем большинстве случаев сочетаются с временными локализаторами, точно располагающими называемое ими событие на временной шкале. Наиболее частотны временные обстоятельства такого рода: *того же лета (мѣсяца), то же вѣсны (зимы, осени), въ лето ..., в то же лето, Ноября въ 26 день, того же году, на Дмитреев день* и т. п., например:

- *Тое же зимы ходиль князь великии к Новугороду Великому и Дѣмон взял* (МЛС, л. 365 об., 1441 г.)

В зависимости от объема погодных записей и характера изложения число контекстов, содержащих временные локализаторы подобного типа, достигает 85% от всего объема высказываний с непроизводными глаголами НСВ и вторичными имперфективами.

При отсутствии обстоятельств временная локализация события определяется контекстуально, но ситуация, названная «обычным» глаголом НСВ, в большинстве случаев оказывается конкретной, определенной, ср.:

- *А воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вяткѣ рецѣ и поидоша из Вятки по Каме на низ <...>. Ходили до перевоза Татарьского да опять воротились вверхъ, воюючи Казанские же мѣста, и в Бѣлую Волошку ходили воевати* (МЛС, л. 391 об. – 392, 1468 г.);

- *Того же лета заложена бысть стрельница, а под нею введен бысть тайник. А делал ея Онтон Фрязин* (ХЛ, л. 394, 1485 г.) – в данном случае, строго говоря, неизвестно, относится ли названное действие к указанному году, однако его определенность не вызывает сомнений.

Тем не менее единичные случаи употребления «обычных» глаголов НСВ в собственно общефактическом значении все же встречаются, ср.:

▪ *Князь же великы слышав сие скорбен бысть и потужи си о них немало: «яко и не въ православии еще быша от Рюрика и до великого князя Владимира не отступали за иного государя <...>»* (МЛС, л. 399 об., 1469 г.) – типичный контекст для имперфективов от основ НСВ, однако здесь мы видим «обычный» вторичный имперфектив.

Показательны разночтения в рассказе о походе Игоря на половцев, присутствующем в разных источниках. В УЛ эта запись (как и большинство других) отражает следы значительной поздней переработки и содержит глагол *хаживати*:

▪ *В лето 6694. Здумаша князи, Ольговы внуцы, Игоревичи, Всеволодовичи дети, ркуще: «Дяди наши в Орду ходили воевати и корысти себе добывали, а нас с собою не имали». И поидоша на тотар в поле половецких, в Орду, и бишась с ними. И поможет бог руским княземь. И сташа на вежах, ркуще: «Братия наша бились с тотары, смотрячи на Переславль, а тотаровя сами к ним пришли. И мы идемь в земли их и до конца их пленим. Идем за море в луки моря, иде же отцы наши не хажывали, и добудем себе славы во веки»* (УЛ, л. 44 об. – 45, 1186 г.) – первый глагол называет конкретный поход, о котором рассказывалось ранее, второй сообщает о том, что ситуация такого типа не имела места.

При этом в ранней Суздальской летописи в этом фрагменте находим глагол *ходити*:

▪ *а рекуще бра^{тѣ} наша ходили с Стѣславомъ велики^{мъ} князе^{мъ}. и билися с ними зра на Пере^тславль . а они сами к ни^{мъ} пришли <...> а нонѣ поидемь по ни^{хъ} за Донѣ . и до конца избьемь ихъ . оже ны буде^{тъ} ту побѣда . иде^{тъ} по ни^{хъ} и луку моря . гдѣ же не ходили ни дѣди наши . а возме^{тъ} до конца свою славу и чть* (Сузд. лет., Лавр., л. 134 об., 1186 г.).

Соответствующий фрагмент в МЛС достаточно близок к Суздальской летописи и также содержит первичный глагол ненаправленного движения *ходити*:

▪ ... а ркуще сице: «братия наша ходили съ Святославомъ с великихъ княземъ и билися с Половци, зряще на Переяславль, а они сами к ним пришли <....> а еще поидем за ними за Дон и до конца избьемъ их, и аще будетъ нам ту на них побѣда, то идемъ по них и до лукомориа, идѣ же не ходили ни дѣди наши, да возмемъ си до конца честь и славу» (МЛС, л. 112, 1186 г.) – употребление обычного глагола НСВ в собственно общефактическом значении не противоречит общей закономерности, так как он является немаркированным членом оппозиции.

Поскольку определение имперфективов, образованных от основ НСВ, как глаголов многократного способа действия характерно как раз для литературного языка и говоров Центра, интересно выяснить, справедливо ли это по отношению к московским текстам XV – XVI вв.

В отрицательных контекстах (16 случаев) значение единичности/повторяемости нейтрализуется, примеры такого употребления приводились выше. В утвердительных многократность действия может быть выражена эксплицитно (5 случаев) или не исключается контекстом, ср. соответственно:

▪ ... въ той церкви той камень лежитъ, на которомъ пречистаа Богородица поклоны клала; таможе въ той церкви два камени, на которыхъ Христось сизживаль чясто (НЛ, т. 11, с. 106, 1389 г.) – референциальный статус ситуации, названной глаголом *клала* не может быть определен однозначно, повторяемость второго действия обозначена наречием;

▪ *Подъемъ же его не таковъ был, якоже прежде того гозживаль по монастыремъ молитися* (НЛ, т. 13 (1), с. 391, 1565 г.) – мы не знаем, об одной поездке идет речь или о нескольких – контекст не исключает ни одного из этих значений.

Только в одном случае значение повторяемости отсутствует и «явно актуализирована не кратность, а фактичность действия (подчеркивается, что факт имел место)» [Шевелева 2012: 157]:

▪ *А пресвященный Фотгъй митрополитъ послѣ вечерни поиде изъ Володимеря въ свою митрополичу волость въ Сенегъ <...>; и бывшу ему на Святъ озеръ своемъ у церкви святаго Преображенія Господня, яже поставилъ Киприанъ митрополитъ и часто тамо живаль, занеже любливалъ лѣсныя пустынныйя мѣста* (НЛ, т. 11, 1411 г.) – значение неоднократности, повторяемости действия исключено стативной семантикой глагола.

По-видимому, значение неоднократности свойственно глаголам типа *хаживать* в этот период не более, чем другим глаголам в общефактическом употреблении: названное действие должно быть потенциально повторяемым, но этот семантический компонент в конкретном контексте может и не актуализироваться. Таким образом, имперфективы от основ НСВ в период XV – XVI вв. не могут определяться как «многократные» глаголы – это значение пока еще остается контекстуально обусловленным.

УЛ в этом отношении непоказательна, поскольку оба примера содержатся в отрицательных контекстах, нейтрализующих значение единичности / повторяемости.

Приставочные имперфективы, мотивированные основами НСВ, не обнаруживают никаких отличий в семантике и функционировании от бесприставочных, ср.:

▪ *Княгини же Борисова, отъ рода Смоленска суци, и вземъ сына своего, и боаринъ еъ Воронежъ <...> биша челомъ великому князю Ивану Михайловичю, глаголюще: «мы, господине, не посылавали къ тебѣ своихъ боярь»* (НЛ, т. 11, с. 184, 1400 г.) – глагол имеет собственно общефактическое значение.

Те глаголы, производящая основа которых не определяется однозначно, не всегда соответствуют этому значению, например:

▪ *Того же мѣсяца пришли з Днѣпра атаманы Черкаскіе Гаврило Слѣпецкой, которыхъ оставливалъ околничей и воевода Данило Адашевъ съ*

товарыщи, а привели съ собою мырзь Нагайскихъ Кипчяшского улусу <...> (НЛ, т. 13 (2), с. 323, 1560 г.) – глагол употреблен в общефактическом контексте, но называет конкретную ситуацию, то есть имеет единично-фактическое значение, не свойственное глаголам типа *хаживал*. Можно предполагать исходя из этого, что глагол *оставливать* мотивирован основой СВ *оставить* и является обычным вторичным имперфективом.

Во всех пяти летописных контекстах, содержащих формы инфинитива от имперфективов, мотивированных основами НСВ, названные последними ситуации также имеют общереферентный статус, ср.:

▪ *А околничей Феодоръ Григоріевичъ Адашевъ почаль говорити: «въдаеть Богъ да ты, государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крестъ цѣлуемъ, а Захарыинымъ намъ Данилу з братією не служивати»* (ЦКН, с. 524, 1553 г.) – в другом списке – *не служити*;

▪ *И царь и великій князь послалъ къ нимъ съ отвѣтомъ околничего своего Алексія Феодоровича Адашева да діака Ивана Михайлова, а велѣлъ то отмольти, что государю старины никакъ не рѣшивати* (НЛ, т. 13 (1), с. 279, 1557 г.).

Только в отрицательных контекстах и только в неререферентных употреблениях инфинитив представлен также в «Задонщине». Приведем фрагмент, содержащий (в зависимости от списка) от двух до четырех форм инфинитива, образованных от имперфективов, мотивированных основами НСВ:

▪ *Тутю погании разлучишася, раздно побѣгоша <...>, а ркуче: «Уже намъ, братие, в земли своей не бывати, а дѣтѣи своих не видати, а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова, а на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода намъ у русских князей не прашивати»* (Задон., список Исторический 2-й, л. 73 – 73 об.);

▪ *Тутю ся погании разлучишася боръзо, розно побѣгиши <...>, а ркучи: Уже намъ, братие, в земли своей не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, а в*

Русь ратю не ходити, а выхода нам у русских князеи не прашивати (Задон., список Исторический 1-й, л. 222 об.) – каких-либо отличий от летописного употребления здесь нет.

Глаголы *видать*, *слыхать* употребляются достаточно редко: в УЛ встретились два примера (по одному на каждую лексему), в ЦКн – 1 (*видать*), в НЛ – 8 примеров глагола *видать* и 1 *слыхать*. Из 12 примеров один представлен инфинитивом (*видати* в НЛ), остальные – формами прошедшего времени. В списках «Задонщины» находим 1 инфинитив *видати*.

Девять случаев употребления глаголов *видать*, *слыхать* из десяти встретившихся в московских летописных памятниках, а также единственный, представленный в «Задонщине» (один приведен выше), содержатся в собственно общефактических контекстах (как отрицательных, так и утвердительных), например:

▪ *И собрася полкъ великаго государя столь множество, но и поля Коломеньские ихъ не вмѣщаху, бывые же съ государемъ многие люди, которые во многихъ ратѣхъ бывали и множество людей видали, а столь величеству не видали; и дивитися встѣмъ величеству полкомъ и урядству царьскому, что въ малъ часъ толико людей срыщутся, якоже на потѣху* (НЛ, т. 13 (1), с. 189, 1552 г.).

Но в одном контексте в НЛ и в обоих контекстах в УЛ мы находим употребление этих глаголов в единично-фактическом значении. Приведем эти примеры:

▪ *Мѣсяца Марта въ 20 день, въ 6 часъ ноци, съ четверга противу пятницы, загорѣся Москва внутри града близъ церкви Петра Чюдотворца <...> а людемъ встѣмъ спящимъ: начаша изъ заречья кричати, что градъ горитъ, а во градъ не видалъ никто* (НЛ, т. 12, с. 199, 1480 г.);

▪ *И на ту ноць Григорей Протасъев выслал ко царю своего человека в острог и рече: «Чтобы еси утре на рать великого князя пришел». И того*

утра мгла бысть велика. И царь пришед и силу великого князя прибил, а стражи руския не видали (УЛ, л. 109, 1438 г.);

▪ Тое же весны князь великий Иван Васильевич послал рать судовую на Казань, а братью свою <...> послал берегом с конною силою <...>. И приидоша под Казань в неделю на ранней зоре, безвестно, а сторожы татарские не слыхали (УЛ, л. 122, 1469 г.)¹.

Во всех трех контекстах глаголы *видать*, *слыхать* соотнесены с конкретными, локализованными во времени ситуациями, что для других имперфективов, образованных от основ НСВ, как мы видели, нехарактерно. Для производных глаголов *видеть*, *слышать* такой контекст, напротив, является обычным в обеих летописях.

Таким образом, как и в рассмотренных выше фольклорных текстах, в летописях XV – XVI вв. глаголы *видать*, *слыхать* выделяются среди имперфективов, образованных от основ НСВ, способностью употребляться не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом значении. Это характерно как для московской, так и для севернорусской летописи.

Что касается комплекса плюсквамперфектных значений, то, как показала М. Н. Шевелева, в летописях XV – XVI вв. при употреблении имперфективов от основ НСВ, может возникать «тот регресс в повествовании, который воспринимается как плюсквамперфектность», или «более или менее явно выраженный семантический компонент противопоставленности положению дел в момент речи, что воспринимается как значение давнопрошедшего», однако в любом случае эти значения являются контекстуально обусловленными [Шевелева 2012: 153, 174;

¹ Сообщения общерусского характера, содержащиеся в УЛ, значительно отличаются от соответствующих известий в московских сводах – по-видимому, как и ранние записи, они были значительно переработаны. В связи с этим кажется оправданным рассматривать общерусские сообщения в УЛ вместе с местными записями.

Шевелева 2016: в печати]. Добавим лишь, что немногочисленные примеры из Устюжской летописи не противоречат этому утверждению.

Глагол *бывати* по-разному функционирует в книжных и некнижных контекстах. Прежде всего, обращает на себя внимание состав грамматических форм, образуемых от этой основы. Если в некнижных контекстах мы находим л-формы и инфинитив, как и в случае с обычными имперфективами от основ НСВ, то в книжных большинство употреблений приходится на имперфект (более 40) и презенс (более 30), встречаются также действительные и страдательные причастия настоящего времени.

На отсутствие у глагола *бывати* в книжных контекстах ранних летописей специального значения многократности указывает М. Н. Шевелева: способность этого глагола называть единичные действия, по ее наблюдениям, доказывает, что *бывати* в таких случаях «выступает как обычный имперфектив к *быти*, а не как итератив» [Шевелева 2012: 147].

В книжных контекстах рассмотренных летописей XV – XVI вв. мы находим ровно такое же употребление, ср.:

▪ *Якоже рече Иванъ Дамаскинъ, обычая ради естества превыше естество въ насъ Господь учини, понеже обычай имуть челоувъки хлѣбъ ядуще и воду и вино пьюще, сопряже и Божество своему тѣлу, и вмѣсто пречистаго тѣла хлѣбъ и вмѣсто боготворящія крови вино дасть намъ Господь, яко и самъ Господь причастникъ тѣлу Божествомъ и челоувъкъ бываше (НЛ, т. 13 (2), с. 335 – 336, 1561 г.) – имперфект называет неповторяющееся действие;*

▪ *Баозитъ же собра воя въсточныя и западныя, и Сербьскаго князя Стефана поиде противу Темиря; и сражению бывшу, побѣждаетъ Темирь. И ухващенъ бываетъ Турскій царь Баозитъ, егоже въ желѣзней клѣтци съ собою возяше; и пришедъ съвѣтникъ его, идѣже дрѣжимъ бѣ Баозитъ, рече ему: «виждь, господи, глаголы моя не збыша ли ся?» (НЛ, т. 11, с. 151,*

1392 г.) – настоящее историческое имеет событийное значение, называя единичное событие в прошлом.

В не книжных фрагментах глагол *бывать* представлен только л-формами и инфинитивом. В ранних летописях л-формы встречаются в однотипных отрицательных контекстах в значении «никогда – вплоть до указанного момента – не имело места существование данного факта», при этом ровно том же значении возможна и производная основа *быть* [Шевелева 2012: 148 – 149]. В летописях XV – XVI вв. мы находим совершенно аналогичные контексты – ср. соответственно примеры из ранних и поздних летописей:

- *И быѣ скорбь и тоуга люта. такоже николиже не бывала во всемъ Посемьи и в Новъгородъ Сѣверьскомъ (КЛ, л. 225 – 225 об., 1185 г.) [Шевелева 2012: 148];*

- *И быѣ моръ в кониѣ въ всиѣ войѣ его. тако не былъ николи же (КЛ, л. 168 об., 1154 г.) [Шевелева 2012: 149];*

- *...а людей Нагайскихъ на обѣ стороны многое множество побито: какъ и стала орда Нагайская, такой надежи надъ ними не бывало (НЛ, т. 13 (1), с. 249, 1555 г.);*

- *...много же и людей погорѣло, болѣ тысячи чловѣкъ; такова пожара велика въ Ростовѣ не было и за двѣстѣ лѣтъ (НЛ, т. 11, с. 204, 1408 г.).*

Определить разницу между употреблением *бывати* в ранних и поздних текстах по имеющимся примерам, по-видимому, невозможно – М. Н. Шевелева предполагает лишь, что в ранний период такие контексты «еще вполне могли быть контекстами обычного общефактического отрицания с имперфективным глаголом», в то время как в XV – XVI вв. глагол *бывать*, возможно, уже «подстраивается» под другие вторичные имперфективы и «проявляет свою специфику (в том, что касается эмфатического усиления отрицания)» [Шевелева 2012: 151].

Во всех четырех приведенных случаях глаголы *бывати*, *быти* имеют неконкретную референцию. При этом непроизводная основа в подобных контекстах встречается крайне редко, а примеров употребления глагола *бывати* в единично-фактическом значении не встретилось ни в ранних записях, ни в поздних.

По ранним употреблениям глагола *бывати* судить о наличии в его семантике значения многократности невозможно, поскольку он встречается только в отрицательных контекстах. В поздних записях *бывати* встречается также и в утвердительных контекстах, но ни в одном случае мы не можем с полной уверенностью утверждать, что значение повторяемости исключено. Ср.:

- ... а прежде сего на тѣхъ мѣстехъ **бывали** же церкви надо рвомъ (НЛ, т. 13 (1), с. 252, 1555 г., в списках Акад. XIV, Обол., Акад. XV, Пув. (Строг.) и Троицк. III);

- ... и нареченный Полоцкій владыка Арсеній и воевода Полотцкій панъ Давойно и з женою и Яновъ сынъ Юрьевича Глѣбова, что у насъ въ послѣхъ **бываль**, у насъ же въ рукахъ и иные многіе дѣти боярскіе добрые у насъ въ рукахъ (НЛ, т. 13 (2), с. 362, 1563 г.);

- А писалъ царь Крымской ко царю и великому князю въ своей грамотѣ, чтобы къ нему прислалъ царь и великій князь поминки таковы, каковы **бывали** Магмедъ-Киргю царю, и онъ того для въ миру учинится (НЛ, т. 13 (2), с. 332, 1561 г.).

В двух последних примерах значения единичности / повторяемости равновероятны (неизвестно, сколько раз Ян Глебов был послом, и в данном случае это не имеет значения; в третьем примере прочтение зависит в том числе от того, в каком значении понимать слово *поминки* – ‘вид подати’ или ‘дар, подарок’ [Срезневский 1902, II: 1160]); в первом контексте больше вероятность того, что речь идет о неповторяющейся ситуации. Однако в принципе ни в одном случае значение неоднократности не может быть исключено. Это соответствует общефактическому значению, но не позволяет

нам ответить на вопрос, может ли глагол *бывати* уже в этот период определяться как «многократный».

Таким образом, характер употребления имперфективов, мотивированных основами НСВ, в памятниках XV – XVI вв. оказывается сходным с тем, как эти глаголы употребляются в рассмотренных выше фольклорных текстах. Как московские тексты, так и немногочисленные примеры из севернорусских летописей XV – XVI вв. не содержат ни одного случая употребления глаголов типа *хаживал* в единично-фактическом значении. Они встречаются только в собственно общефактических контекстах и в этот период не показывают каких-либо диалектных различий.

Исключение составляют глаголы *видати*, *слыхати*: в отличие от «обычных» имперфективов от основ НСВ, они возможны не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом значении (хотя первое и предпочтительно). Глагола *бывати* это не касается – примеров употребления его в единично-фактическом значении не встретилось.

Как и в рассмотренных выше фольклорных текстах, оппозиция является привативной: производные глаголы НСВ и вторичные имперфективы могут выражать оба значения – и единично-фактическое (в абсолютном большинстве контекстов), и собственно общефактическое).

Судя по имеющимся в нашем распоряжении примерам, в XV – XVI вв. глаголы типа *хаживал* в говорах Центра еще не могут расцениваться как «многократные» - это значение пока является контекстуально обусловленным. То же самое можно сказать по поводу глагола *бывати* в книжных контекстах; что же касается некнижных употреблений, то однозначных подтверждения наличия или отсутствия у этого глагола значения неоднократности не встретилось.

III. 3. 2. Глаголы типа *хаживал* в памятниках XVII в.

В памятниках XVII в., как и в текстах более раннего времени, имперфективы от основ НСВ содержатся в не книжных фрагментах, в книжных же встречается только глагол *бывати*. Последний рассмотрим ниже, начнем с анализа функционирования полнозначительных глаголов.

Из числа севернорусских памятников глаголы типа *хаживал* содержат только ВЛ и УЛет. В них встретились следующие глаголы (всего три употребления): *видати*, *едати*, *пивати*. Приставочные глаголы отсутствуют, во всех случаях находим формы прошедшего времени.

Среди московских текстов имперфективы, образованные от основ НСВ, встречаются в МЛ, СкАП, ЖД и ПГЗ. В них обнаружилось 11 лексем в 22 употреблениях, в том числе 4 приставочных: *видати(ся)* – 6, *слыхати* – 2, *едати* – 4, *писывати* – 3, *пивати*, *волачивати*, *ночевывати*, *исхаживати*, *отхаживати*, *дохаживати*, *принашивати*. В 23 случаях представлены формы прошедшего времени, в двух – инфинитива, в двух – страдательного причастия прошедшего времени (*не слыхан*).

Кроме того, три глагола в восьми употреблениях содержатся в ЖпА: *видати* – 6, *слыхати*, *пуживати*. С одной стороны, в тексте заметно присутствие севернорусских диалектных особенностей, а с другой, сам протопоп Аввакум, будучи выходцем из Нижегородской губернии, носителем севернорусского говора не является, поэтому мы не будем учитывать примеры, обнаруженные в житии, при подсчетах контекстов из Центральной и Севернорусской диалектных зон.

Глаголы *видати*, *слыхати*, как и ранее, мы рассмотрим отдельно.

В севернорусских текстах оба глагола содержатся в утвердительном контексте, то же касается единственного глагола *пуживати* в ЖпА, в памятниках, связанных с говорами Центра, из 14 употреблений 7 отрицательных.

Поскольку в севернорусских летописях встретились только два глагола в составе одного контекста, далее речь пойдет в основном о памятниках Центра.

Формы прошедшего времени (то есть все случаи, кроме одного инфинитива) содержатся в собственно общефактических контекстах.

Временные обстоятельства присутствуют в 8 случаях из 16 и указывают на период времени, в течение которого факт имел место (или не имел места): *три дни, день до вечера, прежде сего* и т. п., например:

- *Он же рече ми: «Не гнѣвайся, свята мужа вы просмехали, и вамъ встѣмъ грѣхъ то есть, что не по-вашему жилъ онъ и всегда постомъ себя морилъ; мнѣ вѣдомо о немъ – не токмо онъ седмицу не ѡдалъ, но часто и девять и десять дней ни ложки воды не пивалъ (ЖД, с. 396).*

В контекстах, не содержащих временных обстоятельств, указание на временной интервал все же имплицитно присутствует, ср.:

- *Лета 6942-го был голод великий в Литовской земли. По селом и по городам звери людей поядали, а в городе Смоленску по посаду и по улицам люди з голоду людей ядали, а псы головы и руки и ноги человеческия волачивали (МЛ, л. 177, 1434 г.) – ‘на протяжении того времени, пока длился голод, такая ситуация, как X, имела место (хотя бы однажды)’.*

В одном контексте содержится указание на многократность действия, что также предполагает его временную нелокализованность:

- *А сие, что не написано у тебя, и тебѣ, честнѣйшему господину, буди то вѣдомо, - язъ в кѣлье архимаричье многожды начевывал и писывал много дѣль духовныхъ и грамотъ ото властей для соединения земли (ЖД, с. 394).*

Приставочные имперфективы, мотивированные основами НСВ, не отличаются ни значением, ни употреблением от бесприставочных. Один такой глагол встретился в очень книжном контексте:

▪ *стиснувь же ся съ сопостаты, и со срамотою одолъваемъ, вмѣсто же пота побѣдительства слезами обліяся, урядный неурядно утече. И помалъ, еще дышя рвеніемъ, исходитъ мститися. Къ нему же простцы рекошя на пути: «Мы, государь бояринъ, преже сего прося у чудотворца Сергіа помощи, малоурядно исхаживали, <...> пастырь же нашъ самъ нами промышляя и не погуби нас николи же»* (СкАП, л. 150) – военачальнику, потерпевшему поражение с большим и хорошо подготовленным войском сообщается, что ранее защитники монастыря, даже совершая вылазки малыми отрядами, возвращались благополучно. Остается неизвестным, идет ли речь о единичном случае или такое происходило неоднократно – эта информация в данном случае нерелевантна, поскольку глагол называет не конкретный, определенный факт; важно лишь, что событие такого рода в принципе случалось хотя бы однажды на протяжении указанного периода.

Аналогичное употребление мы видим также в контексте, содержащем инфинитив от приставочного глагола:

▪ *Брушевской же панъ въ роспросъ и съ пытки сказалъ, что подлинно ведутъ подкопы подъ городовую стѣну и подъ башни. <...> «А хвалятся дѣ наши гетманы, что взяти замокъ Сергіевъ монастырь и огнемъ выжечи, а церкви Божіа до основанія разорити, а мниховъ всякими различными муками мучити; а людей всѣхъ побити; а не взявъ монастыря, прочь не отхаживати. Аще и годъ стояти, или два, или три, а монастырь взяти и въ запусътніе положити»* (СкАП, л. 76 – 76 об.).

Из более чем 130 общефактических контекстов¹, содержащих непроизводные глаголы НСВ и вторичные имперфективы, более 120 содержат глаголы в единично-фактическом значении. В подавляющем большинстве случаев представлены конкретные временные локализаторы –

¹ Это, безусловно, не полный список общефактических употреблений в исследованных памятниках XVII в. – речь идет о выборке тех глаголов, значение которых в каждом конкретном контексте определяется как общефактическое однозначно и не может быть прочитано ни в неопределенно-длительных, ни в неограниченно-кратных значениях.

точный год, месяц, день, час, в который имело место называемое событие, например:

- *Того же 171 года марта в 16 день приезжал на Двину князь Иван Шеховской сыскивать беглых салдат и стрельцов и всяких служылых людей* (ДЛ, Простр. ред., л. 23, 1663 г.).

Контекст может не содержать указания на точное время совершения действия:

- *и в кругу ево роспрашивали, хто складывал и хто писал те грамоты* (ЗЛ, 1 ред., л. 64 об., 1671 г.) – но в данном случае даже без обращения к более широкому контексту очевидно, что речь идет об определенном, конкретном событии.

Поскольку оппозиция является привативной, производные глаголы НСВ и вторичные имперфективы также возможны и в собственно общефактическом значении. Приведем некоторые примеры:

- *В пост святых верховных [апостол] Петра и Павла никто никаких человек без теплаго одеяния не ходил, бе бо время холод велик и дожди с ледяным градом частые днем и ноцию* (ЗЛ, 1 ред., л. 23 об., 1670 г.) – ‘на протяжении указанного периода времени такая ситуация, как X, не имела места’ – обычный контекст для появления производной основы *не хаживал*;

- *«И сколько я тобѣ, чадо, въ Олександрову слободу приказывала: не гзди во градъ Москву, что лихи въ Москвѣ звѣри лютые, а пышатъ ядомъ зминымъ, измѣнничымъ»* (ПпСкШ, л. 897 об.) – многократно повторяющееся действие, нелокализованное во времени;

- *Они же, яко звери дивии, незлобное агня, сего страдалца похватиша от царских пресветлых лиц, изведше ис преграды, с Красного крыльца свергоша на землю <...>, злословием ругаяся, глаголюще: «<...> да ты же умышлял царевича Феодора Алексеевича все Росии убить, иже бысть царь, ныне же во блаженном успении; и за тое воровство на тебя, вора, его государской бысть гнев, и за опалы сослан, а ныне во цари захотел, одежду на себя царскую надевал и на место царское садился!»* (Лет. 1619 – 1691,

л. 721 об. – 722, 1682 г.) – характер ситуации в данном случае однозначно не определяется: невозможно сказать, о конкретном событии сообщает говорящий или о самом факте того, что такая ситуация имела место.

Что касается обозначения глаголами типа *хаживал* многократных действий, то здесь мы видим такую же ситуацию, как в текстах XV – XVI вв. и севернорусских фольклорных текстах. В 7 из 16 случаев мы находим их в отрицательных контекстах, нейтрализующих значение единичности/неоднократности; в трех контекстах многократность действия выражена эксплицитно и еще в четырех это значение точно определено быть не может. Пример последнего представлен, в частности, в единственном имеющемся в нашем распоряжении контексте из УЛет:

▪ *И в монастыре з год чахл и кашлял, плевал все гноем, внутри гнило и многих врачей приводили, травы пивал и коренья едал, и иные многие лекарства принимал, и издержал от лечьбы четыре рубли денег, и ни от чего помощи себе не получил, мало не умер (УЛет, II ред., л. 19, 1619 г.).*

Контекст не снимает неоднозначности, и такое употребление полностью соответствует общефактическому значению – важен только факт осуществления действия.

Любопытно рассмотреть следующий фрагмент:

▪ *А егда еще я былъ попомъ, с первыхъ временъ, какъ к подвигу касатися сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо и приехалъ к ней отецъ духовной; азъ же со двора пошелъ по книгу в церковь ноци глубоко, по чему исповѣдать ея. Иегда на паперть пришелъ, столикъ до тово стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ столикъ на местъ своемъ. И я, не устрашась, помолясь предъ образомъ, остънилъ рукою столикъ и, пришедъ, поставил ево, и пересталъ играть. <...> Потомъ, книгу взявъ, ис церкви пошелъ. Таово то ухищреніе бѣсовское к нам! (ЖПА, л. 283 – 283 об.).*

Здесь присутствует потенциальное значение повторяемости действия, свойственное глаголам в общефактическом употреблении, из контекста же мы узнаем, что речь идет о единичной, неповторяющейся ситуации.

Таким образом, севернорусские тексты не дают нам контекстов, позволяющих судить о том, является ли повторяемость действия обязательным компонентом семантики глаголов типа *хаживал*. Относительно памятников, связанных с говорами Центра, можно предполагать, по-видимому, что имперфективы, образованные от основ НСВ, пока еще не являются многократными глаголами по умолчанию, хотя тенденция к закреплению за ними этого значения прослеживается¹. Это же, по-видимому, относится и к ЖПА.

Плюсквамперфектные значения характерны для глаголов типа *хаживал* в текстах XVII в. не в большей степени, чем для текстов XV – XVI вв. и рассмотренных былин: таксисное значение предшествования одного действия другому, экспериенциальное значение или отнесенность действия к неактуальному временному интервалу в прошлом могут возникать в том или

¹ Предположение о контекстуальной обусловленности многократного значения в говорах Центра в более ранние периоды развития русского языка косвенно подтверждают случаи обращения к имперфективам от основ НСВ для обозначения единичных, неповторяющихся фактов в художественной литературе XX в. [НКРЯ], ср., в частности:

Мол, знаете, хозяин, едал я однажды манты из перепелиных языков... вы человек опытный, как думаете, сколько их на одну штуку-то идет? (А. Волос. Сирийские розы)

Я благоразумно помалкивал, ибо из банок, за вычетом тех, что применялись в пивных вместо дефицитных кружек, пивал до сих пор только однажды, еще в Олимпиаду, отечественное «Золотое кольцо» (М. Бутов. Свобода).

Тут же я узнал, что лучшие всего это делали всё тот же Комаровский-Бионкур <...> и итальянский баритон, которого Иван Васильевич знавал в Милане в 1889 году (М. Булгаков. Театральный роман).

– Эх, Петька, Петька, – сказал Чапаев, – знавал я одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

ином контексте (примеры можно найти выше), но эти значения не относятся к числу обязательных и остаются контекстуально обусловленными.

Глаголы *видати*, *слыхати* отличаются от других полнозначительных имперфективов, образованных от НСВ, тем, что употребляются не только в прошедшем времени и инфинитиве, но и в форме страдательного причастия прошедшего времени – об этом было сказано выше:

	Число форм		Число форм
Всего		Всего	
<i>видал</i>	9	<i>слыхал</i>	2
<i>видать</i>	1	<i>слыхать</i>	
		<i>слыханъ</i>	2

Большинство контекстов, содержащих эти глаголы (10 из 14 случаев), являются собственно общефактическими, приведем некоторые из них:

- *И против того роспросу и словесного челобитья Семен Грибоедов в Стрелецком приказе подал скаску, а с в скаске своей написал: Такова де великого государя указу и боярского приговору, что на полковников стрелцом никакой их полковничьи работы не работатъ, не слыхал (Лет. 1619 – 1691, л. 707 об. – 708, 1682 г.);*

- *Згъло у Федора тово крѣпокъ подвигъ былъ: в день юродѣствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами. Много добрыхъ людей знаю, а не видаль подвижника такова! (ЖПА, л. 253).*

Хотя в контекстах высокой степени книжности эти образования, характерные для живого языка, не встречаются, в отдельных фрагментах, содержащих значительное число книжных черт, они все же представлены – например, в составе прямой речи:

- *... благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна со всеми своими государскими тетками и сестрами вкупе <...> вышли на Красное*

крыльцо со слезами, глаголюще: «Почто сей мятеж учинился? Кто вам помути, яко и дому нашему царскому на разорение приидосте, еже чего от века не слыхано? <...>» (Лет. 1619 – 1691, л. 717, 1682 г.);

В двух случаях характер ситуации не определяется однозначно, приведем один из них:

▪ *Государь меня тотъчасъ к руке поставитъ велгль и слова милостивые говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велгль!» И я сопротивъ руку ево поцеловаъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь и жива душа моя, царь государь; а впредь, что изволитъ Богъ!» Он же, миленькой, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобе ему (ЖПА, л. 238 об.)* – неясно в данном случае, имеется ли в виду конкретная встреча, описанная в этом эпизоде, или речь идет о возможности встречи вообще, а описанный разговор является одной из реализаций этой возможности.

Наконец, как и в других рассмотренных текстах, глаголы *видати*, *слыхати* отличаются от остальных полнознаменательных имперфективов, образованных от основ НСВ, способностью употребляться в единично-фактическом значении, например:

▪ *И много плачючи говорилъ: «А се-де вдругъ, батюшко, желгъза всгъ грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де, Богу поклонясь, да и пошелъ <...>. Я-де по большой дороге, к Москвгъ напрямикъ! Егда-де розсвгътало, – ано погоня на лошедахъ! Трое человекъ мимо меня пробгъжали, – и не увидгъли меня. Я-де надгъюся на Христа, бреду таки впредь. Помале-де опгъ едутъ на встргъчу ко мнгъ, лаютъ меня <...>. Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де нынгъ к тебгъ спроситца прибргъль: туды ль де мнгъ опять мучитца пойти, или, платье вздгъвъ, жить на Москвгъ?» (ЖПА, л. 252 – 252 об.)* – оба глагола соотнесены с конкретными, определенными ситуациями, одна из них названа глаголом СВ, для которого временная локализованность действия является обязательным компонентом семантики, а другая – имперфективом от основы НСВ, обычно встречающимся в собственно общефактическом употреблении.

Оказывается, таким образом, что в памятниках XVII в. глаголы *видати*, *слыхати* ведут себя так же, как в летописях XV – XVI вв. и рассмотренных фольклорных текстах: в отличие от других полнозначительных глаголов, мотивированных основами НСВ, они встречаются не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом употреблении.

Перейдем к анализу функционирования в памятниках XVII в. глагола *бывати*. Поскольку в семантике или функционировании этого глагола в книжных контекстах не появляется никаких заметных отличий от книжных контекстов в рассмотренных выше летописях и не обнаруживается никаких диалектных различий, кратко рассмотрим их в первую очередь.

Как и в текстах более раннего времени, глагол *бывати* встречается здесь в разных грамматических формах: имперфект (40 примеров), презенс (28), инфинитив (2), действительные и страдательные причастия настоящего (3 и 5 соответственно).

В книжных контекстах памятников XVII в. этот глагол не имеет значения повторяемости, характерного для него в современном литературном языке. Так, в следующих примерах мы видим формы событийного настоящего исторического, обозначающего единичное завершённое действие в прошлом, и имперфекта, выражающего действие в процессе его протекания:

- *Потомъ же въ того мѣсто инъ назвася [Лжедмитрий]. И достизаетъ и до царствующаго града Москвы, но не приѣмлемъ бывается* (СкАП, л. 54);

- *Трапезе же бывши предоволней, встѣми земными преизобилующи; святѣйший же Феофанъ по мноземъ покланянии с молениемъ Дионисия з братъею едва мало вкуси, и сидяше, ни ядый и ни пия, но плачася велми, и полотенца многи измочи слезами. И торжество велие бываше обѣда с пѣниемъ и со многимъ чтениемъ, но патриархъ самъ не утѣшимъ нимало от плача* (ЖД, с. 458).

Приведенные фрагменты показывают, что без специального контекстуального указания на повторяемость действия это значение глаголом *бывати* не выражается¹.

Можно утверждать, соответственно, что в книжных контекстах памятников XVII в. глагол *бывати* выражает те же частные видовые значения, которые характерны для обычного НСВ – все виды неопределенно-длительных и неограниченно-кратных значений, а также общефактическое. Никаких отличий от употребления этого глагола в более ранние периоды здесь не наблюдается, диалектные различия не прослеживаются.

Некнижные контексты севернорусских памятников содержат 28 употреблений глагола *бывати*, памятников, связанных с говорами Центра, – 26 употреблений. Мы находим там формы презенса (3 и 6 примеров соответственно) и прошедшего времени (25 и 12 примеров). Кроме того, в несевернорусских памятниках глагол *бывати* представлен также формами инфинитива (2 примера) и употребляется в функции вводного слова (6 случаев).

В презенсе глагол *бывати* имеет хабитуальное значение и функционирует так же, как в современном литературном языке, ср.:

▪ *Тут мнѣ учинился сынъ духовной, какъ я ис Сибири ехалъ. У церкви в полатке, – прибѣгалъ молитвы ради, – сказывалъ: «какъ де от мороза тово в теплѣ томъ станешъ, батюшко, отходить, зѣло-де тяшко в те поры **бываетъ**», – по кирпичью тому ногами теми стучаетъ, что коченьемъ! А на утро и опять не болятъ (ЖПА, л. 254);*

¹ Проанализировав сочетания «бывает + страдательное причастие» в русских агиографических текстах XVI – XVIII вв., Е. Г. Сосновцева также отмечает единичные их употребления для обозначения однократных, неповторяющихся действий в прошлом, подчеркивая, впрочем, что эти случаи «характеризуются закрепленностью за определенными композиционными фрагментами житий» [Сосновцева 2016: 30].

▪ *А на кои государства она (звезда) стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и междуусобные брани и войны великие меж ими...* (МЛ, л. 270 – 270 об., 1619 г.).

Не отличается от современного литературного и значение форм инфинитива, представленных в единственном контексте:

▪ *не бывает бражнику богату,*
не бывает костарю въ славь доброй! (ПГЗ, с. 65) – аналогичное употребление этой формы в значении «объективной предопределенности» мы видели в рассмотренных выше былинах, и подробно останавливаться на нем не будем.

Формы прошедшего времени в основном содержатся в собственно общефактических контекстах и не отличаются от обычных имперфективов, образованных от основ НСВ, ср.:

▪ *а прежде того времени и последи во многие дни дождя не бывало, ни по странам окрестным того места* (ВЛ, л. 186 об. – 187, 1685 г.);

▪ *Июля в 5 день приходили в город в Верх с невежеством большим в Грановитую полату на собор к святейшему патриарху Иоакиму и ко властем <...> поп Никита Пустосвятов, что прежде сево бывал в Суздале, а был он в ссылке* (МЛ, л. 306 об. – 307, 1682 г.) – очень показательный контекст: глаголом *бывал* утверждается сам факт посещения попом Никитой Суздаля вообще когда-либо (по-видимому, факт единичный, но это в данном случае несущественно), второй же глагол в составе присоединительной конструкции уточняет информацию, отсылая к определенной ситуации.

Рассмотрим пример, в котором глагол *бывати* не имеет общефактического значения:

▪ *А прежние меры, которые имянуеми четверти, то бывала четвертая часть бочки или кади, то же и оковами зваху, оковаху бо поверху тоя кади железным обручем для того, чтобы ея не убавили и не обрезали* (ВЛ, л. 130 об. – 131, 1602 г.).

Глагол называет ситуацию, которая продолжалась на протяжении некоторого времени в прошлом, не прерываясь и, соответственно, не повторяясь. Употребление глагола *бывати* в значении многократного действия мы уже обсуждали выше, обратимся вновь к примерам Д. С. Сичинавы: *оплечье бывало низано жемчюгомъ* (1683) [а теперь жемчуга нет]; *бывал солдат* [а теперь уже не солдат; совр. рус. *был солдатом*] [Сичинава 2012: 277 – 278]. Как и в этих контекстах, в приведенном выше летописном фрагменте глагол *бывати* называет ситуацию, длившуюся на протяжении некоторого времени и целиком отнесенную в прошлое (в настоящем она уже не имеет места).

Употребление глагола *бывати* в функции вводного слова мы находим только в ЖПА¹, например:

▪ ***Бывало***, *отче, въ Даурьской землѣ <...> от немощи и от глада великаго изнемогъ в правилѣ своемъ, всего мало стало, толко навечернишние псалмы, да полунощницу, да часъ первой, а болиши тово ничево не стало; такъ, что скотинка, волочюсь; о правиле томъ тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ в лѣсъ по дрова; а без меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь с матерью – обе плачють. <...> Я пришелъ из лѣсу: згъло робенокъ рыдаетъ <...>. И я отдохнулъ и с молитвою приступилъ к робяти <...>* (ЖПА, л. 241 об. – 242);

▪ *Велѣлъ [царь] меня поставитъ на монастырьскомъ подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говоритъ: «благослови-де меня и помолися о мнѣ!» И шапку в ыную пору муръманку, снимаючи з головы, уронилъ, едучи верхомъ. А ис корѣты высунется ***бывало*** ко мнѣ. Таже и всѣ бояря, после ево, челомъ да челомъ: *протопопъ, благослови и молися о насъ!* (ЖПА, л. 238 об. – 239).*

¹ В других текстах можно найти примеры, в которых форма *бывало* приближается к синтаксически независимому употреблению, но еще выступает в функции сказуемого, ср.: *А бывало того многожды, что на день погребенья три, и четыре, а иногда и пять, и шесть, и болиши* (ЖД, с. 424).

В первом случае речь идет о единичной ситуации, а во втором – о повторяющейся. При этом на повторяемость названных событий указывают формы предикатов (в данном случае презенс СВ в хабитуальном значении) и временные обстоятельства. Примеров, в которых неоднократность действий выражалась бы исключительно словом *бывало*, в нашем распоряжении нет.

ЖПА демонстрирует, соответственно, употребление вводного *бывало*, аналогичное тому, что мы видели в былинах: в отличие от современной литературной нормы, оно не предполагает обязательного выражения неоднократности. Кроме того, как и в былинах, *бывало* встречается здесь как в единично-фактическом, так и в собственно общефактическом употреблении.

Мы видим, таким образом, что в памятниках XVII в. имперфективы, мотивированные основами НСВ, функционируют так же, как в рассмотренных выше летописях XV – XVI вв., а также севернорусских фольклорных текстах. Их отличительной чертой оказывается употребление только в собственно общефактическом значении, в отличие от других глаголов НСВ, которые чаще всего имеют единично-фактическое значение, хотя и являются немаркированным членом оппозиции. Исключение составляют глаголы *видати*, *слыхати*, *бывати*, редко, но все же встречающиеся в единично-фактическом значении.

Имеющегося в нашем распоряжении материала недостаточно для того, чтобы делать выводы о каких-либо диалектных различиях в употреблении глаголов типа *хаживал* в указанный период в севернорусских текстах и памятниках, связанных с территорией Центра. Очевидно, однако, что последние демонстрируют употребление имперфективов от основ НСВ, отличное от того, которое мы наблюдаем в литературной норме в настоящее время. Значение многократности, являющееся отличительной чертой глаголов типа *хаживал* в современном литературном языке и севернорусских говорах, во всех рассмотренных памятниках XVII в. остается

контекстуально обусловленным и без соответствующей поддержки (например, временными обстоятельствами) отсутствует, уравнивая в этом рассматриваемые образования со всеми остальными глаголами НСВ в общефактических контекстах. Поскольку для современных говоров Севера такое употребление является обычным, можно предполагать, что в более раннее время (по крайней мере, еще в XVII в.) диалектные различия в плане употребления глаголов типа *хаживал* отсутствовали или были менее явно выражены.

Открытым остается вопрос о том, какие именно смысловые компоненты составили специфику семантики глаголов типа *хаживал* по сравнению с обычными глаголами НСВ в общефактическом значении на этапе формирования этого класса глаголов. Характеризуя особенности семантики глаголов типа *хаживал* в современном литературном языке, О. В. Кукушкина предполагает, что специфика этого типа производных состоит в маркированной невозможности употребления их в актуальном контексте. Глаголы типа *хаживал* образуются при помощи форманта, который «выражает их неспособность передавать часть значений исходного глагола», производные глаголы оказываются, таким образом, «отрицательно маркированными» [Кукушкина 2016: 225 – 226]. Глагол НСВ образуется от основы НСВ при помощи суффикса имперфективации, который в данном случае «указывает на его неспособность передавать процессуальное значение НСВ (имперфектив, но ущербный, лишенный процессуальности)» [Кукушкина 2016: 226].

Неспособность глаголов типа *хаживал* употребляться в актуально-длительном контексте в старорусских памятниках XV – XVI вв. подчеркивает и М. Н. Шевелева. По мнению исследователя, специфической для таких образований оказывается семантика «дискретности действия, его потенциальной кратности»: «глаголы типа *хаживал* маркированы по этой семантике дискретности, и именно поэтому общефактическое значение становится для них основным» [Шевелева 2016].

Трактовка О. В. Кукушкиной и М. Н. Шевелевой позволяет объяснить развитие у глаголов типа *хаживал* значения многократности и неактуальности действия в современном литературном языке.

III. 4. Итоги

Проанализированные фольклорные тексты, записанные в разных регионах, показывают, что нормальным контекстом для употребления имперфективов, мотивированных основами НСВ, является общефактический. Эти образования (как бесприставочные, так и приставочные) отличаются от других глаголов НСВ в общефактическом значении тем, что называют событие, не соотнесенное с какой-либо определенной точкой на временной шкале, то есть нелокализованные во времени. Остальные глаголы НСВ в общефактическом контексте чаще всего называют конкретный факт, имевший место в определенный момент в прошлом – локализованный во времени, то есть употребляются в единично-фактическом значении. Исключение составляют только глаголы *бывать*, *видать*, *слыхать*, которые встречаются (хотя и очень редко) в том числе в единично-фактическом значении.

Глаголы типа *хаживал* в южнорусских былинах в своем употреблении в основном соответствуют названной закономерности, но ведут себя не вполне последовательно: и бесприставочные, и – значительно чаще – приставочные глаголы обнаруживаются в контекстах, сообщающих об определенной, конкретной ситуации и даже просто не соответствующих общефактическому значению.

В рассмотренных памятниках XV – XVII вв. (севернорусских текстах и памятниках, связанных с территорией Центра) имперфективы, образованные от основ НСВ, функционируют совершенно так же, как в севернорусских фольклорных текстах, не обнаруживая при этом и каких-либо диалектных различий.

Главная особенность имперфективов от основ НСВ в севернорусских фольклорных текстах и памятниках XV – XVII вв., отличающая их от современной литературной нормы, состоит в том, что значение многократности не выражается ими во всех контекстах по умолчанию. Потенциальная повторяемость, обязательная для глаголов в общефактическом употреблении, может не реализоваться в том или ином контексте: как и другие глаголы НСВ, глаголы типа *хаживал* выражают его в соответствующих контекстуальных условиях, при отсутствии же таковых могут обозначать единичные, неповторяющиеся действия. Поскольку значение многократности является контекстуально обусловленным, имперфективы типа *хаживал*, по-видимому, не следует считать глаголами многократного способа действия.

Можно предполагать, таким образом, что севернорусские фольклорные тексты (и шире – севернорусские говоры вообще) сохраняют употребление имперфективов от основ НСВ, которое в более ранний период было характерно не только для Севера, но и по крайней мере для говоров Центра. Грамматикализация итеративного значения оказывается вторичным, более поздним явлением, охватившим не все говоры. Что же касается глаголов *бывать*, *видать* и *слыхать*, исконно отличавшихся от глаголов типа *хаживал*, то первый, по-видимому, стал итеративом достаточно поздно, а у последних значение многократности так и не вышло за рамки контекстуально обусловленного – в современном литературном языке они по-прежнему нормально обозначают единичные действия.

Заключение

Анализ отличающегося от литературной нормы употребления нарративных форм в Онежских былинах в сопоставлении со сказками, записанными в разных регионах, и памятниками письменности XII – XVII вв. позволил сделать следующие выводы.

1. Настоящее историческое (НИ) в Онежских былинах отличается от литературной нормы более широким употреблением глаголов СВ, а именно способностью последних – наряду с НСВ – называть неповторяющиеся завершённые действия в прошлом. Аналогичное употребление презенса СВ в книжных древнерусских и старорусских памятниках свидетельствует о том, что былины отражают архаичное видовое распределение, характеризовавшее план НИ в более ранние периоды истории русского языка.

Употребление глаголов НСВ в плане настоящего исторического совпадает с современной литературной нормой: презенс НСВ может употребляться как в событийном, так и в процессном значении. Хорошо известно, однако, что на более ранних этапах развития русского языка событийное настоящее историческое НСВ было характерно прежде всего для книжных текстов и распространилось со вторым южнославянским влиянием. Очевидно, что употребление такой формы в фольклорном тексте не может быть связано с церковнославянской традицией.

Данные памятников XII – XVII вв. позволяют предполагать параллельное существование на протяжении всего этого времени двух традиций употребления настоящего исторического. Одна из них представлена в церковнославянских текстах и характеризуется употреблением презенса НСВ в событийном значении. Она не обнаруживает заметных изменений в функционировании НИ на разных этапах истории литературного языка, за исключением роста активности в период второго южнославянского влияния.

Второй вариант употребления НИ характерен для гибридных текстов раннего периода и некнижных фрагментов памятников XIV – XVII вв. В древнерусских некнижных и гибридных текстах презенс НСВ имеет процессное значение, обозначая не продвигающие повествование (одновременные) действия в прошлом, СВ называет завершённые действия в прошлом, «двигающие» нарративную цепочку, неохарактеризованные же по виду глаголы возможны и в процессном, и в событийном значении. Однако, в отличие от «книжного», этот тип настоящего исторического (по-видимому, характерный для живого языка и выполнявший экспрессивную функцию) со временем претерпевал изменения, поскольку начиная с XVI в. указанное видовое распределение в настоящем историческом выдерживается непоследовательно. С этого времени глаголы НСВ начинают употребляться в некнижных контекстах не только в процессном, но и в событийном значении, тогда как презенс СВ, напротив, постепенно уходит на периферию. В XVII в. употребление событийного НСВ характерно в том числе и для текстов, отражающих ориентацию на фольклорную традицию. Это позволяет предполагать, что развитие у НСВ событийного значения произошло в живом языке независимо от церковнославянской традиции.

Таким образом, употребление настоящего исторического НСВ в событийном значении в былинах и современном разговорном языке, по-видимому, не связано своим происхождением с соответствующей формой, распространившейся в церковнославянских текстах в период второго южнославянского влияния, а является естественным результатом развития этой формы в реальной системе живого языка.

В качестве общей гипотезы можно предположить, что наличие в современном русском литературном языке двух разновидностей настоящего исторического – «живого, эмоционального рассказа о прошлом» и «настоящего исторического в литературном авторском повествовании», употребляющегося «в авторской речи, в исторических трудах, биографиях» [Бондарко 1971: 144; АГ 1980: 632; Падучева 2010: 380 – 381; Шатуновский

2009: 210 – 214], – является развитием сосуществовавших на протяжении длительного времени двух типов Praesens Historicum – экспрессивного настоящего исторического живого языка и литературной «технической» формы, характерной для книжной традиции.

2. Употребление прошедшего НСВ для обозначения завершенных однократных последовательных событий в прошлом не является уникальной особенностью фольклорных текстов. Аналогичным образом ранее в литературных текстах функционировал имперфект: в соответствующих контекстуальных условиях он мог называть одно из действий в претеритальной цепочке, отличаясь от нормального в таких случаях аориста не только собственно значением процессности, но и, по-видимому, экспрессивной функцией. Л-формы НСВ в событийном значении также представлены в нарративных текстах XIV – XV вв., но постепенно они выходят из употребления: в XVII в. мы находим их уже практически только в текстах, отражающих ориентацию на фольклорную традицию.

Интересно, что концентрация форм прошедшего НСВ с событийным значением в каждый из рассмотренных периодов истории русского языка более высока в текстах, отражающих связь с фольклором: Слово о полку Игореве, «Задонщине», Повести о Горе и Злосчасти и др. В текстах же, не обнаруживающих явной ориентации на фольклорную традицию, количество форм прошедшего НСВ в событийном значении всегда оставалось небольшим.

Употребление событийного прошедшего НСВ совершенно аналогично событийному значению НСВ в плане настоящего исторического: обе формы называют завершенные однократные события в прошлом, в обоих случаях это значение проявляется в нарративе и является контекстуально обусловленным; прошедшее НСВ отличается от настоящего исторического НСВ фактически только отсутствием временной транспозиции. При этом л-формы НСВ постепенно утрачивают способность употребляться в

событийном значении (и в итоге сохраняются лишь в фольклорных текстах в качестве характерной стилистической особенности), тогда как в настоящем историческом активность событийного НСВ, напротив, возрастает.

Как кажется, способствовать исчезновению событийного значения у прошедшего НСВ могли следующие факторы: 1) утрата основами НСВ маркированности по признаку процессности; 2) развитие основами НСВ общефактического значения [Кукушкина, Ремнева 1984: 51 – 56; Кукушкина, Шевелева 1991]; 3) постепенное сокращение числа неохарактеризованных по виду основ и закрепление за большинством из них значения НСВ; 4) растущая активность употребления событийного НСВ в настоящем историческом.

3. Имперфективы, мотивированные основами НСВ, в рассмотренных фольклорных текстах и старорусских памятниках употребляются в общефактическом значении. От других глаголов НСВ в этом же значении они отличаются тем, что называют факт, не локализованный во времени, и маркированы по данному признаку. Остальные глаголы НСВ являются немаркированным членом оппозиции и, соответственно, возможны в обоих значениях – собственно общефактическом и в единично-фактическом.

В севернорусских былинах и сказках названные типы общефактического значения распределены очень последовательно: глаголы типа *хаживал* встречаются только в собственно общефактическом значении, остальные глаголы НСВ – в основном в единично-фактическом. Приставочные глаголы, мотивированные основами НСВ (*прихаживал*), не отличаются в своем употреблении от бесприставочных.

Все сказанное в равной степени относится и к рассмотренным текстам XV – XVII вв., как севернорусским, так и связанным с территорией Центра, – диалектные различия в употреблении имперфективов от основ НСВ в этот период не проявляются.

В южнорусских былинах глаголы типа *хаживал* ведут себя непоследовательно.

Можно предполагать, таким образом, что севернорусские фольклорные тексты (и шире – севернорусские говоры вообще) сохраняют употребление имперфективов от основ НСВ, которое в более ранний период было характерно не только для Севера, но и по крайней мере для говоров Центра.

Особым образом во всех рассмотренных текстах функционируют глаголы *бывать*, *видать*, *слыхать*: эти глаголы, мотивированные неохарактеризованными по виду основами и встречающиеся уже в древнерусских текстах, в былинах и старорусских памятниках употребляются не только в собственно общефактическом, но и в единично-фактическом значении, которое для «обычных» глаголов типа *хаживал* закрыто.

В отличие от современной литературной нормы, в севернорусских фольклорных текстах и старорусских памятниках значение многократности, по-видимому, является контекстуально обусловленным. Потенциальная повторяемость, отличающая все глаголы в общефактическом значении, может не реализоваться: как и другие глаголы НСВ, глаголы типа *хаживал* выражают его в соответствующих контекстуальных условиях, при отсутствии же таковых могут обозначать единичные, неповторяющиеся действия.

Проведенное исследование показало, что целый ряд специфических, не свойственных сейчас русскому литературному языку особенностей функционирования видо-временных форм в Онежских былинах имеет архаичное происхождение. При этом если характер употребления форм настоящего исторического и глаголов типа *хаживал* в былинах отражает особенности их функционирования в живом языке более раннего времени, то прошедшее НСВ в событийном значении, по-видимому, всегда было стилистически окрашенной формой, употребление которой в текстах XII –

XVII вв. позволяет говорить о преемственности эпической традиции от древнерусского периода до новейшего времени.

Источники

ВЕЧ – Видения Евфимия Чакольского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 220 – 237.

ВЛ – Вологодская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. С. 160 – 193.

ВпТ – Видение протопопа Терентия // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. Л., 1925. С. 177 – 186.

ГВЛ – Галицко-волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715 – 938.

ДЛ – Двинской летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. М., 1977. С. 148 – 221.

ЖАС – Житие Авраамия Смоленского // Жития преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. СПб, 1912. С. 1 – 24.

ЖАчБ – Житие Алексея человека Божия // *Срезневский И. И.* Дополнения к общему по временному обозрению древних памятников русского письма и языка // Известия отделения русского языка и словесности, 1863, т. 10, с. 536 – 541.

ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159 – 450.

ЖД – Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 356 – 463.

ЖИР – Житие Иринарха Ростовского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб, 1909. С. 1349 – 1416.

ЖпА – Житие протопопа Аввакума, им самими написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в. Русская историческая библиотека. Т. 39. Кн. 1. Вып. 1. С. 1 – 240.

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII – XIII вв. М., 1971. С. 71 – 135.

ЖцД – Житие царевича Димитрия Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб, 1909. С. 899 – 922.

Задон. – Задонщина // В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина» (опыт реконструкции авторского текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1948. Т. VI. С. 223 – 255.

ЗЛ – Летописное сказание Петра Золотарева // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 206 – 233.

Иное видение – Иное видение // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. Л., 1925. С. 185 – 186.

КЛ – Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285 – 715.

Лет. 1619 – 1691 – Летописец 1619 – 1691 гг. // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 180 – 205.

МЛ – Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 11 – 179.

МЛС – Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949.

НЛ – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XII – XIII. СПб., 1901 – 1906.

НПЛ – Новгородская I летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 15 – 100.

Онеж. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Тт. I, III. М.-Л., 1949.

ПвВ – Повесть о видении во Владимире в 1611 году // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. Л., 1925. С. 240 – 242.

ПвВН – Повесть о видении Варлааму в Великом Новгороде // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. Л., 1925. С. 243 – 248.

ПвНН – Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. Л., 1925. С. 235 – 240; 951 – 956.

ПГЗ – Повесть о Горе-Злочастии – *Н. И. Костомаров*. Повесть о Горе-Злочастии, древнее русское стихотворение // Современник, 1865, №3, отд. I. С. 49 – 68.

ПжФИ – Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича // Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. СПб., 1910. С. 1 – 22.

ПзОМ – Повесть о зачатии Отроча монастыря (Краткая редакция) // *С. А. Семячко*. Повесть о Тверском Отроче монастыре. Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 93 – 100.

ПнСкШ – Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб, 1909. С. 1332 – 1348.

ПФЕ – Повесть о Фоме и Ереме // Русская демократическая сатира / Подгот. текстов и комм. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1954. С. 43 – 45.

Сказ – Русская сказка. Избранные мастера / Под ред. М. К. Азадовского. М.-Л., 1932. Тт. I, II.

СкБГ – Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. С. 42 – 58.

СкАП – Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. СПб., 1909. С. 957 – 1272.

СкПушк – Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. М.-Л., 1950.

СПИ – Слово о полку Игореве // А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2007. С. 395 – 409.

ССк – Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908. С. 202 – 354.

УЛ – Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л., 1982. С. 17 – 103.

УЛет. – Устюжский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л., 1982. С. 104 – 126.

ХЛ – Холмогорская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. М., 1977. С. 10 – 147.

ЦКн – Так называемая Царственная книга // Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XIII-2. СПб., 1906. С. 409 – 532.

ЮжнБ – Южнорусские былины // А. М. Листопадов. Песни донских казаков. М.-Л., 1949. Тт. I, II.

Литература

1. Авилова 1964 – Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М., 1964. С. 11 – 148.
2. Авилова 1976 – *Н. С. Авилова*. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
3. АГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
4. АГ 1980, II – Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
5. Адрианова-Перетц 1948 – *В. П. Адрианова-Перетц*. «Задонщина» (опыт реконструкции авторского текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1948. Т. VI. С. 201 – 255.
6. Адрианова-Перетц 1954 – Русская демократическая сатира XVII в. Подгот. текста, статья и комментарии *В. П. Адриановой-Перетц*. М.-Л., 1954.
7. Адрианова-Перетц 2004 – *В. П. Адрианова-Перетц*. Житие Алексия человека Божия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб., 2004. С. 534 – 535.
8. Азадовский 1932 – *М. К. Азадовский*. От составителя // Русская сказка. Избранные мастера. М.-Л., 1932. Т. I. С. 7 – 8.
9. Арутюнова 1976 - *Н. Д. Арутюнова*. Предложение и его смысл. М., 1976.
10. Арутюнова, Ширяев 1983 – *Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев*. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
11. Барановская 1956 – *В. Г. Барановская*. Из истории многократных глагольных форм в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1956.
12. Барентсен 1995 – *А. Барентсен*. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида. I. Kraków, 1995. С. 1 – 26.
13. Барентсен 1998 – *А. Барентсен*. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 43 – 58.

14. Белоброва 2001 – *О. А. Белоброва*. Об источниках Жития Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. LII. С. 667 – 674.

15. Богатырев 1962 – *П. Г. Богатырев*. О языке славянских народных песен и его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания, 1962, № 3.

16. Богданов 1985 – *А. П. Богданов*. Летописец 1619 – 1691 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 111 – 112.

17. Богданов, Зиборов 1985 – *А. П. Богданов, В. К. Зиборов*. Летописец Двинской // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 100 – 103.

18. Большакова 1988 – *Н. В. Большакова*. Варьирование глагольной основы при имперфективации // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 54 – 60.

19. Бондарева 1973 – *В. А. Бондарева*. Система временных форм глагола в языке деловой и бытовой письменности XVII в. Автореф. дисс. ... к. ф. н. М., 1973.

20. Бондарко 1959 / 2005 – *А. В. Бондарко*. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного вида в славянских языках // Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 425 – 608.

21. Бондарко 1962 – *А. В. Бондарко*. Система глагольных времен в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. - № 3. - С. 27-37.

22. Бондарко 1971 – *А. В. Бондарко*. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

23. Бондарко 1971/2005 – *А. В. Бондарко*. Вид и время русского глагола // Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. С. 225 – 422.

24. Бондарко 1983 – *А. В. Бондарко*. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

25. Бондарко 1997 – *А. В. Бондарко*. Проблемы инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 3. М., 1997. С. 64 – 80.
26. Бондарко, Буланин 1967 – *А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин*. Русский глагол. Л., 1967.
27. Бородич 1953 – *В. В. Бородич*. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания, №6, 1953. С. 68 – 86
28. Буганов 1968 – *В. И. Буганов*. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 3 – 9.
29. Буланин 2005 – Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 2005. С. 456 – 459.
30. Булыгина 1982 – *Т. В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. В. Селиверстова. М., 1982.
31. Булыгина, Шмелев 1997 – *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
32. Бунина 1959 – *И. К. Бунина*. Система времен старославянского глагола. М., 1959.
33. Буслаев 1858/1959 – *Ф. И. Буслаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
34. Вайан 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
35. Ван-Вейк 1962 – *Н. Ван-Вейк*. О происхождении видов славянского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 238 – 257.
36. Вимер 2001 – *Б. Вимер*. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов. Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации // Вопросы языкознания. 2001. №2. С. 26 – 28.

37. Виноградов 1922 / 1980 – *В. В. Виноградов*. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. Избранные труды. М., 1980. С. 3 — 54.
38. Виноградов 1936/1980 – *В. В. Виноградов*. Стиль «Пиковой дамы» // В. В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 176 – 249.
39. Виноградов 1947 – *В. В. Виноградов*. Русский язык. М., 1947.
40. Виноградов 2000 – *В. В. Виноградов*. Словарь языка Пушкина. Т. 3. М., 2000.
41. Востоков 1831/1874 – *А. Х. Востоков*. Русская грамматика. СПб., 1874.
42. Вострикова 2009 – *Н. В. Вострикова*. Типология средств выражения экспериментивного значения. М., 2010.
43. Гаспаров 1995 – *Б. М. Гаспаров*. Эпическая предикация (Об употреблении глагольных форм в фольклорных эпических текстах) // *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19. No. 1. P. 1 – 23.
44. Гильфердинг 1949 – *А. Ф. Гильфердинг*. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т.1. М.-Л., 1949. С. 29 – 84.
45. Гиппиус 2006 - *А. А. Гиппиус*. Новгородская владычная летопись XII – XIV вв. и ее авторы. История и структура текста в лингвистическом освещении. I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004 – 2005). М., 2006.
46. Гиро-Вебер 1990 – *М. Гиро-Вебер*. Вид и семантика русского глагола // ВЯ. 1990. №2. С. 102 – 112.
47. Гиро-Вебер 1997 – *М. Гиро-Вебер*. Проблемы терминологии в описании категории вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997. С. 36 – 43.

48. Гловинская 1982 – *М. Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. – М., 1982.
49. Гловинская 1996 – *М. Я. Гловинская*. Две загадки Praesens Historicum // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996.
50. Гловинская 1998 – *М. Я. Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 125 – 134.
51. Гловинская 2001 – *М. Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
52. Грамматика 1952/1960 – Грамматика современного русского литературного языка. Т. 1. М., 1960.
53. Греч 1827 – *Н. И. Греч*. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
54. Грот 1845 – *Я. К. Грот*. Об основных формах русского глагола. СПб., 1845.
55. Гудзий 1962 – *Н. К. Гудзий*. Аввакум // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. Стб. 52 – 54.
56. Гуревич 1997 – *В. В. Гуревич*. Глагольный вид в аспекте актуального членения // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 63 – 70.
57. Давыдов 1852 – *И. И. Давыдов*. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
58. ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Вып. I – III. М., 1986 – 1989.
59. Державина 1955 – *О. А. Державина*. Сказание Авраамия Палицына и его автор. Археографический обзор // Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и комментарии О. А. Державиной и Е. А. Колосовой. М.-Л., 1955. С. 16 – 92.

60. Джуссти 1996 – *Ф. Ф. Джуссти*. Об употреблении презенса совершенного вида и о значении форм будущего времени в «Житии протопопа Аввакума» // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 311 – 319.

61. Дмитриев 1978 – *Л. А. Дмитриев*. Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII века, М., 1978. С. 279 – 304.

62. Дмитриев 2005 – *Л. А. Дмитриев*. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси. С. 531 – 535.

63. Дмитриева 1969 – *Р. П. Дмитриева*. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии // Труды Отдела древней русской литературы. Л., 1969. Т. 24. С. 210 – 213.

64. Дмитриева 1995 – *Р. П. Дмитриева*. Задонщина // Энциклопедия "Слова о полку Игореве". СПб., 1995. Т. 2. Г – И. С. 202 – 211.

65. Достал 1954 – *А. Достал*. Установление видового значения конкретного глагола (из книги «Исследование о видовой системе старославянского языка», гл. VIII) // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 287 – 307.

66. Дробленкова 1988 – *Н. Ф. Дробленкова*. Повесть о видении во Владимире в 1611 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. XLI. С. 53 – 54.

67. Духанина 2006 – *А. В. Духанина*. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2006. № 3 (25). С. 5 – 19.

68. Духанина 2008 – *А. В. Духанина*. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

69. Живов 1992 – *В. М. Живов*. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы //

Доломоносковский период русского литературного языка / The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language. Stockholm, 1992. С. 247 – 270.

70. Живов 1996 – *В. М. Живов*. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования // *В. М. Живов*. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 31 – 41.

71. Живов – *В. М. Живов*. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // *Russian Linguistics*. 1995. Vol. 19. P. 45 – 75.

72. Жолобов 2016 – *О. Ф. Жолобов* Простой индикатив в Выголексинском сборнике // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. 1 (63). С. 91–99.

73. Жолобов 2016а – *О. Ф. Жолобов*. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // *Вопросы языкознания*. 2016. №3. С. 64 – 80.

74. Журова 2006 – *Л. И. Журова*. Повесть о Луке Колочском // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 9. СПб., 2006. С. 507 – 509.

75. Зализняк 2004 – *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 2004.

76. Зализняк 2008 – *А. А. Зализняк*. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2008.

77. Зализняк Анна, Шмелев 2015 – *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.

78. Енин 1988 – *Г. П. Енин*. Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1988. Т. XLI. С. 28 – 30.

79. Исаченко 1960 – *А. В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Братислава, 1960.

80. Карцевский 1927/1962 — *С. О. Карцевский*. Вопросы глагольного вида // *Система русского глагола*. М., 1962. С. 218—230.

81. КГ 2004 – *Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

82. Киянова 2007 – *О. Н. Киянова*. Проблемы языковой нормы русских летописных текстов конца XVI – XVIII вв. Автореф. дисс. ... д. ф. н. М., 2007.
83. Клосс 1980 – *Б. М. Клосс*. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980.
84. Клосс 2000 – *Б. М. Клосс*. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. V – X.
85. Клосс 2001 – *Б. М. Клосс*. Избранные труды. Том 2. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. М., 2001.
86. Ключевский 1871 – *В. О. Ключевский*. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871.
87. Князев 1989 – *Ю. П. Князев*. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. Л., 1989. С. 132 – 144.
88. Князев 2007 – *Ю. П. Князев*. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
89. Колесов 1976 - *В. В. Колесов*. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976. Вып. 1. С. 74-93.
90. Колосов 1877 – *М. А. Колосов*. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб., 1877.
91. Комри 1997 – *Б. Комри*. Общая теория глагольного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 115 – 121.
92. Кондратьев 1949 – *С. Кондратьев*. Предисловие редактора // А. М. Листопадов. Песни донских казаков. М.-Л., 1949. С. 5 – 8.
93. Корецкий 1968 – *В. И. Корецкий*. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282 – 290.

94. Кошелев 1958 - *А. К. Кошелев*. К вопросу о создании типов первоначальной парности по виду в древнерусском языке // Вестник МГУ. Серия историко-филологическая. М., 1958. №2. С. 3 – 39.
95. Кузнецов 1949 – *П. С. Кузнецов*. К вопросу о Praesens Historicum в русском литературном языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 8. 1949.
96. Кузнецов 1953 – *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
97. Кузнецов 1959 – *П. С. Кузнецов*. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
98. Кузнецов 1963/2006 – *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
99. Кузьмина, Немченко 1968 – *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. К вопросу об употреблении ЕСТЬ в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144 – 171.
100. Кукушкина, Ремнева 1984 – *О. В. Кукушкина, М. Л. Ремнева*. Категория вида и времени русского глагола. М., 1984.
101. Кукушкина, Шевелева 1991 – *О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева*. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1991. № 6. С. 38 – 49.
102. Кукушкина 2016 – *О. В. Кукушкина*. Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016.
103. Курмачев 1996 – *А. Ю. Курмачев*. Бесприставочные имперфективы на *-ыва-/-ива-* в памятниках деловой письменности XV – XVII вв. Дипломная работа (рукопись). МГУ, 1996.
104. Лангельшельд 1839 – *Ф. Лангельшельд*. О русских глаголах // Отечественные записки. Т. V. №8. 1839. С. 1 – 26.
105. Лихачев 1979 – *Д. С. Лихачев*. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

106. Лихачев 1984 – *Д. С. Лихачев*. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII века // Повесть о Горе-Злосчастии. Л., 1984. С. 89 – 105.
107. Лихачев 1985 – *Д. С. Лихачев*. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
108. Лобакова 2006 – *И. А. Лобакова*. Житие Иринарха Ростовского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 730 – 739.
109. Ломтев 1958 – *Т. П. Ломтев*. О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сборник статей по языкознанию: Профессору МГУ В. В. Виноградову. М., 1958.
110. Лукьянова 1972 – *Н. А. Лукьянова*. Глаголы многократного способа действия в современных говорах Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 1. Новосибирск, 1972. С. 86 – 98.
111. Лурье 2005 – *Я. С. Лурье*. Повесть об ослеплении Василия II // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 2005. С. 577 – 581.
112. Мансикка 1914 – *В. Мансикка*. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 4. С. 143 – 173.
113. Мартынов 1829 – *И. И. Мартынов*. Предположение о глаголах языка российского. СПб., 1829.
114. Маслов 1948/2004 – *Ю. С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю. С. Избранные труды: Очерки по аспектологии. Общее языкознание. М., 2004. С. 71 – 90.
115. Маслов 1954 – *Ю. С. Маслов*. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 68 – 138.
116. Маслов 1956 – *Ю. С. Маслов*. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

117. Маслов 1958/2004 – *Ю. С. Маслов*. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Ю. С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 445 – 476.

118. Маслов 1965/2004 – *Ю. С. Маслов*. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // *Ю. С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 365 – 395.

119. Маслов 1984 – *Ю. С. Маслов*. Очерки по аспектологии. – Л., 1984.

120. Маслов 1984/2004 – *Ю. С. Маслов*. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // *Ю. С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

121. Маслов 2004 – *Ю. С. Маслов*. Избранные труды: Очерки по аспектологии. Общее языкознание. М., 2004.

122. Мелиг 2011 – *Х. Р. Мелиг*. Вид глагола в русских общих вопросах // Слово и язык. Сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 279 – 297.

123. Мелиг 2013 – *Х. Р. Мелиг*. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013, №4. С. 19 – 47.

124. Мелиг 2016 – *Х. Р. Мелиг*. Общефактическое значение НСВ // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23 – 26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремневой. М., 2016. С. 47 – 51.

125. Мильготина 1974 – *Л. З. Мильготина*. О редакциях и списках Золотаревского сказания // Летописи и хроники. Сб. памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 317 – 327.

126. Мишина (Горбунова) 1997 – 1998 – *Е. А. Горбунова*. Функционирование настоящего исторического в восточнославянских

памятниках XI – XV вв. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli* (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica). 1997-1998. С. 247 – 285.

127. Мишина (Горбунова) 1999 – *Е. А. Мишина*. Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI – XV вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.

128. Мишина 2015 – *Е. А. Мишина*. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 164 – 170.

129. Мучник 1971 – *И. П. Мучник*. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

130. Насонов 1950 – *А. Н. Насонов*. Предисловие // *Полное собрание русских летописей*. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 3 – 12.

131. Некрасов 1865 – *Н. П. Некрасов*. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

132. Немец 1962 – *И. Немец*. Генезис славянской видовой системы // *Вопросы глагольного вида*. М., 1962.

133. Никифоров 1952 – *С. Д. Никифоров*. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. Автореф. дисс. ... д. ф. н. М., 1952.

134. Николаев 2014 – *С. Л. Николаев*. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2014. Вып. 2. Т. III. С. 7 – 109.

135. НКРЯ – [Национальный корпус русского языка](#).

136. Обнорский 1953 – *С. П. Обнорский*. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

137. Овсяннико-Куликовский 1902/1912 – *Д. Н. Овсяннико-Куликовский*. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
138. Ончуков 1909 – Предисловие // *Н. Е. Ончуков*. Северные сказки. СПб., 1909. С. XIII – XX.
139. Орлов 1926 – *А. С. Орлов*. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия ОРЯС Академии наук. Л., 1926. Т. 31. С. 93 – 126.
140. Охтенъ 2002 – *С. А. Охтенъ*. Идеино-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злосчастии» в ее отношении к книжной и фольклорной традициям Древней Руси. Автореф. дисс. ... к. ф. н. Екатеринбург, 2002.
141. Падучева 1985 – *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
142. Падучева 1989 / 1996 – *Е. В. Падучева*. Вид и лексическое значение глагола // Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 84 – 102.
143. Падучева 1994 / 1996 – *Е. В. Падучева*. Семантика видового противопоставления и таксономическая категория глагола // Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 103 – 121.
144. Падучева 1996 – *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
145. Падучева 2004 – *Е. В. Падучева*. О семантическом инварианте видового значения глагола в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. №2(8). С. 5 – 16.
146. Падучева 2010 – *Е. В. Падучева*. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог 2010. С. 375 – 381.
147. Падучева 2010а – *Е. В. Падучева*. Интерпретация форм времени в нарративном и в гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. 2010. №2(10). С. 5 – 25.

148. Падучева 2013 – *Е. В. Падучева*. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 2013. №4. С. 7 – 18.

149. Падучева 2016 – Термин «ракурс» и семантика вида в дискурсивном контексте // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23 – 26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремневой. М., 2016. С. 26 – 28.

150. Пак 1993 – *М. К. Пак*. Многократные глаголы в архангельских говорах. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

151. Панченко 2006 – *А. М. Панченко*. Повесть о житии царя Федора Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 676 – 679.

152. Пентковская 2008 – *Т. В. Пентковская*. Настоящее историческое в Чудовской редакции Нового Завета // Вестник Московского университета, серия 9: Филология. 2008, №4. С. 9 – 29.

153. Петрухин 1996 – *П. В. Петрухин*. Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века // Вопросы языкознания. 1996. №4. С. 62 – 84.

154. Петрухин 2001 – *П. В. Петрухин*. *Syntaxis verbi*. Консекүтивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. М., 2001. №1. С. 219 – 238.

155. Петрухин 2002 – *П. В. Петрухин*. Семантические классы предикатов и развитие вида в восточнославянском языке (По поводу книги: N. Bermel. Context and the lexicon in the development of Russian aspect // University of California publications in linguistics. 1997. V. 129) // Русский язык в научном освещении. М., 2002. №1(3). С. 244 – 262.

156. Петрухин 2003 – *П. В. Петрухин*. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времени в древнерусском летописании. Автореф. дисс....канд. филол. наук. М., 2003.

157. Петрухина 1977 – *Е. В. Петрухина*. Категория глагольного вида и транспозиция морфологических форм (на материале чешского в сопоставлении с русским) // Вестник МГУ. Сер. Филология. 1977. №6. С. 32 – 41.

158. Петрухина 2000 – *Е. В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении со чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

159. Петрухина 2009 – *Е. В. Петрухина*. Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. №5. С. 111 – 127.

160. Петрухина 2009а - *Е. В. Петрухина*. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.

161. Петрухина 2013 – *Е. В. Петрухина*. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 2013. №4. С. 48 – 69.

162. Петрухина 2015 – *Е. В. Петрухина*. Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 185 – 194.

163. Пешковский 1938 / 2001 – *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

164. Платонов 1909 – *С. Ф. Платонов*. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1909.

165. Пожарицкая 1991 – *С. К. Пожарицкая*. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // *Современные русские говоры*. М., 1991. С. 84 – 94.

166. Пожарицкая 2010 – *С. К. Пожарицкая*. Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать*, в севернорусской диалектной речи // *Русский язык в научном освещении*. 2010. №1 (19). С. 103 – 131.

167. Пожарицкая 2015 – *С. К. Пожарицкая*. Диалектный синтаксис за пределами ДАРЯ // *Актуальные проблемы русские диалектологии*. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2015. С. 171 – 173.

168. Потевня 1941 – *А. А. Потевня*. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.-Л., 1941.

169. Прокопович 1982 – *Е. И. Прокопович*. Глагол в предложении: семантика и стилистика видовременных форм. М., 1982.

170. Прохоров 2006 – *Г. М. Прохоров*. Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 14. СПб., 2006. С. 710 – 717.

171. ПСРЛ 1933 – Предисловие // *Полное собрание русских летописей*. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. С. 3 – 9.

172. ПСРЛ 1937 – Предисловие // *Полное собрание русских летописей*. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVIII вв. С. 3 – 16.

173. Размусен 1891 – *Л. П. Размусен*. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // *Журнал Министерства народного просвещения*, 1891, июнь.

174. Рассудова 1968 – *О. П. Рассудова*. Употребление видов глагола в русском языке. – М., 1968.

175. Ремчукова 2004 – *Е. Н. Ремчукова*. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола. М., 2004.

176. Ровнова 1991 – *О. Г. Ровнова*. Многократные глаголы в одном вологодском говоре // *Современные русские говоры*. М., 1991. С. 94 – 103.
177. Ровнова 1993 – *О. Г. Ровнова*. Многократные глаголы в одном севернорусском говоре. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
178. Ровнова 1997 – *О. Г. Ровнова*. Современные русские говоры в аспектологическом плане // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. 3. М., 1997. С. 169 – 179.
179. Ровнова 1998 – *О. Г. Ровнова*. Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии) // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., 1998. С. 396 – 404.
180. Ровнова 2011 – *О. Г. Ровнова*. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2011. №21. С. 110 – 126.
181. Рождественская 2006 – *М. В. Рождественская*. «Видение некоему мужу духовну» Благовещенского протопопа Терентия // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб., 2006. Т. 14. С. 699 – 701.
182. Розанов 1912 – *С. П. Розанов*. Введение. Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему // *Памятники древнерусской литературы*. Вып. 1. СПб, 1912. С. I – XXVI.
183. РГ 1802 – *Российская грамматика, составленная Академией Российской*. СПб., 1802.
184. Руди 2006 – *Т. Р. Руди*. Житие царевича Димитрия Угличского // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 14. СПб., 2006. С. 679 – 686.
185. Ружичка 1962 – *Р. Ружичка*. Глагольный вид в «Повести временных лет» // *Вопросы глагольного вида*. М., 1962.
186. Рус. диалектология 2005 – *Русская диалектология* / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
187. Рус. грамм. – [Русская корпусная грамматика](#).

188. Савельева 2006 – *Н. В. Савельева*. «Иное видение» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 701 – 702.
189. Савельева 2006а – *Н. В. Савельева*. Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 702 – 704.
190. Савельева 2006б – *Н. В. Савельева*. Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 704 – 705.
191. Савельева 2006в – *Н. В. Савельева*. Повесть о чудесном видении во Владимире в 1611 году // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 705 – 706.
192. Савельева 2006г – *Н. В. Савельева*. Видения Евфимия Чакольского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 706 – 710.
193. Салмина 1979 – *М. А. Салмина*. Повесть о нашествии Тохтамыша // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 134 – 151.
194. Семячко 1994 – *С. А. Семячко*. Повесть о Тверском Отроче монастыре. Исследование и тексты. СПб., 1994.
195. Серебрянский 1915 – *Н. И. Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
196. Силина 1981 – *В. Б. Силина*. К истории многократных глаголов (в связи с диалектными данными) // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Ч. II. Нальчик, 1981. С. 186 – 192.
197. Силина 1982 – *В. Б. Силина*. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158 – 279.
198. Силина 1985 – *В. Б. Силина*. Развитие категории глагольного вида в русском языке XI – XVII вв. (формирование видовых корреляций). Автореф. дисс. ... док. филол. наук. М., 1985.
199. Сими́на 1970 – *Г. Я. Сими́на*. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970. С. 26 – 47.

200. Сими́на 1970а – *Г. Я. Сими́на*. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970.
201. Сичинава 2012 – *Д. В. Сичинава*. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII в. // *Русский язык в научном освещении*. 2012. №2. С. 257 – 284.
202. Сичинава 2013 – *Д. В. Сичинава*. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
203. СКК 1987 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
204. СКК 1989 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989.
205. СКК 1992 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси (XVII в.)*. Вып. 3. Ч. 1: А – З. СПб., 1992.
206. СКК 1998 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси (XVII в.)*. Вып. 3. Ч. 3: П – С. СПб., 1998.
207. *Словарь XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII веков*. М., 1975 – .
208. Смит 2013 – *К. Смит*. Двухкомпонентная теория вида // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., 1998. С. 404 – 422.
209. Соболевский 1948/2000 – *С. И. Соболевский*. Древнегреческий язык. СПб., 2000.
210. Сосновцева 2016 – *Е. Г. Сосновцева*. «Бывает + страдательное причастие»: семантика конструкции и ее употребление в памятниках русской агиографии // С. 29 – 30.
211. Соссюр 1916/1999 – *Ф. Соссюр*. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
212. Срезневский 1902, II – *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, 1902. Т. II.
213. Творогов 2004 – *Житие Феодосия Печерского* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 2004. С. 352 – 433, 531 – 534.

214. Трофимова 2004 – *Н. В. Трофимова*. След «Задонщины» в Псковских летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Т. 2. М., 2004. №16. С. 34 – 43.
215. ТФГ 1987/2007 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
216. Ульянов 1895 – *Г. К. Ульянов*. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. 2. Основы, обозначающие различия по видам. Варшава, 1895.
217. Успенский 1975/2000 – *Б. А. Успенский*. Поэтика композиции. СПб., 2000.
218. Успенский 1970/2005 – *Б. А. Успенский*. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. М., 2005.
219. Успенский 2004 – *Б. А. Успенский*. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.
220. Успенский 2008 – *Б. А. Успенский*. Вид и дейксис // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. М., 2008. С. 825 – 866.
221. Ушаков 1939 – Толковый словарь русского языка. Т. 3. М., 1939.
222. Федотова 1954 – *Н. А. Федотова*. Категория вида в русском литературном языке (глагольные суффиксальные образования с -ыва(-ива-) в языке памятников XVII – XVIII вв.). Автореф. дисс. ... к. ф. н. Харьков, 1954.
223. Фортунатов 1899 – *Ф. Ф. Фортунатов*. Разбор сочинения Г. К. Ульянова: Значения глагольных основ в литовско-славянском языке // Сб. Отделения русского языка и словесности АН, 1899, т. 64, № 11.
224. Фортунатов 1910 – *Ф. Ф. Фортунатов*. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб, 1910.
225. Хабургаев 1981 – *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
226. Хабургаев 1991 – *Г. А. Хабургаев*. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (к реконструкции

праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках: история славянского глагола. М., 1991. С. 42 – 54.

227. Чернышев 1970 – *В. И. Чернышев*. Описательные формы русских наклонений и времен в русском языке // Избр. труды. Т. 1. М., 1970.

228. Черткова 1997 – *М. Ю. Черткова*. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. I. М., 1997. С. 191 – 209.

229. Шамбинаго 1948 – *С. К. Шамбинаго*. Повесть о Тверском Отроче монастыре // История русской литературы. Т. II. Ч. 2. М.-Л., 1948. С. 251 – 253.

230. Шатуновский 2004 – *И. Б. Шатуновский*. Общефактический НСВ: коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 368 – 377.

231. Шатуновский 2009 – *И. Б. Шатуновский*. Проблемы русского вида. М., 2009.

232. Шахматов 1908 – *А. А. Шахматов*. Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.-Л., 1950. С. III – XVI.

233. Шахматов 1925/2001 – *А. А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. М., 2001.

234. Шахматов 2002 – *А. А. Шахматов*. История русского летописания. Т. I, кн. 1. СПб., 2002.

235. Шевелева 1986 – *М. Н. Шевелева*. Состояние грамматической нормы употребления видо-временных форм глагола в книжно-литературном языке Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XV – XVI вв. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

236. Шевелева 2009 – *М. Н. Шевелева*. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного

употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. М., 2009. №2 (19). С. 144 – 174.

237. Шевелева 2010 – М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII – XVI вв. // Русский язык в научном освещении. М., 2010. № 2 (20). С. 199 – 241.

238. Шевелева 2012 – М. Н. Шевелева. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2012. №1 (23). С. 140 – 178.

239. Шевелева 2016 – М. Н. Шевелева. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал, бивал, дирал* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. №2 (32).

240. Шелякин 1997 – М. А. Шелякин. О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. I. М., 1997. С. 210 – 219.

241. Шелякин 2006 – М. А. Шелякин. Еще раз об инвариантном и частных значениях формы несовершенного вида русского глагола // Cuadernos de Rusística Española. 2006. №2. С. 9 – 27.

242. Шлуинский 2005 – А. Б. Шлуинский. Типология предикативной множественности: количественные аспектуальные значения. М., 2005.

243. Этерлей 1970 – Е. Н. Этерлей. Древнерусский имперфект (значение и употребление). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.

244. Юрьева 2009 – И. С. Юрьева. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати (почати)* в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII – XV вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

245. Юрьева 2013 – И. С. Юрьева. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2013. С. 135–151.

246. Ягич 1896 – *И. В. Ягич*. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896.
247. Якобсон 1962 – *Р. О. Якобсон*. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания, 1962, № 3. С. 87 – 90.
248. Якобсон 1972 – *Р. О. Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95 – 113.
249. Якобсон 1985 – *Р. О. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.
250. Якубинский 1953 – *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953.
251. Schooneveld 1959 – *C. H. van Schooneveld*. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite System. The Hague, 1959.
252. Vendler 1967 – *Z. Vendler*. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy, Ithaca. N.-Y., 1967. P. 97 – 121.